

реймонд Чандлер

ВЕЧНЫЙ СОН
ВЫСОКОЕ ОКНО
БЛОНДИНКА
В ОЗЕРЕ

Реймонд Чандлер

ВЕЧНЫЙ СОН
ВЫСОКОЕ ОКНО
БЛОНДИНКА
В ОЗЕРЕ

Романы

Перевод
с английского

Москва · Прогресс · 1991

У
В
О
Т
М
И
О
Г
Г
Г
Г
У
Я
СТ
В
В
Г

ББК 84.7 США
Ч-18

Предисловие Г. А. Анджапаридзе
Художник Ю. А. Ноздрин
Редактор А. Н. Панкова

Чандлер Р.

Ч-18

Вечный сон. Высокое окно. Блондинка в озере:
Пер. с англ./Авт. предисл. Г. А. Анджапаридзе. М.:
Прогресс, 1991. — 568 с.
ISBN 5-01-002655-4

Реймонд Чандлер (1888 — 1959) — один из самых известных американских писателей, работавших в жанре детектива.

В настоящий сборник включены наиболее остросюжетные, захватывающие, динамичные романы. Как обычно, главный герой Чандлера частный сыщик Марло ищет справедливости, постоянно сталкивается с алчностью, беспринципностью, преступлениями сильных мира сего, а заодно и тех «стражей порядка», которые, казалось бы, должны с этим бороться.

Рекомендуется широкому кругу читателей.

ч 4703040100—223 94 — 91
006(01) — 91

ББК 84.7 США

ISBN 5-01-002655-4

ФЕНОМЕН РЕЙМОНДА ЧАНДЛЕРА

Биография известного американского писателя Реймонда Чандлера, признанного ныне классика англоязычного детектива XX века, полна фактов, необычных для автора детективных произведений: Чандлер пришел в этот жанр довольно поздно, когда ему было за сорок, написал он по принятым у авторов-детективистов меркам очень мало — всего семь романов, десятка два с небольшим рассказов, несколько статей и сценариев для Голливуда; по своим привычкам Чандлер был человек далеко не светский, последовательно избегавший всех тягот, сопряженных с популярностью, и годами ведший замкнутый и уединенный образ жизни...

Эта необычность Чандлера особенно рельефно выступает в сравнении с его коллегой и приятелем, другим знаменитым американским детективистом Эрлом Стенли Гарднером, у которого на его огромном ранчо бывало много гостей, дела которого вели три секретарши и который, работая с диктофоном, писал новую книгу за неделю-полторы.

Такие темпы были непонятны и неприемлемы для Чандлера. Он всегда писал медленно и трудно, мучительно выбирая слова, тщательно выверяя ритм и интонацию фразы, по нескольку раз переписывая отдельные эпизоды.

Творческая судьба Чандлера складывалась негладко, и, хотя занятие литературой всегда представлялось ему самым серьезным делом, полностью посвятить себя писательству он смог лишь в последние двадцать лет жизни.

Реймонд Торнтон Чандлер родился 23 июля 1888 года в Чикаго. Когда ему исполнилось семь лет, родители расстались, и мать Чандлера, родственники которой жили в Англии, решила перебраться туда.

Юноша получил образование, типичное для лишенного собственных средств представителя «среднего класса»: вполне приличный, хотя и не первоклассный колледж. О продолжении учебы в университете не приходилось и думать: слишком долго Реймонд был на иждивении родственников. Молодой человек поступает вольнонаемным клерком в один из отделов Адмиралтейства — работа в правительственном учреждении вынудила его принять британское гражданство.

Возникновение в ранней юности подобной двойственности — американец по рождению, англичанин по воспитанию (а на какое-то время и по паспорту) — определило на всю жизнь своеобразие натуры, характера, вкусов, привязанностей Чандлера. Хотя большую — и наиболее плодотворную — часть жизни Чандлер прожил в США, он с какой-то романтической любовью относился к Англии, в глубине души считая себя настоящим британским джентльменом, опоздавшим родиться лет эдак на сто!

Быть может, всю жизнь терзавшее Чандлера чувство, что он — «человек без корней» — существует словно бы между двух стран, двух народов, двух культур, и подарило ему своеобразное «остранение» — его взгляд на американскую действительность был ясен, непредвзят и критичен...

Ровно шесть месяцев прослужил Чандлер в Адмиралтействе. То была далеко не последняя и не самая успешная попытка обмануть судьбу... Но душа жаждала творчества. Он начинает писать стихи, впрочем ничем не примечательные. Оставив, несмотря на бурные протесты родственников, чиновничью службу, Чандлер поступил репортером в газету «Дейли экспресс». Стеснительному и замкнутому юноше нелегко было добиться успеха на этом поприще, но он не гнушался самой черной и неблагодарной работой при условии, что связана эта работа с литературой. Такая работа нашлась для него в «Вестминстер газетт», вечерней лондонской газете либерального направления, где он на основе публикаций зарубежной печати компоновал колонку по вопросам европейской политики. Публиковал без подписи, так что даже неизвестно, сколько таких колонок им в общей сложности было написано. В этом же издании печатались сценки, зарисовки и стихи Чандлера. Желание стать писателем не оставляло его, но он никак не мог найти свою тему, свой голос. Не прибавляла уверенности в завтрашнем дне постоянная нужда. Так продолжалось несколько лет — никакой определенности

или перспективы так и не появилось, и вот в 1912 году Чандлер решает возвратиться в США. Ему пришлось занять на дорогу у дядюшки Эрнеста 500 фунтов, вернуть же — на шесть процентов больше: английские родственники не любили чистой благотворительности. Тут уж никаких оснований для идеализации «доброй старой Англии» при всем желании найти не удалось.

На родине Чандлер оказался совсем без средств к существованию. Ему пришлось попробовать себя в самых разных сферах. Был он сельскохозяйственным рабочим, по 10 часов в день собирал абрикосы за 20 центов в час; на фабрике спортивного инвентаря натягивал струны на теннисные ракетки...

В эти годы и увидел Чандлер пропасть между богатыми и бедными. Несомненно, отсюда и пошло его критическое отношение к миру богатых, впоследствии столь ярко проявившееся в его произведениях.

В конце концов Чандлеру удалось получить место бухгалтера, что в принципе ничем не отличалось от того, чем занимался он в британском Адмиралтействе. В 1917 году он пошел добровольцем в канадскую армию, несколько месяцев прослужил в частях, находившихся в Англии и Франции, однако участия в сражениях первой мировой войны так и не принял.

После войны его вновь ожидали чиновничьи будни. И Чандлер снова, как будто безропотно, согласился с подобной судьбой. Но постоянный заработок был необходим — в том числе и потому, что в 1924 году он женился по большой любви на женщине, которая была на восемнадцать лет его старше. Нежное чувство к Сисси он пронес через всю жизнь — они прожили вместе 30 лет.

В нефтяной компании, где он начал службу в качестве обычного клерка, Чандлер довольно быстро и, казалось бы, совсем неожиданно сделал карьеру — стал вице-президентом. Его ценили за быстрый ум, за способность оперативно решать сложные деловые вопросы. Но, судя по всему, нагрузка на хрупкую психику Чандлера очень скоро стала непосильной. Огромная ответственность, постоянное общение с бесконечным количеством людей оказались для его замкнутой натуры тяжким испытанием, которое вело к переутомлению, к стрессу. Целый ряд причин: экономический кризис начала 30-х годов, непростые отношения с руководством фирмы, пристрастие Чандлера к алкоголю — все вместе привело к закономерному финалу. Он был

вынужден уйти и вновь остался без средств к существованию.

Работа, в ходе которой приходилось сталкиваться с большим количеством людей, не привлекала Чандлера, да и характер был у него не из легких. При внешней скромности и застенчивости он был нетерпим, вспыльчив, крайне раним, раздражался от любого пустяка. Однако все знавшие его в один голос отмечали его доброжелательность, готовность помочь тому, кто в этом нуждается.

Чандлер был стеснителен, но не робок и более всего дорожил своей независимостью. Его биограф Макшейн приводит любопытный случай. Однажды в ресторане Чандлера заметил всемогущий шеф ФБР Гувер и велел официанту пригласить писателя к своему столу. Чандлер же попросил официанта передать Гуверу, чтобы тот катился ко всем чертям. Но случилось это много позже, когда к Чандлеру пришла известность, а в начале 30-х годов положение его было просто катастрофическим.

Сегодня, конечно, можно только гадать, занялся Чандлер сочинением детективных историй заработка ради или же он наконец понял, что нашел свое призвание, — во всяком случае, как признавался позже сам автор, «внезапно меня осенило, что я вполне мог бы заняться сочинением подобного рода историй и немного подзаработать, пока набью руку»¹.

В 20 — 30-е годы в США издавалось великое множество журналов и журнальчиков, так называемых «pulp magazines», печатавшихся на дешевой бумаге и публиковавших сенсационные материалы и развлекательные рассказы. Наиболее высоким уровнем среди них выделялся журнал «Черная маска», в котором сотрудничали Э. С. Гарднер и Д. Хэммет. Первый рассказ Чандлера «Шантажисты не стреляют» был опубликован в «Черной маске» за декабрь 1933 года. Тогда дебютанту было сорок пять лет. Его первый роман «Вечный сон» вышел в 1939 году. Собственно, из двадцати шести лет литературной карьеры Чандлера наиболее продуктивными стали пять лет с 1939 по 1943 год, когда увидели свет романы, принесшие ему заслуженную славу. С 1933 по 1939 год продолжался своеобразный период ученичества. Писатель настойчиво искал своего героя, стиль, интонацию. После 1953 года, когда вы-

¹ Цит. по: F. Mac Sh a r e. The life of Raymond Chandler. N. Y., 1976.

ходит роман «Долгое прощание», Чандлер практически замолкает.

В критических работах, посвященных жанру детектива, имя Чандлера обычно упоминается рядом с именем его коллеги и современника Д. Хэммета, с которым Чандлер, по собственному признанию, ощущал безусловную духовную и творческую близость. Произведения обоих писателей относят к школе так называемого «крутого» (hard-boiled) детектива. Писатели, по существу, не были знакомы друг с другом, так что о какой-то общей идейно-эстетической позиции речи быть не могло. Известен случай, когда они встретились на одном обеде, но пресловутая застенчивость помешала Чандлеру подойти и поговорить с тем, чьими книгами он искренне восхищался.

Что же объединяло Чандлера и Хэммета? Оба они оказались смелыми реформаторами жанра, резко порвавшими с традиционным детективным канонам, в котором повествование строилось вокруг разгадки тайны того или иного преступления, совершавшегося в своеобразном вакууме, в отрыве от реальной жизни с ее конфликтами и проблемами. Первоэлементом канонического детектива (у Конан Дойля, А. Кристи и др.) считалось действие, напряженное развитие интриги, нередко в ущерб полнокровности характеров и психологической убедительности поступков персонажей.

У Чандлера на первый план выходит быт, повседневность. В его книгах нет, по сути дела, тайны как таковой, а есть некие невыясненные обстоятельства. Силой, сцепляющей произведение воедино, становится не ход расследования, не стремительное развитие фабулы, а совсем иной, необычный, можно даже сказать — новаторский, художественный прием: «Моя теория такова: читатель только думает, что в романе его волнует действие, ход событий; на самом же деле именно развитие событий волнует меньше всего, хотя об этом никто и не догадывается. В действительности читателя — да и меня — заботит эмоциональный фон, который создается диалогами и описаниями событий. Запоминается... прежде всего не тот факт, что человек убит, а то, что в момент смерти он пытался подхватить с полированной поверхности бюро канцелярскую скрепку, которая постоянно ускользала у него из-под рук, а потому на лице убитого застыло напряженное выражение, а рот приоткрылся как бы в гримасе отчаяния. О смерти в тот момент у персонажа и мысли не было. Он даже не дога-

дывается о ее приближении: все дело в том, что эта проклятая скрепка никак ему не поддавалась!» Подобное внимание писателя к детали, не являющейся «ключом» для установления истины (или «псевдоключом», на время эту истину затемняющим), а просто создающей атмосферу, считалось в каноническом детективе художественным излишеством. В детективе Хэммета и Чандлера «излишество» приобретает важные художественные функции.

Определение «крутого» детектива родилось из чисто внешних, технических приемов, и, верно схватывая один аспект произведений Хэммета и Чандлера, оно вовсе не объясняет их сути. В «крутом» детективе сыщику действительно не так уж часто приходится работать головой, раскрывая преступление с помощью логики и анализа, как это делали, скажем, Шерлок Холмс и Эркюль Пуаро. В «крутом» детективе герой регулярно пускает в ход кулаки, хорошо владеет оружием, хотя и не любит пускать его в ход первым. Все это так.

Но Чандлер вовсе не считал себя поставщиком развлекательного чтива. Свою задачу — правдиво отобразить американскую действительность — он недвусмысленно сформулировал в своем известном эссе «Простое искусство убивать»: «Реалист, взявшийся за детектив, пишет о мире, где гангстеры правят нациями и почти правят городами, где отели, многоквартирные дома, роскошные рестораны принадлежат людям, которые сколотили свой капитал на содержании публичных домов, где звезда киноэкрана может быть наводчиком бандитской шайки, где ваш очаровательный сосед может оказаться главой подпольного игорного синдиката, где судья, у которого подвал ломится от запрещенного сухим законом спиртного, может отправить в тюрьму беднягу, у которого в кармане обнаружили полпинты виски, где мэр вашего города может относиться к убийству как к орудию наживы, где никто не может спокойно, без опаски за свою жизнь пройти по улице, потому что закон и порядок — это нечто, что мы обожаем на словах, но редко практикуем в жизни...»¹

Написаны эти строки в 1944 году. Но как справедливо и злободневно звучат они спустя почти сорок лет, и не только для США! Коррупция во всех эшелонах власти, проник-

¹ R. Chandler. Stories. L., 1965.

новение организованной преступности в легальный бизнес, неуклонный рост правонарушений, произвол полицейских и судей, боязнь рядовых американцев оказаться на улице после наступления темноты — все это выросло и укрупнилось в десятки и сотни раз.

В последнее время стало очевидно, что многие социальные пороки, запечатленные Чандлером, в немалой степени присущи и нашему обществу.

И как тут не согласиться с биографом Чандлера, который характеризует произведения писателя как своего рода «энциклопедию жизни» Лос-Анджелеса. Чандлер действительно запечатлел этот город, как ни один американский писатель. Его можно было бы, наверное, назвать поэтом или певцом Лос-Анджелеса, если бы он не был столь критичен к городу, ставшему местом действия большинства его рассказов и романов «о преступлении».

Есть еще одна черта, отличающая Чандлера от великого множества его коллег-детективистов. В определенном смысле он был лишен фантазии (реальность не отпускала?) — ему с трудом приходили в голову сюжеты. Наверное, поэтому большинство его рассказов в той или иной форме напомнит о себе в его романах. Он будет использовать их как своего рода составные части больших вещей — знакомые образы, ситуации, типажи, фразы. Так, «Вечный сон» включил в себя два рассказа: «Убийца в дождь» и «Занавес». «Прощай, любимая» — рассказы «Человек, любивший собак», «Ищи деву» и «Нефрит мандарина». Роман «Блондинка в озере» основан на одноименном рассказе, а также на рассказах «Блюзы Бей-Сити» и «В горах не бывает преступлений».

Подобный «самоплагиат», думается, вполне допустим. Однако в 1945 году он прочел опубликованный неким Реймондом Маршаллом роман «Реквием по блондинке» и обнаружил там прямые заимствования из своих книг и из книг Хэммета. Выяснилось, что Реймонд Маршалл, он же Рене Реймонд, в настоящее время более известный знатокам детективного жанра как Джеймс Хэдди Чейз, плодовитый английский беллетрист, автор многих кровавых детективных историй, действие которых происходит в США, изучал жизнь этой страны по энциклопедиям, картам, словарям сленга и... книгам американских писателей. Плагиатору пришлось принести

свои извинения в печати и выплатить соответствующую сумму...

«Прощай, любимая» (1940) — второй роман Чандлера, и его действие происходит, естественно, в Лос-Анджелесе. То, что в романе называется Бей-Сити, на самом деле — Санта-Моника, один из районов Лос-Анджелеса, где в свое время жил писатель.

Рассказывая в своих книгах о «преступном» Лос-Анджелесе, Чандлер выступил в роли своеобразного пророка. В наши дни, по свидетельству английского журнала «Экономист», Лос-Анджелес оставил по числу убийств далеко позади такой классический центр преступности, как Нью-Йорк.

Одновременно с романом «Прощай, любимая» Чандлер писал и «Блондинку в озере». Окончив первую вещь, но не дописав вторую, он принялся за «Высокое окно», которое завершил в 1942 году, а годом позже увидела свет и «Блондинка в озере». Высокая требовательность к себе сочеталась у Чандлера с какой-то неуверенностью в своих силах — даже в пору его высшего творческого расцвета.

Быть может, из-за этой неуверенности в себе и в своей способности обеспечивать постоянный заработок чисто литературным трудом Чандлер согласился подписать контракт с одной из голливудских студий и стал штатным сценаристом на фиксированном окладе. Его наняли на тринадцать недель — каждый день с девяти до пяти он должен был проводить на студии. В Голливуде его ценили как большого мастера диалога. В самом деле, мгновенный, как уколы рапир, обмен острыми репликами — важнейшая черта манеры Чандлера-романиста. Он, кстати, не возражал против того, чтобы по его романам ставились фильмы (многие его романы экранизировались, и некоторые дважды), но сам он никогда не выступал как автор сценария (одним из авторов экранизации «Вечного сна» в 1944 году был Уильям Фолкнер) и в целом относился к Голливуду критически и иронически. Наблюдая однажды возвращение с обеда группы руководителей студии, он заметил: «Они напоминали верхушку чикагских гангстеров, прибывших на зачитание смертного приговора поверженному сопернику. Внезапно меня озарило, что существует какое-то странное — психологическое и духовное — родство между операциями большого бизнеса и рэкетом. Одинаковые лица, с точно

таким же выражением, те же манеры. Одинаковый стиль одежды и те же подчеркнута медлительные ленивые движения»¹.

Чандлеру, человеку живого творческого ума, был органически чужд тот дух коммерции, что царил в Голливуде, где искусство приносилось в жертву конвейеру, изготавливавшему сверхприбыльный товар. По этому поводу Чандлер писал: «Главная трудность работы состоит в том, что те люди, с кем вы имеете дело на студии, в свою очередь подчинены нью-йоркской иерархии, которая не имеет ни малейшего отношения к созданию фильмов, но занимается их рекламой и демонстрацией. Для них фильм — такой же продукт производства, как банка консервов».

Чандлер отразил Голливуд в своих произведениях. В романе «Сестренка» есть ряд эпизодов, в которых Марло по ходу сюжета оказывается в мире кино. Остро гротескны и образ главы рекламного агентства, торгующего актерами, как товаром, и владельца студии, не интересующегося ничем, кроме своих доходов и собак.

Детективный роман в XX веке, особенно после второй мировой войны, превратился в такой же товар, производимый серийным способом, что и голливудские ленты. Способствовало этому превращению немало причин — в том числе и традиционное отношение к детективу как жанру «низкому», «второсортному» по сравнению с «настоящей литературой». В самом деле, детектив строится на определенной модели-формуле, далеко отходить от которой не смеют даже реформаторы жанра. Трудно себе представить детектив или «триллер» без преступника и преступления, без того, кто хочет добраться до истины и восстановить справедливость: будь то полицейский, частный детектив или же сыщик-любитель. Конкретных воплощений триады «преступник — преступление — расследователь» великое множество. Обобщенную схему того типа детектива, что определяется как «крутой», дает американский критик Жак Барзен: «Рассмотрим грубую схему: частный детектив, как правило безденежный, мало кому известный, принимается в одиночку и часто даже без гонорара расследовать убийство какой-то несчастной жертвы — мужчины

¹ Как отмечают советские исследователи, «по некоторым данным, размер капиталовложений мафии в кинобизнес колеблется от 10 до 20 процентов» (Т. Г. Голенпольский, В. П. Шестаков. США: Кризис духовной жизни. М., «Мысль», 1982).

или женщины, не имеющих близких друзей. Эта попытка приводит героя к столкновению с безжалостным преступным синдикатом или с коррумпированной группировкой городских заправил, а то и с тем и другим одновременно. Пока он ищет доказательства преступления, ему грозят, мешают, опаивают наркотиками, в него стреляют, пытаются, но усмирить героя так и не удастся. В различных вариациях этого типа детектив потребляет немалое количество виски и одновременно оказывается готовым и к схватке, и к мимолетному роману. На его делах это не сказывается: он гарантированно непобедим. Пули противников минуют его, его же собственные — особенно в последних кровавых сценах — обязательно достигают цели. И несмотря на эту изнурительную физическую гонку, герой находит все же время и ему достает ума — не пользуясь, кстати, записями или логическими умозаключениями — найти несоответствия, понять мотивы преступления и разоблачить преступника¹. Остроумная и точная модель Барзена вполне применима к произведениям Чандлера. Любопытно, что обычное состояние Марло — ожидание. В романе «Прощай, любимая» ожидания, может быть, меньше, чем в «Сестренке» или «Долгом прощании», но эта ситуация снова и снова возникает на страницах романов: герой-расследователь сидит в своей неказистой обшарпанной конторе, набивает трубку или гасит сигарету в пспельнице, где уже и так полно окурков, прихлебывает виски и ждет телефонного звонка...

«Формализация», проведенная Барзеном, конечно, помогает понять структуру книг Чандлера и его последователей. Но подобный анализ, сводящий произведение к броским схемам, опасен своей категоричностью. Ведь в приведенную схему будут уложены тогда не только книги Чандлера или далеко ушедшего от него по пути смакования насилия и жестокости Д. Х. Чейза, но и знаменитые опусы Флеминга, которые, без сомнения, принадлежат по качеству к иному классу. Замените в формуле Барзена частного детектива на агента 007, защиту одинокого и несчастного на защиту «свободного» мира и т.д.

Ясно, что формальная принадлежность книг Чандлера к школе «крутого» детектива вовсе не исчерпывает их содержания и не объясняет их стабильной популярности среди

¹ Jacques Barzun. The illusion of the Real. — In: The World of Raymond Chandler. Weldenfield and Nicholson. L., 1977, p. 161.

самых разных категорий читателей. Его произведения вовсе не отличаются хитро сплетенной интригой. Элемент разгадывания у него ослаблен (в отличие от А. Кристи). Например, в романе «Прощай, любимая» преступник известен Марло с самого начала: он стал свидетелем преступления, совершенного Маллоем. То, что он обнаруживает еще одну преступницу, Велму, чистая случайность, до определенного момента в ходе расследования он ничего подобного не предполагает. Так что собственно «сыскная», детективная в узком смысле слова сторона особого интереса в себе и не заключает. Традиционно (как и положено в детективе) одномерны многие действующие лица его произведений — девицы-злодейки, леди-вамп условны и как две капли воды похожи друг на друга. Нетрадиционен зато самый привлекательный персонаж романов Чандлера — частный детектив Филип Марло.

Внешне у героя и его создателя нет, пожалуй, ничего общего. С фотографий писателя смотрит человек среднего роста, скорее хрупкого телосложения, в очках, с тонкими чертами лица. Взгляд у него несколько отсутствующий, чувствуется, что человек этот сосредоточен на каких-то своих проблемах... Известно, что Чандлер был человеком болезненным, страдал от недугов, о которых Марло, наверное, и не слышал: постоянно мучился бронхитом, болезнями горла, экзема на руках была настолько острой, что нередко вынуждала его носить перчатки.

Марло высок ростом, физически крепок, очков не носит, умеет в случае необходимости пустить в ход кулаки. Не глуп, хотя до интеллектуала Шерлока Холмса ему далеко.

Но при очевидном внешнем различии есть существенная внутренняя близость. Марло эмоционален, человечен, готов прийти на помощь любому, кто в ней нуждается. В этом он похож на своего создателя. Однако еще больше он похож на героя фронта, на одинокого стойка, каких немало в американской литературной традиции. В характере Марло странным образом сочетаются фатализм и некоторый авантюризм. Он вовсе не гениальный сыщик, которому по плечу любая загадка. Он ошибается, притом регулярно, не слишком здорово разбирается в людях. Но есть в нем упорство, настойчивость и даже упрямство. Есть какой-то спокойный стоицизм. Нельзя сказать, что все происходящее вокруг и с ним самим он приемлет равнодушно, но, во всяком случае, ничто не вызывает его удивления. Он всег-

да и во всем идет до конца, пока не потеряет сознание в буквальном смысле слова. Не сдается, а борется. Он верен своему слову и делу. Ему присущи ироничная мужественность и легкое презрение к слабому полу, особенно когда он оказывается объектом внимания со стороны очередной его представительницы.

Но есть в характере Марло своеобразный инфантилизм, хотя ему за тридцать. Проявляется этот инфантилизм в том, что он сам устанавливает правила игры, не признавая никаких других законов. Кстати, именно за неподчинение он и был уволен из прокуратуры, где когда-то работал. Марло несет в себе типично американскую идею-мечту о возможности установления частной, личной справедливости в обществе, глубоко несправедливом в целом. Вот как формулирует он свое профессиональное кредо в романе «Вечный сон»: «...Никогда не известно, на что... придется пойти, чтобы выполнить ваше поручение. Я берусь его выполнить, а уж как — это мое дело. Главное ведь — это защитить вас, а если я нарушаю при этом некоторые правила, то нарушаю их в ваших же интересах. Интересы клиента для частного сыщика превыше всего — если, разумеется, клиент этот сам не преступник. Но и тогда я лишь откажусь вести дело, которое он мне предложил, и буду держать язык за зубами».

Кажется, будто интересы клиента для Марло и в самом деле превыше всего. Но это не так. Главное для него — его собственное понимание истины, причем весьма и весьма порой субъективное. Подобная позиция — инфантильный индивидуализм (при этом весьма бескорыстного и благородного толка) — влечет за собой неминуемое одиночество. Ему обычно достается и от преступников, и от полиции, и это закономерно. Марло против преступников, чаще всего богатых и могущественных, имеющих не одного крепкого и вымуштрованного телохранителя. Марло против полиции — и не только потому, что многие ее представители тесно связаны с гангстерами, а еще и потому, что полицейские и он — конкуренты.

При том что частный расследователь в англоязычном детективе сплошь и рядом выступал рыцарем без страха и упрека, в объективной же реальности его прототип-аналог нередко способствовал как раз затемнению истины. Чандлер не закрывает глаза на это, что и придает его романам дополнительное измерение, а его герою — противоречивость и сложность, при всем том, разумеется, что в качест-

ве персонажа детективного жанра он остается фигурой весьма условной.

В чем же условность Марло? А хотя бы в том, что он практически всегда работает бесплатно, а иногда прямо-таки навязывает собственные услуги. Ведь в романе «Прощай, любимая» он пускается в расследование исключительно по своей доброй воле. То, что он убежденный и сознательный неудачник, не стремящийся ни к карьере, ни к богатству, естественно, вызывает читательские симпатии. Однако никакой психологической мотивировки эти черты его натуры не получают, они, так сказать, заданы от автора. И вместе с тем здесь действуют мотивировки, определяемые некоторыми социально-культурными особенностями «американской ситуации». Их-то и учел Чандлер, создавая образ Марло.

Чтобы ответить на вопрос, в чем же феномен жизнестойкости книг Чандлера, вот уже свыше сорока лет неизменно привлекающих читательское внимание, следует отдавать отчет в том, что очень часто успех того или иного литературного произведения — и даже целого жанра — зависит от того, насколько успешно читатель может отождествлять себя с литературными персонажами. В случае с Марло попадание оказалось точным. В Филипе Марло многие американские читатели увидели романтически-идеализированный образ каждого из них. Это средний американец, страдающий от трудной неблагодарной работы (высокомерные работодатели, враждебно настроенные полицейские и пр.); воспитанный в духе уважения к личности в теории и снова и снова сталкивающийся с попранием ее элементарных прав в реальной жизни; страдающий от одиночества и отсутствия подлинного тепла и любви. Романы Чандлера — это не только романы «о преступлении», но и романы о человеке, постоянно оказывающемся свидетелем преступлений, способном противопоставить открывшемуся ему неблагоприятному личную порядочность и стремление бороться со злом, пока хватит сил.

Есть и вторая причина притягательности Чандлера. Его несколько условные персонажи действуют в мире, реальность которого ни у кого сомнений не вызывает. Не будет преувеличением сказать, что настоящий герой романов Чандлера — американское общество, изображенное с беспощадной объективностью, свойственной большим писателям-реалистам.

Голливуд и Лос-Анджелес, райский уголок, где, согласно обывательским представлениям, живут богатые и счастливые, находят в Чандлере непримиримого критика. В его книгах Калифорния (в частности, Лос-Анджелес) становится символом великого американского надувательства, пытающегося скрыть за ярким фасадом унылую усредненность, безжизненность и пустоту: «Калифорния, штат универсальных магазинов. Есть почти все, но наихудшего качества».

Отчужденность человека в капиталистическом обществе, однообразная серость будней, потребительство и бездуховность существования — темы, ставшие в западной литературе XX века ключевыми, — видны и в произведениях Чандлера.

Тенденции американской жизни, подмеченные в книгах Чандлера, сегодня носят в США доминирующий характер. Сквозной мотив в «Прощай, любимая» — злоупотребление алкоголем, наркотиками, врачи-шарлатаны, тесно связанные с торговцами наркотиками, — в той или иной мере присутствует едва ли не во всех романах писателя. Можно сказать, что внимание, уделяемое Чандлером этим вопросам, носило, по сути дела, провидческий характер. Известно, что в последние годы алкоголизм и наркомания стали в США национальной проблемой, как и разнообразные злоупотребления врачей и фармацевтов.

Однако нагляднее всего нездоровье американского общества проявляется в том, что богатство и преступность всегда идут рука об руку. Это одна из основных тем Чандлера. Богачи в его романах окружены почетом, обладают огромной властью, но в основе их состояний — преступление. Таковы миссис Мердок («Высокое окно»), убившая своего мужа, чтобы завладеть его капиталами, владелец ночных клубов Стилгрейв («Сестренка»), Лэрд Брюнет («Прощай, любимая»). Обнаружить преступное прошлое Стилгрейва помогает простая случайность: добытые преступлением деньги давным-давно «отмыты» и вложены в легальный бизнес — клубы, игорные дома и т. д. Того же поля ягода, что и Стилгрейв, Лэрд Брюнет, но в этом персонаже Чандлер видит немалые способности, талант, изуродованные социальной системой. Ему досталась определенная роль в обществе, и он ведет себя соответственно. В основе своей он бизнесмен, только вот бизнес его не совсем укладывается в законные рамки. Потому-то и охраняют его гориллообразные телохранители, готовые по первому знаку

шефа разрядить в любого полную обойму 45-го или иного калибра. Потому-то и потратил он 30 000 долларов, чтобы избрать мэром Бей-Сити своего человека — этого требуют интересы дела.

И снова писатель как будто заглядывает в будущее. За сорок с лишним лет изменились только цены. Сегодня избирательные кампании мэров даже маленьких городов обходятся много дороже, а чуть не каждые выборы — неважно, на уровне города, штата или конгресса США, — влекут за собой взяточничество, коррупцию, скандальные разоблачения.

В Америке предметом купли-продажи оказываются не только выборные должности. Покупаются и продаются и представители закона. Действие может происходить где угодно — в Бей-Сити, Лос-Анджелесе, в любом другом городе США. Для больших денег закон не писан.

Неэффективность американского правосудия рождает еще один сквозной мотив произведений Чандлера. Поскольку надежды на справедливое воздаяние преступнику нет, Чандлер осуществляет возмездие сам «в присутствии читателей». Гибнет Велма, кончает с собой полицейский-преступник Дегармо («Блондинка в озере»), гибнут Оррин Квест и Стилгрейв («Сестренка»).

В том, что большинство полицейских в изображении Чандлера мало чем отличаются от своих «оппонентов» из преступного мира, нет особого преувеличения. Полиция Лос-Анджелеса всегда славилась презрением к узаконенным методам следствия.

Особо следует сказать о стиле Чандлера, который в его романах приобретает ту самую отточенность и завершенность, за которую писателя ценят даже те, кого оставляет равнодушным классическое детективное «кто убил?». В романах Чандлера повествование ведется от первого лица — это своеобразный внутренний монолог Марло, полный иронических, а нередко и ядовитых характеристик, емких и лапидарных определений.

Весомость вклада Чандлера в развитие англоязычной прозы была оценена Дж. Б. Пристли, написавшим ряд положительных рецензий на его книги. О произведениях Чандлера с уважением отзывался С. Мозм.

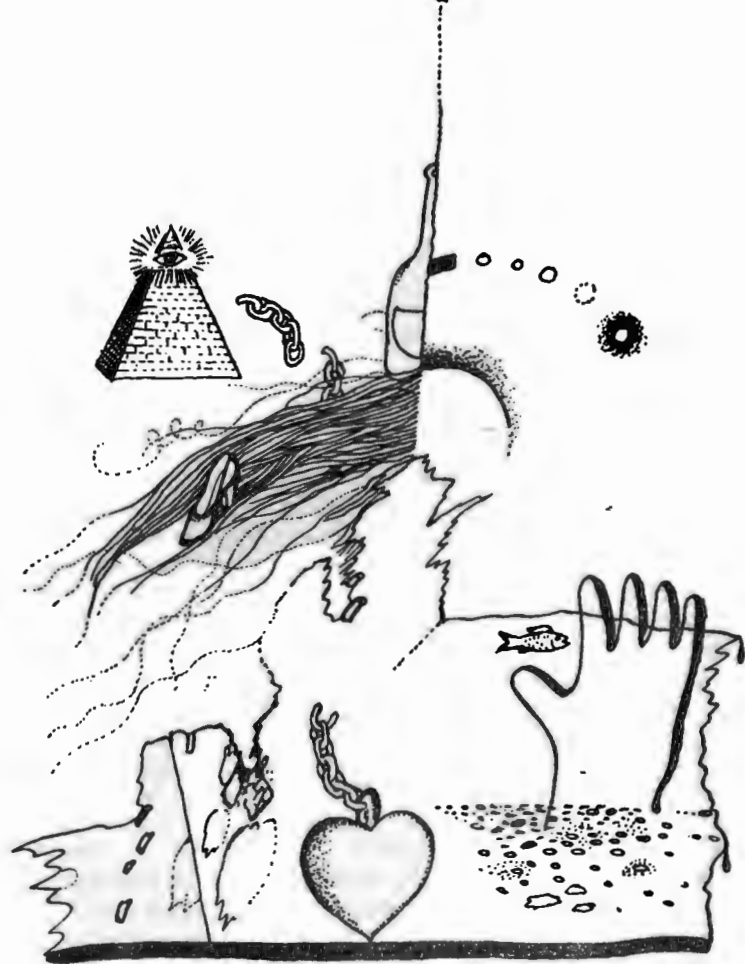
Даже такой последовательный противник детективной литературы, как известный американский критик Эдмунд Уилсон, долгие годы бывший законодателем литературных вкусов по обе стороны Атлантики, признавался в том, что

романы Чандлера — едва ли не единственная литература этого жанра, которую можно читать.

Всю свою жизнь Чандлер хотел, чтобы его числили не по «детективному ведомству», а по ведомству серьезной литературы. Он считал себя — и не без оснований — писателем, пишущим правду о стране, в которой ему привелось родиться и провести много лет. Но справедливым, наверное, будет следующее заключение: детективные романы Чандлера принадлежат к большой литературе США XX века — и не только из-за своей утонченной стилистики, а потому, что разоблачают пороки капиталистического общества, защищают попорченную в этом обществе человечность — и делают это в высшей степени талантливо и убедительно.

Г. Анджапаридзе

БЛОНДИНКА В ОЗЕРЕ

The
Lady in
the Lake

1944

Перевод
М. Зинге

Дом «Трилоу» стоял, и стоит до сих пор, на Оливстрит, в западной части города, неподалеку от Шестой улицы. Тротуар перед ним был вымощен черными и белыми каучуковыми плитами. Сейчас их выворачивали для военных нужд, и похожий на управителя человек, бледный, без шляпы, смотрел на рабочих с тоской в глазах.

Миновав его, а затем пассаж с фирменными магазинчиками, я очутился в большом черном с золотом вестибюле. Фирма «Гиллерлейн» находилась на седьмом этаже, окнами по фасаду, за двойными вращающимися дверьми из темного стекла и алюминия. Приемную устлали китайские ковры, вдоль тускло-серебристых стен темнела прямоугольная стильная мебель, поблескивали изломами абстрактные скульптуры на подставках, а в углу красовалась большая треугольная витрина с образцами продукции. На ярусах, ступеньках, островках и архипелагах сверкающих зеркал стояла масса изысканных пузырьков и коробочек всевозможных форм и размеров. Крем, пудра, мыло, одеколон — на любое время года, на любой случай. Там были духи в длинных тонких флаконах, готовых опрокинуться от одного дыхания, были духи в маленьких нежных оттенках фиалах, повязанных атласными бантами, как девочки в танцевальном классе. Но гордостью и украшением коллекции, видимо, считалось нечто в простом, янтарного цвета, приплюснутом флакончике. Его расположили в центре, отдельно, на уровне глаз, и рекламировали как «Жемчужину Гиллерлейнов. Королеву благовоний». Спешите купить! Одна капелька в ямочку на шее, и на вас прольется золотой дождь успеха.

В дальнем углу приемной у небольшого коммутатора дежурила ладная блондиночка, защищенная от опасных посягательств перильцами, а перед дверьми сидела высокая

стройная красotka. Звали ее, судя по чеканной табличке на столе, Адрианой Фромсет.

На мисс Фромсет был строгий стального цвета костюм и темно-синяя рубашка с мужским галстуком чуть посветлее. Краями платочка в нагрудном кармане, казалось, можно порезаться. На запястье поблескивало единственное украшение — узорчатый браслет. Черные волосы, разделенные прямым пробором, падали на плечи с хорошо продуманной небрежностью. Кожа была гладкая, смугловатая, брови резкие, а большие темные глаза, видимо, умели и теплеть — само собой, в подходящее время и при подходящих обстоятельствах.

Я протянул ей свою визитную карточку — скромную, без маленького пистолета, тиснутого в уголке, — и спросил, нельзя ли увидиться с мистером Дерасом Кингсли.

Она взглянула на карточку:

— Вы с ним договорились?

— Нет.

— Без предварительной договоренности попасть к мистеру Кингсли практически невозможно.

Крыть мне было нечем.

— А по какому вы делу, мистер Марло?

— По личному.

— Мистер Кингсли вас знает?

— Не думаю. Хотя имя, возможно, и слышал. Скажите ему, что я от лейтенанта Макджи.

— А с этим лейтенантом мистер Кингсли знаком?

Она бросила мою карточку рядом с кипой бланков для деловых писем с только что отпечатанными шапками, откинулась на спинку стула и, вытянув руку, тихонько забарабанила по столу золотым карандашиком.

Я ухмыльнулся. Блондинка за коммутатором наострила похожие на раковины ушки и нерешительно улыбнулась. Она выглядела игривой, кокетливой, но не совсем уверенной в себе, словно котенок, попавший в дом, где котят не жалуют.

— Надеюсь, что знаком, — ответил я. — Но, может, лучше спросить его самого?

Чтобы не швырнуть в меня подставкой для авторучек, мисс Фромсет заставила себя быстро проставить номера на трех письмах, а потом, не поднимая глаз, сказала:

— У мистера Кингсли сейчас совещание. Визитную карточку я ему передам при первой же возможности.

Я поблагодарил и подошел к креслу из кожи и хроми-

рованного металла. Оно было куда удобнее, чем казалось на первый взгляд. Время потянулось в густой тишине. Никто не входил и не выходил. Изящные руки мисс Фромсет порхали над бумагами, слегка пощелкивали переключатели коммутатора, да временами блондинка за перильцами что-то приглушенно мяукала в трубку.

Закурив, я подтянул к себе по полу большую пепельницу. Минуты на цыпочках засеменяли одна за другой. Я как следует осмотрел приемную. По обстановке конторы о делах фирмы ничего не скажешь. Она могла ворочать миллионами, но не исключено, что сейф в заднем помещении уже опечатал судебный исполнитель.

Три-четыре сигареты спустя дверь за спиной мисс Фромсет распахнулась, и из нее, пятясь задом и хохоча, вышли два человека. Третий придержал им дверь и тоже за компанию хохотнул. Гости сердечно пожали ему руку и ушли. Третий стер с лица улыбку и стал похож на человека, который вообще никогда не улыбается. Он был высокий, в сером костюме и чертовски деловой.

— Кто-нибудь заходил? — спросил он резким начальственным тоном.

— Вас ждет некий мистер Марло. От лейтенанта Макджи. По личному делу, — приветливо отозвалась мисс Фромсет.

— Знать не знаю такого, — рявкнул высокий. Он взял визитную карточку и, даже не взглянув на меня, вернулся в кабинет. Пневматическая дверь закрылась за ним, издав нечто похожее на презрительное «фи». Мисс Фромсет одарила меня милой, печальной улыбкой. В ответ я ей цинично подмигнул и сунул в губы еще одну сигарету. Время снова потянулось в полной тишине. Фирма «Гиллерлейн» начинала мне нравиться.

Минут через десять внутренняя дверь отворилась, хозяин появился снова, уже в шляпе, и процедил, что идет к парикмахеру. Размашистым спортивным шагом он направился по китайскому ковру к дверям, но на полпути заложил резкий вираж к моему креслу и рявкнул:

— Вы ко мне?

Мистер Кингсли был выше шести футов и довольно крепкий. Глаза серые, тяжелые, с холодным блеском. Серый спортивного кроя костюм в тонкую белую полоску сидел на нем элегантно. И всем своим видом Кингсли давал вам понять, что на мякине его не проведешь.

Я встал:

— К вам, если вы, конечно, мистер Дерас Кингсли.

— А вы думали, кто?

Я оставил последние слова без внимания и протянул ему другую карточку, где была обозначена моя профессия. Он зажал ее в лапе и, хмурясь, прочел.

— А кто такой Макджи? — резко спросил он.

— Да так, мой приятель.

— Восхитительно. Я польщен. — И он оглянулся на мисс Фромсет. Той его сарказм пришелся по душе. Она была просто в восторге. — Может быть, соизволите сказать о нем что-нибудь еще?

— Пожалуйста. Еще его зовут Макджи-Фиалка. Это потому, что он все время сосет пастилки от кашля, а они пахнут фиалками. Человек он рослый, с мягкими седыми волосами и небольшими пухлыми губами. Неравнодушен к женщинам. Когда я его видел в последний раз, на нем был аккуратный синий костюм, коричневые туфли на толстой подошве, серая фетровая шляпа и он курил опиум. Трубка у него небольшая, вересковая.

— Мне не нравятся ваши манеры, — заявил Кингсли таким твердым тоном, что им, казалось, можно колоть орехи.

— Не нравятся, и не надо, — сказал я. — Я их не собираюсь продавать.

Он качнулся назад, будто я сунул ему под нос тухлую скумбрию, затем повернулся и бросил через плечо:

— Даю вам на разговор три минуты. Один бог знает, для чего. — Он зло пролетел мимо стола мисс Фромсет, так что ковер под его ногами чуть не задымился, толкнул свою дверь и отпустил ее у меня перед самым носом. Этот фокус тоже пришелся мисс Фромсет по душе, но теперь ее глаза, по-моему, лукаво посмеивались.

2

Кабинет Кингсли был великолепен. Большой, тихий, с кондиционером; окна закрыты, серые жалюзи приспущены от жаркого июльского солнца. Сероватые шторы подобраны по цвету с коврами, в углу черный с серебром сейф и под стать ему — низкие ящики картотеки. На стене огромная подретушированная фотография старика с массивным крючковатым носом, бакенбардами и стоячим воротничком. Торчащий в разрезе воротничка кадык выглядел решитель-

нее, чем у некоторых подбородки. Пластинка под фото гласила: «Мэтью Гиллерлейн, 1860 — 1934».

Дерас Кингсли на скорости обогнул большой стол, ценой не менее восьмисот долларов, и плюхнулся в высокое кожаное кресло. Потом вынул из шкатулки красного дерева, оправленного в бронзу, длинную сигару, обрезал ее и прикурил от большой бронзовой зажигалки. Прodelьвал он все это не спеша. Спешу ли я — никого не волновало. Закончив с сигарой, он откинулся в кресле, выпустил колечко дыма и сказал:

— Я деловой человек. На пустяки у меня нет времени. Судя по визитной карточке, вы профессиональный сыщик. Покажите бумаги.

Я достал бумажник и протянул ему документы. Он взглянул на них и бросил назад через стол. Копия удостоверения в целлулоидной оправе соскользнула на пол. Извиниться Кингсли и не подумал.

— Ни о каком Макджи я не слышал, — сказал он. — Знаком лишь с начальником полиции, с Петерсеном. Я просил найти мне для одного дела надежного человека. Судя по всему, это вы.

— Макджи работает у Петерсена, но только в Голливудском отделении. Можете проверить.

— Зачем? Вы мне, скорее всего, подойдете. Только постарайтесь меня не раздражать. И запомните, если я кого нанимаю, то нанимаю со всеми потрохами. Мое слово — закон. И еще: придется держать язык за зубами. Иначе тут же вылетите вон. Ясно? Спуску я не дам. Так что подумайте, не слишком ли жесткие условия.

— Пока оставим вопрос открытым, — сказал я.

Он нахмурился и резко спросил:

— Сколько вы берете?

— Двадцать пять долларов в день, не считая расходов. Плюс восемь центов за милю на бензин.

— Чуть, — сказал он. — Куда столько? Пятнадцати долларов хватит за глаза. Бензин я оплачивать готов, но в разумных пределах. Развлекательных поездок не потерплю.

Я затаился, выпустил серое облачко дыма, развеял его ладонью, но не сказал ни слова. Мое молчание его несколько удивило.

Он наклонился над столом и протянул руку с сигарой в мою сторону.

— Я вас еще не нанял. Но если найму, то потребую

хранить все в полной тайне. Никакого трепса с вашими друзьями-полицейскими. Ясно?

— Что за работа мне предстоит, мистер Кингсли?

— А вам не все равно? Вы ведь, наверное, беретесь за любые расследования?

— Нет, не за любые. Только за чистоплотные.

Крепко сжав челюсти, он посмотрел мне в лицо. Его серые глаза потемнели.

— Кстати, я не занимаюсь разводами, — продолжал я. — И еще беру сто долларов задатка — с незнакомых.

— Да-а, — протянул он неожиданно тихим голосом. — Ну-ну.

— Теперь по вопросу об условиях и жесткости, — сказал я. — Большинство моих клиентов поначалу или плачут мне в жилетку или орут, чтобы показать, кто хозяин. Но в конечном итоге всегда становятся самими собой — если остаются в живых.

— Ну-ну, — повторил он тем же тихим голосом, не сводя с меня глаз. — И многих вы теряете?

— Не особенно, если мы находим общий язык.

— Хотите сигару? — спросил он.

Я взял ее и сунул в карман.

— Мне нужно найти жену, — сказал он. — Она пропала месяц назад.

— Понятно, — сказал я. — Я найду вам жену.

Мистер Кингсли хлопнул по столу обеими руками:

— Думаю, и вправду найдете. — И улыбнувшись, добавил: — Таких щелчков по носу я не получал уже четыре года.

Я промолчал.

— Черт! — сказал он. — Мне даже понравилось. Действительно понравилось. — Он запустил пальцы в густую темную шевелюру. — А от жены я ничего не слышал уже месяц. Она была в горах. Там у нас коттедж около Пумбей Вершины. Знаете это место?

Я сказал, что знаю.

— Коттедж находится в трех милях от поселка, — продолжал Кингсли. — В конце — подъезд по частной дороге. Стоит он на берегу озера, называется оно Олень. Нас там трое совладельцев, и вскладчину мы возвели плотину. Участок большой, земля, правда, еще не обихожена, но со временем мы ею займемся. У моих двух приятелей тоже по коттеджу, а в четвертом бесплатно живет с женой некто Билл Чесс. Он ветеран войны, инвалид на пенсии и при-

сматривает за порядком. Больше никого нет. Жена уехала туда в середине мая, два раза приезжала на выходные, хотела снова появиться двенадцатого июня на вечеринке, но так и не появилась.

— Что-нибудь вы уже предприняли?

— Ничего. Абсолютно ничего. Даже не был там.

Он умолк, чтобы дать мне возможность спросить: «Почему?»

— Почему? — спросил я.

Мистер Кингсли отодвинулся вместе с креслом и открыл ключом ящик стола. Он вынул оттуда сложенный листок бумаги и бросил мне. Я развернул его. Это оказалась телеграмма, посланная из Эль-Пасо четырнадцатого июня в девять девятнадцать утра. Адресована она была Дерасу Кингсли, Беверли-Хилс, Карсон-драйв, дом 965.

«Уезжаю Мексику получить развод тчк выхожу за Кри-са тчк желаю счастья Кристл».

Я положил телеграмму на стол рядом с собой, а он уже протягивал мне большую четкую фотографию на глянцевой бумаге, изображавшую парочку на пляже под грибком. Мужчина сидел в плавках, женщина — в очень открытом белом купальнике. Красивая, хорошо сложенная блондинка, молодая, улыбающаяся, и дюжий смуглый парень около шести футов с темными прилизанными волосами. Плечи широкие, ноги стройные, зубы белые. Типичная гроза супружеских перин: мозги — птички, а руки приделаны лишь для того, чтобы обнимать. На пальце парень крутил темные очки и смотрел в камеру со спокойной заученной улыбкой.

— Это моя жена и Крис Лавери. Пусть себе милуются, сколько угодно. Мне плевать.

Я положил фото поверх телеграммы:

— А из-за чего весь сыр-бор?

— Телефона там нет, — сказал он. — Вечеринка, на которую она сюда собиралась, была для нее не особенно важной. Так что до телеграммы меня вообще ничего не смущало. Да и телеграмме я почти не удивился. У нас с Кристл давно все кончено. Она живет своей жизнью, я своей. Денег ей хватает — около двадцати тысяч годового дохода от акций семейного акционерного общества. В Техасе у них на откупе богатые нефтяные скважины. В одиночестве сидеть не любит, и Лавери, я знаю, был одним из ее любовников. Мне бы, конечно, задуматься, зачем ей понадобилось выходить за профессионального ловеласа.

Но вообще-то ничего особенного я во всем этом не усмотрел.

— А что потом?

— Две недели было тихо. Затем позвонили из гостиницы «Прескот» в Сан-Бернардино и сообщили, что у них в гараже стоит «паккард», зарегистрированный на имя Кристл Кингсли, проживающей по моему адресу, и спросили, какие на этот счет будут указания. Я попросил их последить за машиной и выслал чек. Вроде бы опять ничего странного. Мало ли почему Кристл не вернулась, да и поехали они, скорей всего, на машине Лавери. Но позавчера я столкнулся с ним около спортивного клуба, здесь, на углу. Он сказал, что не имеет никакого представления, где Кристл.

Кингсли бросил на меня быстрый взгляд и поставил на стол бутылку и два бокала цветного стекла. Наполнив их, он подвинул один мне и, подняв свой к свету, медленно произнес:

— Лавери сказал, что никуда не уезжал и вообще не пересекался с Кристл уже два месяца.

— Вы поверили?

Хмуρο кивнув, он выпил и отставил бокал в сторону. Я хлебнул из своего. Оказалось, что это виски. Причем не лучшего качества.

— Может быть, и зря поверил, но поверил не потому, что он порядочный человек. Куда там! Дело в том, что этого подонка хлебом не корми, дай залезть в постель к жене приятеля и потом покуражиться. Кто-кто, а уж он не упустил бы случая достать меня тем, что умыкнул Кристл. Этих котов я знаю, а Криса Лавери лучше других. Одно время он тут работал и без конца влипал в истории — не мог пропустить в нашей конторе ни одной юбки. К тому же я ему рассказал о телеграмме из Эль-Пасо. Какой ему смысл врать?

— Предположим, ваша жена дала ему от ворот поворот, — сказал я. — Это бы Лавери больно зацепило — с его-то комплексом Казановы.

Кингсли было повеселел, правда совсем немного, но тут же замотал головой.

— Нет. Все же я склонен ему верить. А ваша задача — доказать, что я ошибаюсь. Для того вас и нанимают. Хотя есть в этом деле еще один неприятный аспект. У меня тут прекрасная работа, но это только работа. Я — не хозяин. Поэтому скандал может мне крупно навредить. Стоит жене угодить в полицию, и я с треском вылечу.

— В полицию?

— Кроме других своих выкрутасов, — мрачно сказал Кингсли, — она еще время от времени что-нибудь крадет в магазинах. Думаю, от желания пощекотать с перепоя нервы. Но управляющие, случалось, устраивали нам те еще сцены. Пока мне удавалось спускать все на тормозах, и в суд ее не таскали, но если она влипнет в другом городе, где ее никто не знает... — Он поднял руки и громко хлопнул ладонями по столу. — Дело кончится каталажкой.

— Отпечатки пальцев у нее еще не брали? — спросил я.

— Нет, в полицию она не попадала, — ответил он.

— Я не про то. Иногда в больших универмагах ставят условие: «Дайте нам снять отпечатки пальцев, и обвинений мы предъявлять не будем». У новичков это отбивает охоту к воровству, а в торговой ассоциации копятя данные на клептоманов. Стоит отпечаткам попасть в картотеку определенное число раз, и спуску они уже не дадут.

— Насколько мне известно, ничего подобного с ней пока не случалось.

— Тогда воровство можно не принимать в расчет, — сказал я. — При аресте ее бы обыскали. Так что, назовись она даже чужим именем, вас бы уже нашли. К тому же она сама завопила бы о помощи. Да и телеграмме, — я ткнул пальцем в бело-голубой бланк, — уже месяц. Если ваша жена попала месяц назад, все давно улажено. На первый раз отделалась порицанием или условным приговором.

От волнения Кингсли налил себе еще виски.

— Вы меня успокаиваете, — сказал он.

— Мало ли что могло случиться, — продолжал я. — Скажем, она действительно уехала с Лавери, но потом они расплевались. Или уехала с другим, а эту телеграмму послала для отвода глаз. Или уехала с какой-то женщиной. А то и вообще одна. А может, зашла и сейчас лечится в частной клинике. Или влипла в такое, что нам и не снилось. Могла попасть, кстати, в серьезную передрягу.

— Типун вам на язык! — воскликнул Кингсли.

— А что странного? Исключать ничего нельзя. Насколько я понимаю, миссис Кингсли молода, хороша собой и без царя в голове. Любит выпить и способна на опасные выходы. Еще неравнодушна к мужчинам — поэтому ей раз плюнуть спутаться с проходимцем. Правильно?

— Абсолютно! — кивнул он.

— Сколько у нее бывает с собой денег?

— Довольно много. В банке свой счет. Сколько зачет — столько и снимает.

— Дети есть?

— Нет.

— Ее делами управляете вы?

Он отрицательно покачал головой:

— Дел, собственно, никаких и нет. Она просто выписывает чеки, берет деньги и тратит. Гроша ни во что не вложила. А если вы намекаете на меня, то мне от ее денег никакого проку. — Он немного помолчал. — Конечно, в свое время у меня были на них виды. Да и кому понравится, если в трубу каждый год вылетает двадцать тысяч, а взамен — лишь похмелье и любовники типа Криса Лавери.

— В каких вы отношениях с ее банком? Есть возможность узнать, сколько она сняла со счета за последнюю пару месяцев?

— Не скажут. Однажды я решил, что ее кто-то шантажирует, и пытался выудить у них данные. Наткнулся на стену.

— Они нам могут понадобиться, эти данные, — сказал я. — И возможность получить их есть. Только придется идти в отдел розыска пропавших без вести. Как вы к этому отнесетесь?

— Ну уж нег. Зачем бы я тогда нанимал вас?

Я кивнул, взял со стола телеграмму, фотографию и положил в карман.

— С миссис Кингсли могло произойти что угодно. Сначала я поговорю с Лавери, а потом съезжу на Оленье озеро, порасспрашиваю там. Сейчас мне нужен его адрес и записка к вашему сторожу в горах.

Он вынул из стола фирменный бланк, что-то написал и протянул мне. Я прочел: «Дорогой Билл! Подателю сего, мистеру Филипу Марло, необходимо осмотреть наш участок. Откройте ему, пожалуйста, мой коттедж, а также окажите помощь во всем остальном. С уважением, Дерас Кингсли».

Я сложил записку и сунул ее в конверт, который он тем временем надписал.

— А кто живет в остальных коттеджах? — спросил я.

— В этом году пока никто. Один из моих приятелей на государственной службе в Вашингтоне, другой — в Форт-Левенворте. Жены с ними.

— Теперь адрес Лавери, — сказал я.

Кингсли устремил взгляд в потолок.

— Бей-Сити... Черт! Где стоит дом, помню, а адрес забыл. Думаю, у мисс Фромсет он есть. Ей, кстати, не обязательно знать, зачем он вам. Хотя она, видимо, догадается. Да, еще вы требовали сотню задатка.

— Обойдусь, — сказал я. — Требовал, когда вы пытались вытереть об меня ноги.

Он усмехнулся. Я встал и хотел было уйти, но на секунду задержался:

— Вы ничего от меня не утаили? Ничего важного?

Он уставился на свои пальцы:

— Ничего. Я действительно беспокоюсь и хочу, чтобы вы ее нашли. Чертовски беспокоюсь. Если что раскопаете, звоните в любой час дня и ночи.

Я пообещал, пожал ему руку и вышел из большого прохладного кабинета в приемную, где сидела за столом элегантная мисс Фромсет.

— Мистер Кингсли просит дать адрес Криса Лавери, — сказал я, наблюдая за ее лицом.

Она очень медленно подтянула к себе адресную книгу в коричневом кожаном переплете и полистала страницы:

— Бей-Сити, Альтаир-стрит, дом 623. Местный телефон — 12523. Но мистер Лавери не работает у нас уже больше года. Мог за это время и переехать. — Голос звучал холодно, напряженно.

Я поблагодарил ее и направился к выходу. У дверей я оглянулся. Она сидела не шевелясь, сложив руки на столе и устремив взгляд в пространство. На щеках были красные пятна, в глазах — горечь.

У меня создалось впечатление, что мистер Крис Лавери не оставил в ее сердце нежных чувств.

3

Альтаир-стрит тянулась по краю глубокого каньона, расширяющегося у залива. К северу до мыса Малибу голубела прохладная водная гладь. Южнее на крутом берегу лепился над прибрежным шоссе пляжный городок Бей-Снти.

Улица оказалась маленькой, всего три-четыре квартала, и кончалась тупиком — высоким железным забором, отгораживающим чье-то большое поместье. Сквозь прутья с позолоченными пиками виднелись деревья, кусты, край лужайки, кусок подъездного пути, но сам особняк был скрыт.

На противоположной от каньона стороне улицы выстроились большие, ухоженные дома, а те, что раскинулись по краю обрыва, были так себе. Вблизи железного забора стояли всего два бунгало, почти точно одно против другого. На том, что поменьше, висел номер 623.

Я проехал мимо, сделал разворот у тупика, вернулся и заглушил машину чуть дальше, у соседнего участка. Дом Лавери жался ласточкиным гнездом к склону обрыва: парадная дверь немного ниже уровня улицы, патио на крыше, спальня в полуподвальном этаже, а гараж свисал вниз, как сетка бильярдной лузы. По фронтальной стене дома вилась темно-красная бугенвиллия, а дорожку, выложенную из плоских камней, окаймлял корейский мох. Дверь была узкая, решетчатая, с острыми зубцами полукругом вверху. Под решеткой висел железный дверной молоток. Я постучал.

Никто не ответил. Тогда я надавил кнопку звонка сбоку двери, услышал, как близко в доме зазвенело, и подождал: опять ничего. Пришлось снова взяться за молоток. Безрезультатно. Я вернулся по дорожке к улице, спустился к гаражу, и мне удалось чуточку приоткрыть дверь. Там стояла машина с белыми колесами. Я снова пошел к передней двери.

Из гаража на противоположной стороне выполз задом аккуратный черный «кадиллак», развернулся и, проезжая мимо дома Лавери, замедлил ход. Худощавый человек в черных очках строго оглядел меня, словно я не имел никаких прав торчать тут. Я ответил ему холодным взглядом, и он покатил дальше.

Подойдя к двери, я снова взялся за молоток. На этот раз повезло. Окошечко в двери распахнулось, и сквозь прутья решетки на меня уставилось красивое лицо с блестящими карими глазами:

— Черт, ну и грохот!

— Мистер Лавери?

Он кивнул и спросил, что мне нужно. Я просунул сквозь решетку визитную карточку. Большая загорелая рука забрала ее. Через секунду карие глаза вонзились в меня снова.

— Пардон, но сегодня мне сыщики не требуются.

— Я работаю на Дераса Кингсли.

— К чертям и вас и его, — сказал он и захлопнул окошко.

Надавив на звонок, я свободной рукой достал сигарету,

чиркнул спичкой о косяк, но тут дверь распахнулась, и из нее вышел здоровенный парень в плавках, пляжных тапочках и белом махровом халате.

Я убрал палец с кнопки и ухмыльнулся:

— Ну что, не выдержали?

— Позвони еще раз, — сказал он, — и полетишь кувырком через всю улицу.

— Бросьте глупить, — сказал я. — Ясно же, что нам не избежать разговора.

Я вынул из кармана бело-голубую телеграмму и поднес к его блестящим глазам. Он угрюмо пробежал текст, закусил губу и проворчал:

— Проходите, черт вас дерит.

С этими словами Лавери широко распахнул дверь, и я прошел в приятный полумрак гостиной с дорогим китайским ковром абрикосового цвета, глубокими креслами, белыми цилиндрическими плафонами ламп, длинным, очень широким диваном под мохеровым пледом бежево-шоколадных тонов и камином с резной доской светлого дерева и медным экраном. В камине за экраном лежали дрова, прикрытые большой веткой толокнянки. Ее соцветия уже местами пожухли, но были все еще красивы. На стеклянной столешнице низкого круглого столика из орехового дерева стояло медное ведро для льда, а на подносе — бутылка «Ват 69» и бокалы. Комната тянулась через весь дом и кончалась аркой, за которой виднелись три узких окна и белые перила ведущей вниз железной лестницы.

Лавери хлопнул дверью и сел на диван. Потом вынул из чеканной серебряной папиросницы сигарету, прикурил и раздраженно уставился на меня. Я сел напротив и тоже принялся его рассматривать. Снимок не наврал — парень был действительно хорош. Потрясающий торс, роскошные ноги. Кофейные с сероватыми белками глаза. Волосы длинные, слегка вьющиеся на висках. Кожа загорелая, абсолютно гладкая. Призовой бык, и только — на мой взгляд, во всяком случае. Хотя понять, почему женщины вешались ему на шею, было нетрудно.

— К чему скрывать, где она? — спросил я. — В конце концов, мы так или иначе узнаем. А скажете сами, от вас быстрее отстанут.

— Отстанут? Так я и испугался какого-то частного шпика!

— Зря. Частный шпик может попортить нервы кому угодно. Народ мы упорный, к оскорблениям привычный.

Да и платят нам за время, как что не все ли равно, как его проводить?

— Послушайте! — Он наклонился вперед и ткнул в мою сторону сигаретой. — Вашу телеграмму я посмотрел. Чушь собачья! Ни в какой Эль-Пасо я с Кристл не ездил. А в последний раз мы виделись... в общем, задолго до той даты, что стоит на бланке. Кингсли я уже говорил — ничего я о ней не знаю.

— Он не обязан вам верить.

— А какой мне смысл врать? — удивился Лавери.

— А какой смысл говорить правду?

— Послушайте, — сказал он с серьезным видом, — вы, видно, совсем не знаете Кристл. На Кингсли ей плевать. А если ему не по душе ее поведение, пусть ищет себе другую. Меня просто тошнит от этих ревнивых мужей.

— Если вы не ездили с ней даже до Эль-Пасо, с какой стати она дала эту телеграмму? — спросил я.

— Откуда мне знать?

— Не убедительно, — сказал я и показал на ветку толокнянки. — Сорвали у Оленьего озерца?

— Тут на склонах полно толокнянки, — бросил он презрительно.

— Но цветет она совсем не так.

Он рассмеялся:

— Если уж вам так хочется знать, я был у нее во второй половине мая. Все равно пронюхаете. Но с тех пор вообще не видел.

— Вы собираетесь на ней жениться?

— Подумывал. — Он пустил струйку дыма. — У нее есть деньги. А деньги никогда не мешают. Но уж больно тяжело они бы мне доставались.

Я кивнул, но промолчал. Лавери снова посмотрел на ветку толокнянки в камине, пыхнул сигаретой и откинулся назад, демонстрируя крепкую загорелую шею. Я все еще молчал. Почувствовав себя неуютно, он стал разглядывать мою визитную карточку.

— Значит, занимаетесь копать в чужом белье? И хорошо платят?

— Хвастать нечем. Доллар тут, доллар там. Кое-что перепадает.

— И все в дерьме?

— Бросьте, мистер Лавери. Зачем нам ссориться? Просто Кингсли считает, что вы знаете, где его жена, но не хотите сказать. То ли по злобе, то ли из чувства такта.

— А какие чувства он бы предпочел? — Губы на красном загорелом лице насмешливо изогнулись.

— Ему один черт. Главное — получить информацию. Его не волнуют ни ваши с ней отношения, ни поездки, ни даже развод. Он просто хочет быть уверенным, что у нее все в порядке и она не влипла в передрагу.

Лавери заинтересовался:

— В передрагу? В какую передрагу? — Он катал это слово во рту, словно пробуя на вкус.

— А то вы не знаете, что он имел в виду.

— Не знаю. Расскажите, — попросил он с сарказмом. — Буду счастлив просветиться.

— С вами каши не сварить, — сказал я. — Хлебом не корми — дай похохмить, а о деле ни слова. Мы правда не собираемся таскать вас по судам за то, что вы умыкнули ее за границу.

— Какие к черту суды? Сначала надо доказать, что я вообще уезжал.

— Чего же она отправила телеграмму? — гнул я свое. Мне показалось, что я уже много раз повторял эти слова.

— Вероятно, шутка. Она без этого не может. А все шутки у нее или глупые или злые.

— А тут-то зачем шутить? Не вижу логики.

Он осторожно стряхнул пепел на стеклянный столик, метнул в меня взгляд и тут же отвел глаза в сторону.

— Я ее обманул, — медленно произнес он. — Вот она и мстит. Должен был приехать на выходные, но не приехал. Она... она мне надоела.

— Угу, — буркнул я и спокойно уставился на него, — но мне больше нравится другой вариант, вы отправились с ней в Эль-Пасо, там поругались и разъехались. Согласны, что так оно правдоподобнее?

Его загорелое лицо побагровело:

— Черт вас подери! Сколько раз повторять, что никуда я с ней не ездил. Никуда! Неужели трудно запомнить?

— Запомню, когда поверю.

Он наклонился и затушил сигарету. Потом не спеша, без усилия встал, туго затянул пояс халата и сделал шаг в мою сторону.

— Все, — сказал он четким звенящим голосом. — Теперь вон отсюда! Уматывайте! Мне этот дурацкий допрос надоел. Только отнимаете у меня время. И у себя, если оно хоть чего-то стоит.

Я тоже встал и ухмыльнулся.

— Стоит оно не много, но мне все же платят. А не могло, к примеру, случиться, что вы нарвались на неприятности в каком-нибудь универмаге? Скажем, в трикотажном или ювелирном отделе?

Нахмутив брови и плотно сжав губы, Лавери внимательно посмотрел на меня.

— Не понимаю, — сказал он, но по голосу чувствовалось, что он задумался.

— Вот и все, что мне хотелось узнать, — сказал я. — Спасибо за внимание. Кстати, где вы устроились после того, как ушли от Кингсли?

— А вам какое дело?

— Никакого. Но это легко выяснить, — ответил я и двинулся к двери, но ушел недалеко.

— В настоящее время я не работаю, — заговорил он холодно. — Со дня на день жду призыва во флот.

— Там вам самое место, — сказал я.

— Точно! Прощай, топтун. И не вздумай являться снова. Меня не будет дома.

Я подошел к выходу и толкнул дверь. Внизу у порога ее заклинило — разбухла от морской влаги. Справившись с ней, я обернулся. Он стоял, сузив глаза, едва сдерживая ярость.

— Может быть, я приду еще, — сказал я. — Но не обмениваться остротами. Если что-то раскопаю, придется поговорить.

— Все еще уверен, что я вру? — взорвался он.

— Вас явно что-то тревожит. Мне пришлось повидать людей, и я редко ошибаюсь. Может быть, это меня не касается. Но если касается, у вас будет случай выгнать меня снова.

— С удовольствием, — сказал он. — Только в следующий раз захватите с собой приятеля, чтобы было кому отвезти домой. Бывает, хлопаешься задницей, а отшибает мозги.

И ни с того ни с сего он вдруг плюнул прямо на ковер.

Меня покорило. С него слетело все показное, и внезапно оскалило зубы мурло. Так коробит, когда интеллигентная на вид женщина вдруг начинает говорить непристойности.

— Прощай, красавчик, — бросил я и взялся за дверь. Пришлось поднажать, чтобы она закрылась. Я выбрался по дорожке на улицу и остановился на тротуаре, рассматривая дом напротив.

Это был приземистый, широкий дом с выцветшей до приятных пастельных тонов розовой штукатуркой и тускло-зелеными оконными переплетами. Крышу покрывала круглая чешуйчатая черепица зеленого цвета. Парадная дверь вдавалась глубоко внутрь, а нишу облицовывала мозаика из разноцветных плиток. За низкой оштукатуренной оградой с ржавеющей на морском воздухе решеткой виднелся небольшой цветник. Слева от ограды стоял гараж на три машины с дверьми во внутренний дворик, по которому к боковому входу в дом вела цементная дорожка.

На воротах висела бронзовая табличка: «Альберт С. Олмор, доктор медицины».

Пока я все это разглядывал, в соседнем квартале из-за угла вывернул тот же черный «кадиллак». Мягко урча, он замедлил ход и стал выруливать перед гаражом, но, решив, что моя машина ему мешает, доехал до тупика, развернулся у железного забора с позолоченными пиками, медленно вернулся и вполз в пустой отсек.

Худошавый человек в темных очках и с докторским саквояжем направился по дорожке к дому. На полпути он остановился и посмотрел в мою сторону. Я пошел к своей машине. У дверей дома он вынул ключи и, отпирая дверь, снова оглянулся.

Я залез в «крайслер», закурил и стал думать, не стоит ли кого нанять, чтобы повисел на хвосте у Лавери. Решил, что пока не стоит.

Занавески в нижнем окне рядом с боковой дверью, за которой скрылся доктор Олмор, шевельнулись. Худошавая рука развела их в стороны, и за стеклом блеснули очки. Через некоторое время они сомкнулись.

Я оглянулся на дом Лавери. С этого места было видно, что от крыльца черного хода с крашеными деревянными ступеньками шла дорожка, которая — опять по ступенькам, но теперь цементным — спускалась к мощеному проулку.

Я снова перевел глаза на дом Олмора и стал лениво гадать, хорошо ли доктор знает Лавери. Вероятно, хорошо, раз в квартале всего два дома. Правда, из врачей обычно ничего не удастся вытянуть. Тем временем занавески в окне окончательно раздвинулись.

На среднем стекле жалюзи не было. Я видел, что худошавый доктор смотрит оттуда в мою сторону с очень хму-

рым видом. Я стряхнул пепел за дверь машины. Олмор отвернулся и сел за письменный стол, на котором стоял его саквояж. Он сидел прямо, нервно барабанил пальцами по столешнице. Его рука вдруг потянулась к телефону, коснулась трубки, отдернулась. Он закурил сигарету, резким взмахом погасил спичку, снова подошел к окну и снова уставился на меня.

Меня это заинтриговало. Ведь Олмор врач, а врачи, как правило, самые нелюбопытные люди на свете. Еще на практике они узнают столько секретов, что хватает на всю жизнь. Нет, доктор Олмор явно мной интересовался. Более того, нервничал.

Когда я уже нагнулся, чтобы включить зажигание, парадная дверь в доме Лавери распахнулась. Я снял руку с ключа и откинулся на сиденье. Быстрым шагом Лавери поднялся по дорожке, окинул взглядом улицу и повернул к гаражу. Одет он был как и прежде, только с руки теперь свисали махровое полотенце и пляжная подстилка. Я услышал, как лязгнули ворота гаража, открылась и закрылась дверь машины, со скрежетом завелся мотор. Покашливая белыми облачками выхлопных газов, по крутому склону на улицу выбралась задом небольшая ладная машина голубого цвета. Верх был откинут, и над дверью виднелась прилизанная голова в темных очках с широкими белыми дужками. Машина скользнула вдоль квартала и, сделав изящный вираж, исчезла за поворотом.

Мне не было дела, если мистер Кристофер Лавери поехал на берег бескрайнего Тихого океана, чтобы полежать на солнышке и дать девицам полюбоваться своими роскошными статями.

Я снова переключился на доктора. Сейчас он прижимал к уху телефонную трубку, но не говорил, а, покуривая, ждал. Затем, чуть дернувшись, склонился, как обычно бывает, когда на том конце провода наконец раздастся голос, что-то выслушал, положил трубку и сделал запись с блокноте. На столе перед ним тут же появилась толстая книга с желтым обрезом. Доктор раскрыл ее приблизительно посередине и кинул быстрый взгляд на мой «крайслер».

Найдя наконец нужное место, он согнул голову и окутал страницы облаками сигаретного дыма. Потом сделал в блокноте еще одну запись, отодвинул книгу, снова набрал по телефону номер, подождал и, покачивая головой, жестикулируя сигаретой, быстро заговорил.

Кончив разговор, доктор положил трубку, откинулся на спинку кресла и задумчиво уставился на стол, не забывая, однако, каждую минуту поглядывать в окно. Он чего-то ждал, и я ждал вместе с ним, сам не зная зачем. Врачи часто звонят по телефону, разговаривают со множеством людей. Врачи смотрят из окон, врачи хмурятся, нервничают, думают, переутомляются. Другими словами, врачи — это обычные люди, рожденные для страданий и борьбы в этом мрачном мире, как и все мы.

Однако в повадках этого врача меня что-то интриговало. Я глянул на часы, решил, что пора перекусить, но закурил и... остался на месте.

Прошло пять минут. Из-за поворота выскочил зеленый «седан» и покатил вдоль квартала. Качнув длинным хлыстом антенны, он замер у дома Олмора. Из машины вылез крупный блондин с блеклыми волосами и пошел к парадной двери. Нажав на звонок, он наклонился и чиркнул спичкой о ступеньку. Голова его повернулась в мою сторону.

Дверь щелкнула и впустила его внутрь. Невидимая рука задвинула занавески в окне кабинета. Я сидел и смотрел на темную в солнечном свете ткань. Время тянулось медленно.

Наконец дверь снова открылась, и блеклый не торопясь сошел по ступенькам к воротам. Он отшвырнул от себя окурок, взъерошил волосы, потом пожал плечами, потер подбородок и направился по диагонали через улицу. Его шаги звучали в тишине четко, но лениво. Занавески в окне доктора раздвинулись опять. Олмор стоял у окна и наблюдал за происходящим.

На край открытого стекла моей машины легла большая веснушчатая рука, и ко мне склонилось крупное, изрезанное складками лицо. Поблескивающие холодом голубые глаза внимательно оглядели меня.

— Кого-нибудь ждете? — раздался хриплый бас.

— Сам не знаю, — ответил я. — А что, похоже?

— Вопросы сегодня задаю я.

— Черт возьми! — сказал я. — Вот и ответ на пантомиму.

— Какую пантомиму? — Голубые глаза смотрели тяжело и недружелюбно.

Я ткнул сигаретой в дом напротив.

— Вон, тот неврастеник все возился с телефоном. Вероятно, узнавал мое имя в автоклубе, потом искал его в те-

лефонном справочнике и звонил в полицию. Чем могу служить?

— Ваши права.

Я посмотрел ему в глаза:

— Может, сначала предъявите полицейский значок? — сказал я. — Или достаточно одного хамства, чтобы я понял, с кем имею дело?

— Когда я начну хамить, ты это сразу почувствуешь, приятель.

Я наклонился, включил зажигание и нажал на стартер. Мотор завелся и заурчал.

— Выключи, — приказал блондин со злобой и поставил ногу на подножку.

Я выключил мотор, откинулся на сиденье и посмотрел на него.

— Дьявол! — сказал он. — Добиваешься, чтобы тебя вытащили из машины и повозили мордой по тротуару?

Я протянул ему бумажник. Он вынул оттуда целлулоидную корочку, просмотрел мои водительские права и копию удостоверения, засунутую с другой стороны. Потом презрительно вложил их обратно и отдал бумажник. Когда я его убрал, в руке у него появился голубой с золотом полицейский значок.

— Лейтенант Дегармо, уголовный отдел, — представился он своим грубым басом.

— Рад знакомству, лейтенант.

— Оставим это. Лучше скажите, какого рожна шпионите за Олмором?

— Ни за кем я не шпионю, как вы изволили выразиться. В жизни не слышал о докторе Олморе, лейтенант, и никаких оснований шпионить за ним у меня нет.

Он повернул голову и сплюнул. Сегодня мне прямо-таки везло на верблюдов.

— Тогда что вы тут делаете? Частных ищек мы не жалуем. В нашем городке их вообще нет.

— Ни одного?

— Ни одного. Так что давайте выкладывайте как на духу, а то придется попотеть в участке.

Я молчал.

— Вас наняли ее родственники? — неожиданно спросил он.

Я отрицательно мотнул головой.

— Последнего, кто пытался это сделать, посадили за нарушения дорожных правил.

— Прекрасно, — сказал я. — Только я ничего не понимаю. Что он пытался сделать?

— Прижать доктора, — сказал блондин неуверенно.

— Жаль, что я этого не умею, — сказал я. — Но судя по виду, прижать его ничего не стоит.

— Такой тон до добра не доведет, — сказал он.

— Ладно, — сказал я. — Давайте по-другому. Знать не знаю этого Олмора, ни разу о нем не слышал, и мне нет до него дела. Приехал я сюда повидаться с приятелем и полюбоваться видами. Если же занимаюсь кое-чем еще, то это никого не касается. А если вам что не по душе, поехали в участок и поговорим с дежурным офицером.

Он тяжело повозил ногой по подножке и с недоверием взглянул на меня.

— Правда? — спросил от тягуче.

— Правда.

— Дьявол! Наш доктор явно сбрендил. — Он оглянулся через плечо на дом. — Ему бы самому надо показаться доктору. — И, невесело рассмеявшись, он убрал ногу с подножки и взъерошил свои жесткие волосы. — Ладно, валите отсюда. И держитесь подальше от нашей резервации — меньше наживете врагов.

Я снова включил стартер и, когда мотор завелся, вежливо спросил:

— А как поживает Эл Норгаард?

— Вы знали Эла? — уставился он на меня.

— Знал. Пару лет назад мы вели тут одно дело... Тогда начальником полиции был еще Уэкс.

— Эл сейчас в военной полиции. Мне бы на его место, — сказал Дегармо со вздохом и, уже отходя, резко повернулся на каблуках. — Валите отсюда, пока я добрый.

Тяжелым шагом он пересек улицу и вошел во двор Олмора.

Я выжал сцепление и тронул. По дороге в город я прислушивался к собственным мыслям. Они судорожно металась из стороны в сторону, словно тонкие пальцы доктора Олмора, сдвигающие и раздвигающие занавеску.

В Лос-Анджелесе я пообедал и забежал в здание «Кахуенга» проверить в своей конторе почту. Оттуда я позвонил Кингсли.

— С Лавери я виделся, — сообщил я. — Он наговорил мне кучу пакостей, и вполне искренне. Попытка его подзавести особых результатов не дала. Мне до сих пор кажется,

что они поссорились, но он все же не теряет надежду снова наладить отношения.

— Тогда он, видимо, знает, где она, — сказал Кингсли.

— Может, знает, а может, и нет. Кстати, на улице, где живет Лавери, со мной произошла любопытная история. Там в квартале всего два дома. И второй из них принадлежит некоему доктору Олмору.

Я вкратце рассказал ему про свое приключение. Немного помолчав, он спросил:

— Доктора зовут Альберт?

— Да.

— Одно время он лечил Кристл. Несколько раз приходил к нам, когда... в общем, когда она перепивала. Сразу же хватается за шприц. А жена у него... обождите-ка, что-то там было с его женой... Ну да, покончила самоубийством.

— Когда?

— Не помню. Довольно давно. Я с ними не особенно общался. Что собираетесь делать дальше?

— Собираюсь на Пумье озеро, хотя ехать уже немного поздновато.

Он сказал, что времени у меня достаточно, к тому же в горах темнеет на час позже.

Я ответил, что тогда все прекрасно, и мы бросили трубки.

5

Сан-Бернардино пекся в мареве слепополуденного солнца. Жара стояла такая, что обжигало язык. Ловя ртом воздух, я остановился купить фляжку спиртного на случай, если обессилю в дороге, и начал долгий подъем к Крестлайну. Через пятнадцать миль шоссе взобралось на пять тысяч футов, но прохладнее не стало. Еще через пятнадцать миль я въехал в окруженный высокими соснами поселок Бьющие Ключи. Там и было всего-то что заправка да дощатый магазинчик, зато свежо, как в раю. До конца пути жары больше не чувствовалось.

Дамбу на Пумьем озере охраняли вооруженные часовые: двое по концам, один — посередине. Первый приказал мне при въезде закрыть окна. Метрах в ста от дамбы по воде тянулась веревка с пробковыми поплавками, преграждавшая путь лодкам. Других примет военного времени я не заметил.

По голубой воде скользили байдарки, тархтели моторки и, как разгулявшиеся мальчишки, заходя на крутые виражи и вздымая широкие полосы пены, пижонили быстроходные катера. Девушки в них повизгивали и окунали руки в воду. Покачиваясь на волнах, там и сям сидели рыбаки, которые заплатили за рыбалку по два доллара и теперь пытались подцепить хоть какую-нибудь рыбешку, чтобы компенсировать затраты.

Шоссе скользнуло вдоль гранитного склона, и впереди открылось луговое разнотравье, где отцветали дикие ирисы, белый и фиолетовый люпин, дубровка, водосбор, мята и пустырник. Высокие красноватые сосны вздымали к безоблачному небу свои вершины. Шоссе снова повернуло к озеру, и пейзаж расцвел девичьями в пляжных сандалиях на толстой подошве, в ярких брючках или с голыми ляжками, с лентами в волосах или в крестьянских косынках. Через дорогу то и дело осторожно переезжали велосипедисты и время от времени с треском проносились возбужденные юнцы на мотороллерах.

В миле от поселка шоссе разветвлялось, в горы уползала дорога поуже. На грубой деревянной доске было написано: «Оленье озеро — $1\frac{3}{4}$ мили». Я свернул. Первую половину пути на склонах кое-где попадались коттеджи, потом они исчезли. Наконец у очень узкого проселка я увидел еще один деревянный указатель: «Оленье озеро. Частная дорога. Посторонним проезд воспрещен».

Я повернул туда «крайслер» и пополз в тишине, объезжая огромные гранитные глыбы, мимо небольшого водопада, сквозь лабиринт черных дубов, буков и зарослей толокнянки. На ветке пронзительно свистнула сойка, потом на меня заверещала белка, зло стукнув лапкой по сосновой шишке. Дятел с алой грудкой бросил долбить кору, глянул на меня бусинкой глаза, затем перескочил на другую сторону ствола и глянул второй бусинкой. Я подъехал к воротам из пяти перекладин, где висела последняя вывеска.

За воротами дорога покрутилась еще с сотню ярдов, и внезапно между деревьев, травы и скал блеснуло небольшое овальное озеро, похожее на каплю росы в ложбинке зеленого листа. У ближнего края его пересекала грубая цементная плотина с веревочными перилами поверху и старым мельничным колесом сбоку. Рядом был небольшой дом из неотесанной сосны.

На противоположной стороне — длинным путем по дороге, коротким через плотину — у воды стоял большой

коттедж из красного мамонтового дерева, а дальше, на солидном расстоянии друг от друга, виднелись еще два коттеджа. Все три были заперты, с занавешенными окнами и имели заброшенный вид. На стеклах первого коттеджа висели оранжево-желтые жалюзи, на воду смотрела застекленная веранда из двенадцати рам.

У дальнего конца озера виднелось что-то похожее на маленький пирс и рядом — дощатый павильон для оркестра. На павильоне висел иссохший деревянный щит с надписью большими белыми буквами: «Пристань Килкаре». Не найдя смысла в подобной надписи в подобном месте, я вышел из машины и стал спускаться к ближнему дому. Где-то позади него ухал топор.

Я забарабанил в дверь. Стук топора прекратился, и до меня долетел громкий голос. Я присел на камень и закурил. Послышались шаги — шаркающие, неровные, — и из-за угла показался человек с грубым, обветренным лицом. В руке он держал топор.

Невысокий и очень плотный, этот человек хромал — при каждом шаге он подкидывал негнущуюся правую ногу и тащил ее по кругу. Подбородок его покрывала темная щетина, голубые глаза смотрели спокойно, а давно не стриженные седые волосы падали на уши. На нем были синие хлопчатобумажные штаны и синяя рубашка, открытая на мускулистой загорелой шее. Из уголка губ свешивалась сигарета.

— Вам чего? — спросил он хриплым голосом. Выговор был не местный.

— Мистер Билл Чесс?

— Он самый.

Я встал, вынул из кармана записку Кингсли и протянул ему. Он искоса глянул на нее, тяжело захромал к дому и вернулся с очками на носу. Внимательно прочтя записку два раза, он убрал ее в карман рубахи, застегнул пуговицу и протянул мне руку.

— Рад познакомиться, мистер Марло.

Мы обменялись рукопожатием. Ладонь у него была шершавая, как рашпиль. Спокойно оглядев меня, он ткнул пальцем в сторону дальнего берега:

— Желаете осмотреть коттедж? Что ж, с удовольствием покажу. Он что, собрался его продавать?

— Чем черт не шутит, — сказал я. — В Калифорнии все продается и покупается.

— Что точно, то точно. А коттедж вон тот, из мамонто-

вого дерева. Изнутри обшит сосной, крыша крепкая, фундамент и крыльцо каменные. Есть ванная с душем, на всех окнах жалюзи, большой камин, в хозяйской спальне стоит печка — очень нужная вещь весной и осенью, а кухонную плиту можно топить хоть керосином, хоть дровами. Все самого лучшего качества. Обошелся в восемь тысяч — для коттеджа в горах деньги немалые. И еще свой собственный резервуар для воды, повыше в горах.

— А электричество и телефон? — спросил я из вежливости.

— Электричество, понятное дело, есть. А телефона нет. Сейчас с этим трудно. Да и подвести линию обойдется недешево.

Он смотрел на меня спокойными голубыми глазами, а я смотрел на него. Лицо задубевшее, и ясно, что не дурак выпить: сквозь чуть припухшую, лоснящуюся кожу проступают вены, глаза поблескивают.

— Кто тут сейчас живет? — спросил я.

— Никого нет. Была миссис Кингсли, да несколько недель как уехала. В любое время может вернуться. Он вам разве не сказал?

Я сделал круглые глаза:

— Она что, перейдет к новому владельцу вместе с коттеджем?

Чесс было нахмурился, но тут же откинул голову и захохотал. Хохот этот, напоминающий выхлопы только что заведенного трактора, начисто взорвал лесную тишину.

— Вот потеха так потеха, — задыхался он. — Надо же! «Перейдет к новому владельцу...» — Он снова расхохотался, но вдруг его губы крепко сжались.

— Да, коттедж что надо, — сказал он, подозрительно присматриваясь ко мне.

— Кровати удобные? — спросил я.

Он наклонился вперед и улыбнулся:

— Захотелось в морду?

Я открыл от удивления рот.

— Видно, я туго соображаю, — сказал я. — Ничего не понял.

— Откуда мне знать, какие там кровати? — выверился он и чуть наклонился вперед, чтобы в случае нужды достать меня прямой правой.

— Могли бы и поинтересоваться, — сказал я. — Но настаивать не буду. Проверю сам.

— Вот и проверяйте, — сказал он с обидой. — Думаете,

мне трудно распознать ищейку? Играл с ними в догонялочки по всей Америке. Пропадите вы все пропадом! И к черту Кингсли! Нанял, видишь ли, ищейку — не разгуливает ли кто по его спальне в пижаме. Пусть у меня сухая нога и все такое, но что до женщин, то их у меня было...

Я успокаивающе протянул к нему руку, хоть и опасался, что он выдернет ее из плеча и закинет в озеро.

— На этот раз не угадали, — сказал я. — Я приехал вовсе не для того, чтобы заниматься вашими амурными похождениями. Миссис Кингсли я вообще ни разу не видел. А с Кингсли познакомился только сегодня утром. Какая муха вас укусила?

Он на секунду зажмурился и яростно провел тыльной стороной ладони по губам, будто хотел причинить себе боль. Затем поднес руку к глазам, крепко сжал в кулак, раскрыл и уставился на пальцы. Пальцы слегка дрожали.

— Извините, мистер Марло, — медленно произнес он. — Вчера я здорово перебрал. Голова трещит, как у сапожника. Целый месяц торчу один, сам с собой уже разговариваю. Да и неприятности.

— Пара глотков поможет?

Его глаза впелись мне в лицо и заблестели.

— А у вас есть?

Я вытащил из кармана фляжку с виски и повернул ее так, чтобы он увидел зеленую наклейку на колпачке.

— Я не заслужил. Видит Бог, не заслужил. Обождите, принесу стаканы. А может, пойдем в дом?

— Лучше здесь. Больно уж вид хорош.

Волоча ногу, Билл Чесс исчез в доме, вернулся с парой стопок и сел на камень рядом со мной. От него несло потом.

Я свернул с фляжки металлический колпачок, налил ему хорошую порцию и немного плеснул себе. Мы чокнулись и выпили. Он покатал виски во рту, и лицо его осветилось печальной улыбкой.

— Хороша штука, — сказал он. — Не знаю, что на меня нашло. Видно, от одиночества. Ни приятелей, ни друзей, ни жены. Тоска! — Он помолчал и добавил, искоса глянув на меня: — Особенно трудно без жены.

Я не сводил глаз с небольшого голубого озера. У нависающей над водой скалы плеснула в луче солнца рыба, и по воде разбежались круги. Легкий ветерок прошелся по вершинам сосен, и они зашелестели, словно волны.

— Она меня бросила, — сказал он медленно. — Месяц

назад. В пятницу, двенадцатого июня. Этого дня мне никогда не забыть.

Я насторожился и налил ему еще виски. Двенадцатого июня Кристл Кингсли должна была приехать на вечеринку в город.

— Но зачем вам все это? — сказал он, хотя в его выцветших голубых глазах явно чувствовалось желание выговориться.

— Конечно, это не мое дело, — сказал я. — Но если вам станет легче...

Он резко мотнул головой:

— Бывает, два незнакомых человека встретятся на лавочке в парке и вдруг заводят беседу о Боге. Замечали? А с лучшими друзьями так не получается.

— Конечно, — сказал я.

Он выпил и уставился на озеро.

— Она у меня славная девочка, — сказал он мягко. — Иногда резка на язык, но все равно славная. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Познакомились в кабаке в Риверсайде. Не особо подходящее место для такой девушки, но что было, то было. И поженились. Я ее любил, понимал, что мне повезло. А вел себя, как подонок.

Я слегка шевельнулся, чтобы напомнить о себе, но не сказал ни слова: боялся сбить настроение. Виски в моей руке оставалось нетронутым. Я не прочь выпить, но не тогда, когда заменяю исповедника.

— Но в браке всегда так, — продолжал он. — В любом браке. Проходит время, и человеку, обычному грешному человеку, вроде меня, подавай чего-нибудь новенькое, свеженькое. Паскудство, конечно, но такова жизнь.

Он взглянул на меня, и я подтвердил, что такие мысли мне знакомы.

Он залпом осушил вторую порцию, и я отдал ему фляжку. Вверх по сосне скакала сойка. Без остановки, не раскрывая крыльев, она перепрыгивала с ветки на ветку.

— Так вот, — продолжал Билл Чесс. — Все, кто живет здесь в іграх, явно полоумные, да и я уже не лучше. Мне бы жить и жить: за дом не плачу, пенсия хорошая, половину скопленных денег вложил в военные займы, женат на женщине — любо-дорого посмотреть. Но я уже стал психом, и сам не заметил. Польстился на... — Он махнул рукой в сторону большого коттеджа, который в лучах заходящего солнца был красным, как бычья кровь. — Прямо здесь, чуть ли не под окнами. И польстился-то на расфу-

фырнную шлюху, которая нужна мне, как прошлогодний снег. Придурак!

Он выпил третью стопку и поставил фляжку на камень. Потом выудил из кармана рубашки сигарету, чиркнул спичкой о ноготь большого пальца и начал быстро и глубоко затягиваться. Я старался не дышать, словно взломщик за портьерами.

— Черт! — сказал он наконец. — Если уж бес в ребро, то коть уйди подальше от дома или, на крайний случай, найди себе какую-нибудь кралю, не похожую на жену. Так нет. Эта стерва тоже светлая, того же роста, даже глаза у них почти одинаковые. А в остальном — земля и небо. Нет, корошенькая, ничего не скажешь, но не лучше Мьюриел, а по мне, так вообще дерьмо. Жгу я, значит, в то утро мусор у них во дворе и ни к кому не лезу. А она выходит из черного хода в прозрачном халатике, аж соски видать, и лениво так говорит: «Не желаете ли выпить, Билл? Грех вкалывать в такое утро». А кто выпить откажется? Захожу; значит, на кухню, выпиваю, потом еще и еще, и вот я уже в спальне, а глаза у нее прямо-таки...

Он замолчал и мазнул по мне тяжелым взглядом.

— Вы вот спросили, удобные ли там кровати, я и завелся. Конечно, вы ничего такого в виду не имели. Но у меня-то воспоминания. Да, кровать, куда я попал, была удобная...

Его последние слова повисли в воздухе. Наступило молчание. Он наклонился, взял с камня фляжку и уставился на нее. В его душе происходила борьба. Виски, как всегда, победило. Он яростно хлебнул прямо из горлышка и крепко закрутил крышку, будто это что-то значило. Потом схватил камешек и швырнул в воду.

— Возвращаюсь назад через плотину, — снова начал он, уже тяжело ворочая языком, — и аж свечусь. Все, мол, сойдет мне с рук. Ну и дураки же мы бываем! Ничего не сошло. Ни капельки. Мьюриел даже не повысила голоса, но сказала мне такое, что я про себя и знать не знал. Вот тебе и сошло.

— Она вас, значит, бросила? — спросил я, когда он замолчал.

— В тот же вечер. Меня и дома-то не было. В душу лезла такая гнусь, что без бутылки и не перенести. Взял я, значит, свой «форд», рванул на северную сторону озера и нарезался с парой таких же забуддыг до соплей. Правда, все равно не полегчало. Возвращаюсь в четыре утра, а

Мьюриел и след простыл. Собралась и уехала. Пусто, только записка на комод, да кольдкрем на подушке.

Он вытащил из старого, обтрепанного бумажника замуколенный клочок бумаги и протянул мне. На линованной странице из тетрадки было написано карандашом: «Прости, Билл, но лучше умереть, чем жить с тобой дальше. Мьюриел».

Я вернул бумажку.

— А как с той, со второй? — спросил я, показав глазами на противоположную сторону.

Билл Чесс поднял плоский камешек и попытался пустить блин по воде, но ничего не получилось.

— А никак, — сказал он. — Тоже собралась и укатила. Тогда же ночью. Больше я ее не видел. И не хочу. А от Мьюриел за весь месяц ни слова. Даже не знаю, что с ней. Наверно, нашла себе парня. Может, хоть он будет относиться к ней по-человечески.

Он встал, вытащил из кармана ключи и позвенел ими.

— Если хотите посмотреть коттедж, пойдемте. Спасибо, что выслушали мое нытье. И за выпивку спасибо. Держите. — Он поднял фляжку с остатками виски и протянул мне.

6

Мы спустились по склону на узкую плотинку. Билл Чесс шел впереди, волоча ногу и придерживаясь за веревку, прoderнутую сквозь железные стойки. В одном месте через бетон лениво переплескивалась вода.

— Завтра спущу малость мельничным колесом, — бросил он из-за плеча. — Больше оно ни на что не годится. Киношники построили три года назад. Снимали тут фильм. И маленький пирс в том конце — их работа. Все остальное разобрали и увезли, а пирс и мельничное колесо Кингсли уговорил их оставить. Вроде бы создает атмосферу.

По массивным деревянным ступенькам я поднялся за ним к крыльцу коттеджа. Билл Чесс отпер дверь, и мы вошли в тишину. Закупоренная комната дышала жаром. Просачиваясь сквозь жалюзи, солнце отбрасывало на пол узкие полосы. Гостиная была удлиненной формы и приятно обставлена: индейские коврики, обитая мебель с металлическими уголками, ситцевые занавески, простой деревянный пол, множество ламп, а в углу — встроенный бар с

круглыми табуретками. Комната была чистая, аккуратная и совсем не производила впечатления брошенной впопыхах.

Мы прошли в спальни. В двух из них стояло по две кровати, в третьей — большая двуспальная, покрытая кремовым покрывалом с вышитым шерстью узором сливового цвета. Билл Чесс сказал, что это спальня хозяев. На лакированном столике в коробках из зеленой эмали и нержавеющей стали лежали всевозможные туалетные принадлежности и разная косметика. На нескольких баночках волнисто поблескивали золотые наклейки компании «Гиллерлейн». Вдоль стены тянулись шкафы с раздвижными дверями. Я заглянул в один. Он был набит женскими платьями, какие обычно носят на курортах. Билл Чесс мрачно наблюдал, как я их перебираю. Закрыв двери, я выдвинул обувной ящик вниз. Там валялось с поддюжины новых туфель. Я задвинул его и выпрямился. Билл Чесс стоял уже совсем рядом, выпятив подбородок и уперев крепкие жилистые руки в бедра.

— С какой это стати вы копаетесь в женских тряпках? — спросил он зло.

— Есть причины, — ответил я. — Уехав отсюда, миссис Кингсли не вернулась домой. Муж ее больше не видел и ничего о ней не знает.

Он опустил руки вдоль тела и сжал кулаки.

— Точно. Легавый, — зарычал он. — Первая догадка всегда верная. А я уж подумал, что ошибся. Надо же так опростоволоситься. Чего только не наболтал. Поплакался в жилетку, придурок чертов.

— Я умею хранить секреты, — сказал я и, обойдя его, направился в кухню.

Там была большая зеленая с белым печка, сосновая раковина с эмалевым верхом, электрический титан, а за перегородкой — веселенькая столовая с кучей окон и дорогой пластиковой мебелью. На полках стояли разноцветные тарелки, чашки и набор металлических подносов. Порядок всюду — безупречный: ни одной грязной чашки или тарелки, ни одной недомытой рюмки или пустой бутылки, ни одной мухи или муравья. Какой бы шальной образ жизни ни вела миссис Кингсли, божественного беспорядка за собой она не оставляла.

Я вышел через гостиную на крыльцо и подождал, пока Билл Чесс запрет дверь. Кончив возиться с замком, он кинул на меня злой взгляд.

— Я не просил вас раскрывать душу, — сказал я, — но и останавливать не хотел. Кингсли не обязательно знать про проделку своей супруги, если, конечно, за всем этим не стоит что-то более серьезное.

— Черт вас дерит! — буркнул он с тем же злым видом.

— Ладно, пусть дерет. А не может быть, что ваши с Кингсли жены удрали отсюда вместе?

— Не понял.

— Когда вы поехали топить горе в вине, они, положим, поругались, помирились, поплакали на груди друг у друга, и миссис Кингсли взяла вашу жену с собой. У нее же, наверно, была здесь машина?

Идея эта казалась мне глупой, но он отнесся к ней всерьез.

— Нет. Ни на чьей груди Мьюриел плакать не станет. Не такой человек. А уж если и поплачет, то не в компании с этой шлюхой. Потом, у нее свой «форд». Мой ей водить трудно — из-за ноги там переделано управление.

— Это я так. Ляпнул, не подумав.

— На то и голова, чтобы думать.

— Для человека, который исповедуется перед первым встречным, больно уж вы обидчивы.

Он сделал шаг в мою сторону:

— Может, вам еще чего не по душе?

— Слушайте, приятель, — сказал я, — мне ужасно хочется относиться к вам хорошо. Так помогите хоть малость.

Он тяжело задышал, затем беспомощно развел руками и уронил их.

— И правда. Только и делаю, что порчу кому-то настроение. — Он вздохнул. — Хотите пройти вокруг озера?

— Хочу. А ваша нога выдержит?

— Не впервой.

Дружно, как наигравшиеся щенята, мы пошли рядом. Надолго ли этот мир? Дорога, как раз в ширину машины, вилась над водой между больших скал. Посередине пути на скальном фундаменте стоял коттедж поменьше. Третий видился у конца озера, на клочке почти ровной земли. Оба были заколочены и казались давно заброшенными.

Через минуту-другую Билл Чесс спросил:

— Это правда, что Кристл сбежала?

— Похоже на то.

— Вы настоящий полицейский или так, частная ищейка?

— Частная.

— Она уехала одна или с кем-то?

— Думаю, что с кем-то.

— Ясное дело. Кингсли мог бы догадаться, что этим дело и кончится. Дружки у нее не переводились.

— Здесь?

Он не ответил.

— А некоего Лавери среди них не было?

— Откуда мне знать?

— По поводу этого Лавери никаких секретов нет, — сказал я. — Она дала телеграмму из Эль-Пасо, что отправляется с ним в Мексику.

Я вытащил из кармана телеграмму и протянул ему. Он нацепил очки и остановился, чтобы прочесть ее. Потом отдал мне бланк, спрятал очки и засмотрелся на голубую воду.

— Так что темнить нет смысла, — добавил я. — Никого вы не подведете.

— Один раз он приезжал.

— Он и сам признает, что встречался с ней месяца два назад. Может быть, и здесь. Но, уверяет, что больше не видел. Вот мы и не знаем, верить ему или нет. Никаких оснований ни для того, ни для другого.

— Значит, сейчас она не с ним?

— Так он утверждает.

— По-моему, она не из тех, кого волнует такая чепуха, как брак, — сказал он трезво. — Медовый месячишко без регистрации, кажется, больше бы ее устроил.

— А если без «кажется»? Что вы знаете точно? Вы видели, как она уезжала? Или, может быть, что слышали?

— Нет, ничего не знаю. Да и знал бы — не сказал. Может, я и мерзавец, но не до такой степени.

— И на том спасибо, — сказал я.

— Не стоит благодарности. К черту и вас, и всех шпииков на свете.

— Опять полез в бутылку, — вздохнул я.

Мы дошли до конца озера. Я оставил Билла на дороге и спустился к пирсу. Прислонившись там к деревянным перилам, я увидел, что оркестровый павильон — всего лишь декорация: две перегородки, поставленные под прямым углом и перекрытые куском крыши шириной не более двух футов. Билл Чесс тоже спустился вниз и склонился у перил над водой.

— А за выпивку спасибо, — сказал он.

— Не стóит. Рыба тут водится?

— Немного старых форелей. Ужасные шельмы. А молодежи нет. Сам я рыбу не ловлю. Извините, что снова завелся.

Я ухмыльнулся, тоже положил локти на перила и устался в глубокую спокойную воду. Отсюда она казалась зеленой. Внезапно в глубине что-то крутанулось и промелькнуло зеленоватой стрелой.

— Это папаша, — объяснил Билл. — Только гляньте, какой здоровенный. Разъелся, шельма, и ни капли не стыдно.

Внизу под водой виднелось что-то похожее на настил. Зачем он тут, я не понимал и спросил Билла.

— До того, как возвели плотину, здесь стоял старый причал. Потом вода поднялась, и он оказался на глубине в шесть футов.

Недалеко от нас к столбику была привязана потертой веревкой плоскодонка. Она лежала на воде, почти не покачиваясь. Воздух пронизывало солнце, и было тихо, покойно, как никогда не бывает в городах. Я мог бы стоять так часами, просто стоять, забыв о Дерасе Кингсли, о Кристл и ее любовниках.

Вдруг Билл вздрогнул и зарокотал, словно высокогорный гром:

— Смотрите сюда!

Его крепкие пальцы впились мне в руку с такой силой, что я чуть не взвился. Низко свесив голову через перила, он как безумный глядывался в воду, и лицо его, насколько позволял загар, побледнело. Я тоже уставился вниз.

Под смутно зеленеющими в глубине досками что-то лениво колыхнулось, замерло, снова колыхнулось, исчезло.

Это “что-то” очень напоминало человеческую руку.

Билл Чесс напряженно выпрямил спину, повернулся и захромал по пирсу к берегу. Там он нагнулся над кучей камней, обхватил какой покрупнее и поднял на грудь. Когда он шел назад, до меня донеслось тяжелое дыхание — камень весил около сотни фунтов. Жилы на крепкой загорелой шее вздулись и стали похожи на канаты, зубы были крепко стиснуты, и сквозь них со свистом вырывалось дыхание.

У конца причала Билл остановился и, широко расставив ноги, поднял камень над головой. Потом на секунду замер и опустил глаза, прицеливаясь. Из горла у него вырвался какой-то горестный стон, тело уперлось в поддрагивающие перила, и тяжелый камень ухнул в воду.

Нас обоих обдало брызгами. Камень был брошен метко и ударил по краю подводной доски почти точно в том месте, где колыхнулась рука.

Мгновение вода бурлила, затем круги разошлись, успокоились, оставив только кипящие пузырьки в центре. Донесся глухой треск лопнувшего дерева, звук, который, казалось, должен был раздаться значительно раньше. Внезапно на поверхность вынырнул расщепленный конец гиилой доски и, шлепнув по воде, поплыл в сторону.

Глубины снова прояснились. В них шевелилось что-то, явно не похожее на доску. Продолговатое, темное, оно, лениво покручиваясь, медленно и с полным равнодушием поднималось вверх. На поверхность оно всплыло как-то неспешно, тихо, легко. Я увидел кожаную курточку, черную намокшую кофту, брюки. Потом мелькнули туфли, а между ними и манжетами брюк тошнотворно выпирала плоть. Вдруг по воде широко растеклась копна светлых волос, замерла на мгновение, словно хотела произвести впечатление, и снова сплелась в клубок.

Тело перевернулось еще раз, и над водой показалась рука с уродливо распухшими пальцами. Наконец появилось и лицо, вздутая серовато-белая масса — без носа, без глаз, без губ. Кусок теста, кошмар с человечесими волосами.

Вспухшую шею давило массивное ожерелье из больших, грубо выделанных зеленых камней, соединенных блестящим металлом.

Билл Чесс вцепился в перила так, что побелели костяшки пальцев.

— Мьюриел! — хрипло выдохнул он. — Господи, это же Мьюриел!

Его голос, казалось, шел издалека, из-за густого тихого леса на горе.

7

За окном дощатой хибары виднелись сложенные на стойке пыльные папки. На стекле сверху двери было выведено облезшими черными буквами: "Начальник полиции. Начальник пожарной охраны. Торговая палата". К нижнему краю стекла лепились эмблемы Красного Креста и фирмы бытового обслуживания.

Я вошел внутрь. В одном углу стояла пузатая печка, в другом, уже за стойкой, — стол. На стене висела большая синька карты округа, рядом с ней — доска с четырьмя крю-

ками, на одном из которых пылилась много раз латанная клетчатая куртка. На стойке рядом с папками лежали обычные в таком месте самописки, старый журнал приводов и замызганная бутылочка чернил. Стена рядом со столом пестрела номерами телефонов, написанными детским почерком с таким нажимом, что цифры навечно врезались в дерево.

В деревянном кресле с приколоченными к двум доскам — как к лыжам — ножками сидел крупный человек. К правой ноге он прислонил плевательницу, куда мог бы спокойно влезть целый пожарный шланг. На макушке у него торчала ковбойская шляпа в пятнах пота, а безволосые руки были удобно сложены на толстом животе чуть выше пояса потертых брюк. Рубашка, как и брюки, была цвета хаки, только еще более выгоревшая и застегнутая на толстой шее. Галстуков он, видимо, не признавал. Его каштановые волосы чуть отливали сединой, а на висках желтели, как подтаявший снег. Сидел он, перевалившись на левую ягодицу, так как у правой торчала кобура, из которой в крепкую спину врезалась рукоятка пистолета сорок пятого калибра. Один из уголков шерифской звезды на левой стороне груди был погнут.

Еще у него были большие уши и добродушные глаза. Он что-то неспешно жевал и выглядел не опаснее белки, только не таким нервным. Мне он понравился. Я облокотился о стойку и уставился на него. Он тоже уставился на меня, потом кивнул и выплюнул в плевательницу с полстакана табачного сока. В плевательнице мерзко булькнуло.

Я закурил и поглядел вокруг в поисках пепельницы.

— Для этого есть пол, сынок, — добродушно посоветовал он.

— Вы Паттон, начальник полиции?

— Угу. Весь закон и правопорядок в здешних краях — это один я. Только скоро выборы, а у меня тут парочка конкурентов. Ребята хорошие и могут победить. Жаль! Платят-то восемьдесят долларов в месяц, плюс бесплатное жильё, дрова и электричество. Не пустяк в нашем захолустье.

— Ничего этим ребятам не светит. У вас скоро будет хорошая реклама.

— Как это? — равнодушно спросил он и снова выстрелил в плевательницу струей сока.

— На Оленьё озеро ваши полномочия распространяются?

— Участок Кингсли? Само собой. А что там?

— В озере нашли мертвую женщину.

Сообщение потрясло его до глубины души. Он даже расцепил руки и почесал ухо. Потом уперся в кресло, встал и ловко отодвинул его ногой. Паттон оказался не только крупным, но и крепким. Жирок был лишь видимостью, аурой добродушия.

— Я ее знаю? — скованно спросил он.

— Думаю, знаете. Мьюриел Чесс. Жена Билла.

— Угу. Чессов я знаю, — голос его посуровел.

— Похоже на самоубийство. Она оставила записку, в которой вроде бы говорится про отъезд. Но можно понять и как намерение кончить с собой. Вид у тела страшный — судя по всему, пролежало в воде около месяца.

Он почесал второе ухо. — “Судя по всему”? Что вы имеете в виду? — Его глаза спокойно, неторопливо изучали мое лицо. Поднимать панику он не спешил.

— Месяц назад они поссорились. Билл уехал на несколько часов к северному берегу. А когда вернулся, жены уже не было. Больше он о ней не слышал.

— Ясно. Кто ты, сынок?

— Зовут Филип Марло. Приехал из Лос-Анджелеса посмотреть участок. Передал Биллу Чессу записку от Кингсли. Когда Билл вел меня вокруг озера, мы спустились на пирс, что построили киношники. Стоим у перил, смотрим на воду и вдруг видим — из-под старого затопленного причала высовывается что-то, похожее на руку. Билл ухнул вниз тяжелый камень, и тело всплыло.

На лице Паттона не дрогнул ни один мускул.

— Послушайте, шериф, нам бы побыстрее туда поехать. Билл один и почти сбрендил.

— Виски у него есть?

— Совсем мало. У меня была с собой фляжка, но мы за разговорами почти все выпили.

Подойдя к столу, Паттон открыл ключом ящик, извлек три-четыре бутылки и по очереди поднес их к свету.

— Почти полная, — похлопал он по одной. — “Маунт Вернон”. Это его оживит. Денег на виски для всяких крайних случаев округ мне не отпускает, так что приходится хватывать то тут, то там. Сам я не пью. И никогда не мог понять, для чего люди себя одурманивают.

Он впихнул бутылку в левый карман брюк, запер ящик и поднял откидную доску в стойке. Когда мы выходили, он

сунул за стекло дверей записку. Я ее прочел: "Вернусь через двадцать минут, а может и нет".

— Надо съездить за доком Холлисом, — сказал он. — По дороге назад заберу вас. Это чья машина?

— Моя.

— Тогда трогайте за мной.

Он залез в полицейскую машину с сиреной, двумя прожекторами, двумя мигалками, красной с белым пожарной доской и еще новой сиреной воздушной тревоги. На заднем сиденье валялись три топора, два мотка толстой веревки и огнетушитель, к подножке были прикреплены запасные канистры для бензина и воды, а к задку — запасная шина. Из продранных сидений торчали грязные комки ваты, а облезлый лак верха покрывал толстый слой пыли. В правом нижнем углу ветрового стекла торчал белый лист с печатными буквами: "ИЗБИРАТЕЛИ, ВНИМАНИЕ! ПЕРЕИЗБЕРИТЕ ДЖИМА ПАТТОНА НАЧАЛЬНИКОМ ПОЛИЦИИ. ЕМУ УЖЕ ПОЗДНО УСТРАИВАТЬСЯ НА РАБОТУ".

Паттон развернул машину и, поднимая белый шлейф пыли, покатыл по улице.

Остановился он у белого каркасного строения напротив автобусной станции, вошел внутрь и вскоре появился с каким-то человеком, забравшимся на заднее сиденье к топорам и веревке. Машина тронула назад, и я пристроился вслед. Некоторое время мы еле тащились по променаду — сквозь брючки, шорты, матроски, пестрые платочки, острые коленки и ярко-красные губы. За поселком машины вползли на пыльный холм и остановились у какой-то хибары. Паттон тихонько нажал на сирену. Дверь открыл парень в выгоревшем синем комбинезоне.

— Залезай, Энди. Дело.

Парень в комбинезоне угрюмо кивнул и нырнул обратно внутрь. Вышел он уже в мышиного цвета охотничьей шапочке, и Паттон подвинулся, освобождая место за рулем. Парень был лет тридцати, темный, гибкий и казался, как и большинство местных жителей, чуть недомытым и чуть недокормленным.

Пока мы ехали к Оленьему озерцу, я наглотался пыли, хоть выплевывай готовые куличи. У ворот с пятью перекладами Паттон вышел, открыл нам, и мы подъехали к озеру. Там он спустился к воде и посмотрел в сторону пирса. Голый Билл сидел на настиле, спрятав лицо в ладони. Рядом на мокрых досках что-то лежало.

— Можно подъехать и поближе, — сказал Паттон.

Обе машины двинулись к концу озера, и мы все вчетвером спустились к причалу, где лицом к воде сидел Чесс. Доктор остановился и, прижав к губам платок, мучительно откашлялся, а потом долго его рассматривал. Он был костлявый, с выпученными глазами и печальным землистым лицом.

На досках лицом вниз и с веревкой под мышками лежало тело. С другой стороны валялась одежда Билла. Большую ногу со шрамами на колене он вытянул перед собой, другую согнул и уткнулся в нее подбородком. Когда мы подошли, он не шевельнулся и не поднял глаз.

Паттон вытащил из кармана бутылку “Маунт Вернон“, отвинтил крышку и протянул ему.

— Глотни хорошенько, Билл.

В воздухе стояла ужасная, тошнотворная вонь. Ни Билл, ни Паттон, ни доктор, казалось, не замечали ее. Парень по имени Энди вытащил из машины пыльное коричневое одеяло и накинул на труп. Потом молча отошел к сосне, и его стошнило.

Билл глотнул из горлышка, упер бутылку в согнутое колено и, не глядя ни на кого, ни к кому в частности не обращаясь, ровным, мертвым голосом заговорил. Он рассказал о ссоре, о том, что случилось после, но о причине ссоры умолчал. Миссис Кингсли он даже не упомянул. Еще он рассказал, что после моего отъезда нашел веревку, разделся и выволок тело на берег. Потом взвалил его на спину и перенес на причал. Зачем — он не знает. Потом опять полез в воду. Причина нам была уже понятна.

Паттон сунул в рот порцию жевательного табака и со спокойным пустым взглядом стал молча жевать. Затем, крепко стиснув зубы, наклонился, снял с тела одеяло и осторожно, словно опасаясь, что оно развалится, перевернул. Позднее солнце сверкнуло на зеленых камнях ожерелья, врезавшегося в распухшую шею. Камни были грубые, не отшлифованные, похожие на стеатит или имитацию нефрита. Застегивалось ожерелье позолоченной застежкой с крошечными бриллиантами. Паттон распрямил широкую спину и высморкался в коричневый носовой платок.

— Что скажете, док?

— О чем? — ворчливо спросил пучеглазый.

— О причине и времени смерти.

— Вы что, полоумный?

— Значит, сказать нечего?

— Просто оглядев тело? Ну знаете...

Паттон вздохнул.

— Похоже, что утонула, — признал он. — Но точно никогда не скажешь. Были случаи, когда человека сначала закалывали или травили ядом, а уж потом бросали в воду, чтобы спутать следствие.

— И много у вас было таких случаев? — язвительно осведомился доктор.

— Нет. Здесь за все время случилось только одно убийство, обычное, без хитростей, — сказал Паттон, искоса поглядывая на Билла. — На северном берегу прикончили старика Мичема. Он жил в хибаре у каньона Шиди, а летом мыл золото в лощине у Белтопа. Наступает поздняя осень, а его все нет и нет, а потом повалил сильный снег, и крышу его хибары перекосило. Мы поехали ее подправить — решили, что, никому не сказавшись, старик куда-то уехал на зиму. Обычное дело у этих старателей. Так вот, никуда он, значит, не уезжал. Лежит себе в своей постели, а в черепе чуть не по рукоятку топорик. Убийцу мы так и не нашли. Кто-то, видно, решил позаимствовать мешочек с золотом — его летнюю добычу.

Паттон задумчиво глянул на Энди. Тот стоял в своей охотничьей шапке и ковырял в зубах.

— Да знаем мы, кто его кокнул, — сказал Энди. — Гай Поуп и кокнул. Только он помер от воспаления легких за девять дней до того, как мы нашли Мичема.

— За одиннадцать дней, — сказал Паттон.

— За девять, — настаивал парень в охотничьей шапке.

— Шесть лет уже прошло. Будь по-твоему, сынок. А с чего ты взял, что убил его Гай Поуп?

— А с того, что в доме у него, кроме золотого песка, обнаружили три унции мелких самородков. А участок Гая давал только песок. Зато Мичему часто попадалась всякая самородная мелочь.

— Такие вот дела, — сказал Паттон и улыбнулся мне рассеянной улыбкой. — Как человек ни осторожничай, он всегда даст какую-нибудь промашку.

— Полицейская трепотня! — с отвращением бросил Билл Чесс. Он натянул брюки и снова сел надеть ботинки и рубашку. Затем поднялся, взял бутылку, как следует хлебнул и осторожно поставил ее на доски.

— Если у вас про меня какие мысли, — сказал он с яростью, вытянув волосатые руки в сторону Паттона, — то давайте наручники и кончайте с этим делом.

Паттон, не обратив на него никакого внимания, подошел к перилам и устоялся в воду.

— Странное место для трупа, — сказал он. — Течения тут почти никакого, а если и есть, то к плотине.

Билл Чесс опустил руки.

— Она сама утопилась, даже дураку ясно, — тихо сказал он. — Что-то, а плавать Мьюриел умела. Поднырнула под причал и втянула в легкие воду. Больше никак не объяснишь.

— Да нет, можно и по-другому, Билл, — мягко ответил Паттон. Глаза у него были пустые, как новые тарелки.

Энди вдруг затряс головой. Паттон посмотрел на него с насмешливой ухмылкой:

— Что-то опять не так, сынок?

— За девять дней он умер. Точно говорю. Сосчитал, — сказал Энди угрюмо.

Доктор развел руками, схватился за голову и отошел. Он снова покашлял в платок и стал внимательно изучать результат.

Паттон подмигнул мне и сплюнул через перила:

— Давай-ка не будем отвлекаться, сынок.

— Вы когда-нибудь затаскивали тело на шесть футов под воду? — спросил Энди.

— Нет, не затаскивал. Но с помощью веревки, думаю, можно.

Энди передернул плечами:

— Если веревкой, то на теле останутся следы. А с такой уликой вообще незачем утруждаться.

— Дело во времени, — сказал Паттон. — Мало ли что надо успеть сделать.

Билл Чесс что-то прорычал и поднял бутылку. Глядя на их серьезные загорелые лица, я даже не мог себе представить, что они думают на самом деле.

— Был, кстати, разговор о какой-то там записке, — рассеянно обронил Паттон.

Билл Чесс покопался в бумажнике и выудил сложенный клочок линованной бумаги. Паттон взял его и стал медленно читать.

— А даты нет, — заметил он.

Билл мрачно склонил голову:

— Точно. Но уехала она месяц назад, двенадцатого июня.

— Она и раньше вроде бы уезжала.

— Да, — устоялся на него Билл. — Я тогда напился и

заночевал у одной потаскухи. В прошлый декабрь, как раз перед первым снегом. Мьюриел тогда не было с неделю. Потом явилась как ни в чем не бывало и говорит, что хотела малость развеяться. А жила, мол, у подружки, когда-то вместе работали в Лос-Анджелесе.

— И как эту подружку звали? — спросил Паттон.

— Я не спрашивал. Что Мьюриел ни делала, меня все устраивало.

— Понятно. А в тот раз записку она оставляла?

— Нет.

— Записка-то выглядит малость потертой, — заметил Паттон, складывая ее.

— Таскаю с собой весь месяц, вот и все дела, — окрысился Билл Чесс. — А кто сказал, что она и раньше меня бросала?

— Сейчас уже не вспомнить. Сам знаешь, как бывает в нашей глуши. Люди все замечают. Разве что летом им труднее, когда полно пришлых.

На какое-то время наступило молчание, наконец Паттон рассеянно спросил:

— Значит, уехала двенадцатого июня? Или ты просто решил, что уехала? А кто-нибудь в коттеджах на той стороне был?

Билл Чесс посмотрел на меня, и его лицо снова потемнело:

— Спросите у этого шпики, если он и сам всего не выболтал.

Паттон даже не повернул ко мне голову. Он разглядывал цепь вершин вдаль над озером.

— Мистер Марло ничего мне не выбалтывал, — заметил он мягко. — Только сообщил, кого нашли и где нашли. Еще он сообщил, что Мьюриел вроде бы уехала и оставила записку. Ну и что тут плохого?

Снова наступило молчание. Билл Чесс уставился на прикрытый одеялом труп в двух метрах от себя. Он стиснул кулаки, по щеке у него покатила слеза.

— Была еще миссис Кингсли, но она в тот день тоже уехала. Больше никого. Перрисы и Фаркуарсы в этом году не появлялись.

Паттон молча кивнул. В воздухе чувствовалась какая-то напряженность, словно что-то, о чем не говорили, было всем ясно и не нуждалось в словах.

Билл Чесс яростно заорал:

— Забирайте меня, сукины дети. Само собой, ее утопил

я. Кому еще? Она была моей, и я ее любил. Я — подонок, всегда был подонком и останусь подонком, но все равно я любил эту девочку. Вам не понять, и не пытайтесь. Забирайте и все, пропади вы пропадом.

Никто не вымолвил ни слова.

Билл Чесс уставился на свой крепкий загорелый кулак, замахнулся и со всей мочи ударил себя по лицу.

— Гнусный подонок, — обругал он сам себя срывающимся шепотом.

Из носу у него медленно потекла кровь. Она сползла к губе, обогнула рот и повисла на подбородке. Затем лениво капнула на рубаху.

— Вам, конечно, придется поехать с нами, мистер Чесс, чтобы дать показания, — спокойно сказал Паттон. — Сами знаете, так полагается. Никто вас ни в чем не обвиняет, но внизу с вами захотят поговорить.

— Переодеться можно? — мрачно спросил Билл.

— Ясное дело. А ты, Энди, пойдти с ним и посмотри, во что можно завернуть труп.

Они ушли тропой вдоль берега. Доктор откашлялся, глянул на воду и вздохнул:

— Хотите повезти тело в моей санитарной машине, Джим?

Паттон помотал головой:

— Нет, док. Округ у нас бедный. Представляю, сколько вы сдерете за свою машину. Есть возможность прекатить эту даму дешевле.

Доктор отошел, бросив со злостью через плечо:

— Если надо оплатить похороны, дайте мне знать.

— Ну вот, полез в бутылку, — вздохнул Паттон.

8

Коричневое здание гостиницы “Индийская голова” высилось на углу против нового танцевального зала. Я оставил машину и прежде, чем отправиться в примыкавший к вестибюлю бар с закусочной, вымыл в туалете руки и лицо, а заодно и вычесал из волос сосновые иголки. Помещение кишело визгливо хохочущими красотками с ярко-красными ногтями и пропахшими вином молодцами в летних курточках. За публикой внимательно присматривал “метр” — плотный парень без пиджака с обкусанной сигарой в зубах. У кассы какой-то тусклый блондин ловил во-

енные новости по маленькому приемнику, в котором было не меньше шума и треска, чем воды в картофельном пюре. У дальнего угла пятеро местных музыкантов в лиловых рубахах под плохо сшитыми белыми фраками, вымученно скалясь в табачный дым, пытались своим треньканьем заглушить пьяный гам. В общем, курортный сезон Пумьей Вершины был в самом разгаре.

Я быстро проглотил то, что называлось у них фирменным обедом, залил его сверху коньяком, чтобы не дать вырваться наружу, и вышел на улицу. Было еще светло, но несколько неоновых реклам уже горели; вечер звенел бодрыми автомобильными гудками, детскими воплями, ударами шаров по кеглям, скрипом роликов, веселыми хлопками малокалиберных винтовок в тирах, сумасшедшими завываниями музыкальных автоматов, а поверх всего — лающим ревом катеров, гоняющих без цели по озеру, словно наперегонки со смертью.

В “крайслере” я обнаружил худенькую шатенку с умным лицом и в темных брючках. Она сидела и курила, болтая с хлыщеватым ковбоем, пристроившимся у подножки. Я обошел машину и сел за руль. Ковбой, подтянув джинсы, отошел. Девушка не тронулась с места.

— Меня зовут Берди Кеппел, — бодро начала она. — Днем я работаю в парикмахерской, а вечером в местной газете. Извините, что без спросу забралась в машину.

— Все в порядке. Хотите посидеть или куда-нибудь вас отвезти?

— Давайте отъедем чуть дальше, где нам было бы спокойнее, мистер Марло. Если вы, конечно, не против разговора.

— Слухи у вас тут разносятся с быстротой молнии, — сказал я и завел мотор.

Миновав почту, я доехал до проулка с бело-голубой стрелкой “Телефон”, указывающей в сторону озера, свернул, проехал бревенчатый домик переговорного пункта с крошечным палисадником, потом еще один домик и остановился под огромным дубом, раскинувшим ветви далеко за дорогу.

— Тут сойдет, мисс Кеппел?

— Не мисс, а миссис. Но зовите меня просто Берди. Как все. Да, здесь хорошо. Рада знакомству, мистер Марло. Я так понимаю, вы из нечестивого Голливуда?

Она протянула мне крепенькую загорелую ладошку.

Пожатие напоминало клещи — видно, натренировалась, втыкая заколки в пышные кудри клиенток.

— Доктор Холлис рассказал мне о бедняжке Мьюриел Чесс, — сказала она. — Вот я и решила узнать подробности, раз уж вы первым обнаружили тело.

— Первым нашел ее, правда, Билл Чесс. Но я при этом присутствовал. С Джимом Паттоном вы уже говорили?

— Нет еще. Он уехал вниз. К тому же не уверена, что он мне много скажет.

— Ему скоро переизбраться, а вы как-никак журналистка.

— Джим совсем не дипломат, да и меня трудно назвать журналисткой. У нас тут всего лишь жалкая дилетантская газетенка.

— Что же вы хотите узнать?

Я предложил ей сигарету и дал прикурить.

— Давайте все по порядку.

— Я приехал с письмом от Дераса Кингсли, чтобы осмотреть участок. Встретив меня, Билл Чесс разговорился и рассказал, что его бросила жена, заодно показал от нее записку. Со мной была бутылка. Он здорово к ней приложился. Человек явно тосковал от одиночества. Выпивка развязывает язык, но ему и без того не терпелось излить душу. Такие вот дела. До сегодняшнего дня я Билла не знал. Ну а когда мы шли назад озером, то забрели на пирс, и Билл заметил под затопленным настилом руку. Оказалось, что это рука покойной Мьюриел Чесс. Вот и все.

— Док Холлис сказал, что тело долго пролежало в воде и стало неузнаваемым.

— Точно. По всей видимости, лежало там целый месяц, хотя Билл считал, что Мьюриел уехала. По записке можно предположить самоубийство. Оснований для других версий нет.

— И никаких сомнений?

Я искоса бросил на нее взгляд. Темные глаза внимательно смотрели на меня из-под взбитой на лбу каштановой челки. Воздух начал постепенно темнеть. Пока чуть-чуть, еле заметно.

— У полиции в таких случаях всегда есть сомнения.

— А у вас лично?

— Мои мысли никого не волнуют.

— И все же.

— Я познакомился с Биллом Чессом только сегодня. Он показался мне человеком вспыльчивым. Да и по его собст-

венным словам можно судить, что он далеко не ангел. Но жену, видимо, любил крепко. Не возьму в толк, как он мог целый месяц жить у озера, зная, что она разлагается в воде. Выходить утром на солнышко, смотреть на голубую гладь и думать, что она там, под водой, и ты сам ее утопил. Нет, вряд ли.

— Я тоже не могу себе этого вообразить, — тихо сказала Берди Кеппел. — Да и никто у нас не может. И все же такое случалось и случается. Вы занимаетесь недвижимостью, мистер Марло?

— Нет.

— А чем, позвольте спросить?

— Мне бы не хотелось отвечать.

— Это все равно что ответить, — кивнула она. — Кроме того, док Холлис слышал, как вы назвали Паттону свое полное имя, а у нас в редакции есть справочник по Лос-Анджелесу. Но я никому не разболтала.

— Спасибо.

— И не разболтаю, если вы не хотите.

— Что с меня за это причитается?

— Ничего, — сказала она. — Абсолютно ничего. У меня нет журналистских амбиций. Да и газета не даст материала, если он во вред Джиму Паттону. Таких, как Джим, еще поискать! Но все в конце концов само раскроется. Разве нет?

— Не спешите с выводами, — сказал я. — К тому же Билл Чесс меня совершенно не интересует.

— А Мьюриел Чесс?

— С какой стати?

Она осторожно стряхнула сигарету в пепельницу под щитком.

— Как угодно, — сказала она. — Но есть одна вещь, о которой вам, может быть, захочется поразмыслить, если вы про нее еще не слышали. Полтора месяца назад сюда приезжал полицейский из Лос-Анджелеса. Звали его Де Сото. Эдакий громила с хамскими манерами. Нам он не понравился, и мы его отшили. Я сейчас имею в виду нас троих из редакции. Он разыскивал некую Милдред Хэвиленд, и у него была с собой ее фотография. Обычная увеличенная карточка, не такая, как из полицейского досье. Он сказал, что им известно, будто эта Хэвиленд живет где-то в наших краях. Женщина на фото напоминала Мьюриел Чесс. Волосы, правда, какие-то рыжеватые, прическа другая, да и брови тонкие, выщипанные. Лицо

от этого сильно меняется. Но все равно чем-то она была похожа.

Я побарабанил по двери машины, немного помолчал и спросил:

— И что вы ему ответили?

— Ничего. Во-первых, не было уверенности, что это она. Во-вторых, нам не понравилось, как он себя держит. В-третьих, даже если бы это была Мьюриел и он бы нам понравился, мы бы все равно не пустили его по следу. Каждый человек совершает в жизни ошибки. Возьмите хоть меня. Когда-то выскочила за профессора классических языков из Редлендского университета. Потом развелась.

Она хихикнула.

— У вас могла бы получиться статья для газеты, — заметил я.

— Конечно. Но здесь мы прежде всего просто люди.

— А этот Де Сото виделся с Джимом Паттоном?

— Думаю, что виделся. Но Джим ничего не рассказывал.

— Он предъявил вам документы?

Она наморщила лобик и отрицательно покачала головой.

— Нет, вроде бы, нет. Мы поверили ему на слово. Но держался он, и вправду, как нахальный городской фараон.

— Значит, скорей всего, никакой он не полицейский. А Мьюриел о нем кто-нибудь сообщил?

Она долго смотрела в ветровое стекло, мялась, наконец, повернула голову и кивнула:

— Я сама. Хотя, какое мне было дело, не пойму.

— И что она ответила?

— Ничего, только как-то смущенно хохотнула, словно я отмочила сомнительную шутку. Потом она ушла, но мне показалось, в глазах у нее что-то мелькнуло. Ну как? Мьюриел Чесс все еще вас не интересует?

— С какой стати? Раньше я о ней вообще ничего не слышал. Честно. И ни о какой Милдред Хэвиленд тоже не знаю. Отвезти вас назад?

— Нет, спасибо. Я лучше пройду. Тут всего два шага. Очень вам за все благодарна. Надеюсь, Биллу не грозят неприятности. Особенно такого сорта.

Она спустила ногу на подножку, выбралась из машины, затем тряхнула кудрями и рассмеялась.

— Говорят, что я очень неплохая парикмахерша. Ду-

маю, что не врут. Но вот брать интервью явно не умею. Спокойной ночи.

Мы попрощались, и она ушла в сгущающиеся сумерки. Я сидел и смотрел ей вслед, пока она не исчезла за углом на главной улице. Потом выбрался из "крайслера" и пошел к избушке, где была телефонная станция.

9

Дорогу мне преградила ручная олениха с кожаным собачьим ошейником. Я потрепал ее по ворсистой шее и открыл дверь переговорного пункта. За маленьким столиком сидела маленькая девушка в брючках и что-то заносила в журнал. Она объяснила мне, как позвонить в Беверли-Хилс, и наменяла монеток. Телефон находился снаружи, у входа.

— Вам там понравится, — сказала она. — Тихо, никто не мешает.

Я вошел в кабинку и закрыл дверь. За девяносто центов я мог говорить с Дерасом Кингсли пять минут. Он оказался дома, и нас быстро соединили, но слышимость была плохая — много помех из-за горных кряжей.

— Что-нибудь раскопали? — спросил он чуть пьяным, но по-прежнему жестким и начальственным голосом.

— Много чего, — сказал я. — Но все не то, что нас интересует. Вы сейчас один?

— А какое это имеет значение?

— Для меня никакого. Но я знаю, что собираюсь рассказать, а вы нет.

— Можете говорить.

— Я долго беседовал с Биллом Чессом, который маялся от одиночества. Месяц назад его бросила жена. Они тогда разругались, он уехал, чтобы напиться, а когда вернулся, ее уже не было. Она оставила записку, что скорей умрет, чем будет с ним жить.

— По-моему, Билл слишком много пьет, — голос Кингсли звучал совсем издалека.

— В общем, вернувшись, Билл не застал сразу обеих женщин. Куда уехала миссис Кингсли, у него нет ни малейшего представления. Лавери был здесь только в мае. Но он и сам этого не скрывает. Он, конечно, мог подъехать, когда Билл пьянствовал, но это маловероятно, да и гнать вниз пришлось бы сразу две машины. Я было подумал, что

миссис Кингсли и Мьюриел уехали вместе, но у Мьюриел оказалась своя машина. К тому же от этой и без того не очень стоящей идеи меня заставили отказаться дальнейшие находки. Дело в том, что никуда Мьюриел не уезжала. Она оказалась в вашем озере, а выудили ее только сегодня. При мне.

— Господи! — искренне ужаснулся Кингсли. — Вы хотите сказать, утопилась?

— Возможно. Записка, которую она оставила, дает основание и для подобных предположений. Но прочесть ее можно и в другом смысле. Тело плавало под настилом затопленного причала. Билл углядел в воде руку, когда мы стояли на пирсе, и труп достал сам. Его уже арестовали. Вообще-то бедняга здорово переживает.

— Господи! — повторил Кингсли. — Еще бы не пережить. А не похоже, что он... — Тут линия заглохла, и в разговор вклинилась телефонистка, потребовавшая опустить еще двадцать пять центов. Я опустил сразу две монеты, и телефон включился.

— Вы не dokonчили. Похоже на что? — переспросил я.

Внезапно голос Кингсли прорезался совсем четко:

— На то, что он сам ее и убил.

— Очень даже. Джиму Паттону, начальнику местной полиции, не нравится, что на записке нет даты. Мьюриел из-за измены уже один раз от него уходила. Паттон подозревает, что Билл просто сохранил старую записку. Как бы там ни было, его увезли на допрос в Сан-Бернардино, а труп отправили на вскрытие.

— А вы лично что думаете? — медленно спросил он.

— Ее нашел сам Билл. Но он ведь мог и не водить меня на пирс. Тело бы тогда осталось в воде еще бог знает на сколько времени, а то и навсегда. Записка же выглядит старой, потому что Билл таскал ее в бумажнике, часто вынимал и перечитывал. Что касается даты, то Мьюриел могла ее не поставить как на предыдущей записке, так и на этой. На подобных записках довольно часто нет дат. Их авторы, как правило, спешат — им не до мелочей.

— Труп, наверное, не узнать. Что они смогут по нему определить?

— Не представляю, какое у них оборудованье. Могут, к примеру, выяснить, действительно ли она утонула, — не все следы насилия исчезают в воде. Скажем, определят, что она погибла от пули или ножа. А если сломана подъязычная кость, то ее, скорей всего, задушили. Главная про-

блема сейчас — как объяснить причину моего приезда. Ведь скоро мне давать показания на предварительном следствии.

— Паршиво, — рыкнул Кингсли. — Совсем паршиво. А что вы собираетесь делать дальше?

— По дороге домой заеду в гостиницу «Прескот», посмотрю, нет ли чего интересного там. Ваша жена и Мьюриел Чесс ладили?

— Вроде бы. Кристл легко сходится с людьми. Сам я с Мьюриел практически не был знаком.

— А имя Милдред Хэвиленд вам ничего не говорит?

— Как-как?

Я повторил имя.

— Нет, — сказал он. — А что, должно говорить?

— Вы все время отвечаете вопросом на вопрос. Нет, не должно. Тем более что вы практически не знали Мьюриел Чесс. Я позвоню утром.

— Обязательно позвоните, — сказал он и, несколько помявшись, добавил: — Извините, что втянул вас в передрягу. — И снова помявшись, наконец попрощался и повесил трубку.

Телефон тут же звякнул, и телефонистка с междугородной грубовато объявила, что я сунул в телефон на пять центов больше. Я ей сказал, что с удовольствием сунул бы в него кое-что еще. Мой тон ей явно не понравился.

Я вышел из кабины и набрал в легкие свежего воздуха. У загородки тропинку мне опять преградила ручная оленья ошейником. Я хотел ее оттолкнуть, но она уперлась. Тогда я перешагнул через загородку, вернулся к «крайслеру» и поехал в поселок.

В штаб-квартире Паттона горела висючая лампа, но ни души не было. За стеклом двери все еще висела записка: «Вернись через двадцать минут...». Я проехал мимо лодочной пристани к кромке уже пустынного пляжа. Несколько моторок и катерков так же дурашливо носились по шелковой глади. На той стороне озера в крошечных домиках у пологих склонов замерцали огоньки, а низко над цепью вершин засветила с северо-востока яркая звезда. На острой верхушке стофутовой сосны я заметил зарянку, которая дожидалась ночи, чтобы пропеть свою прощальную песню.

Через некоторое время, когда стало совсем темно, она исполнила желанную арию и скрылась в бездонной глубине неба. Выбросив окурок в неподвижную воду, я забрался в машину и поехал в сторону Оленьего озера.

На воротах во владения Кингсли висел замок. Я загнал «крайслер» между двух сосен, перелез через забор и крадучись шел краем дороги, пока передо мной не заблестело озерцо. Огонь в доме Чесса не горел. На той стороне смутно чернели на фоне светлых гранитных скал три коттеджа. Переливаясь через плотину, вода серебристо поблескивала и почти бесшумно падала по сливу к ручью. Я прислушался — вроде бы все было спокойно.

Входная дверь в дом оказалась запертой. Я прокрался к черному ходу и тоже обнаружил там увесистый замок. Пришлось идти вдоль стен, ощупывая сетки на окнах. Глухо! Правда, одно окошко, расположенное чуть повыше других, маленькое, двустворчатое, в середине северной стены, осталось без сетки. Я замер и снова прислушался. Ветра не было, и деревья стояли тихо, как их собственные тени.

Я просунул между створок лезвие ножа. Черта с два — шпингалет даже не шевельнулся. Прислонившись к стене, я немного поразмыслял, потом поднял здоровый камень и врезал по створкам. Шпингалет с треском выскочил из сухого дерева, и окно в темноте резко распахнулось. Я подтянулся к подоконнику, перекинул через него затекшую ногу и, наконец, залез в комнату. Покряхтывая от усилий в разреженном горном воздухе, я повернулся и снова прислушался.

Яркий луч фонаря ударил меня по глазам.

Очень спокойный голос произнес:

— Замри на месте, сынок, отдохни. Ты явно притомился.

Луч пригвоздил меня к стене, как муху. Щелкнул выключатель, и засветилась настольная лампа. В старом коричневом кресле с подушками сидел у стола Джим Паттон. На его толстое колено свисало со столешницы коричневое кашне с бахромой. Одет он был, как прежде, не считая кожаной куртки, приобретенной, видимо, лет пятьдесят назад, во времена президента Кливленда. В руках он держал фонарь. Глаза были пустые. Челюсти мерно двигались.

— Что у тебя на уме, сынок? Ну вломился. А зачем?

Я подвинул к себе стул, оседлал его и, положив руки на спинку, огляделся.

— Хотел проверить одну идею, — сказал я. — Она мне представлялась интересной, но теперь ее, пожалуй, придется забыть.

Дом был просторнее, чем казался снаружи. Мы с Паттоном сидели в гостиной, скудно обставленной скромной мебелью. На полу из некрашенных досок лежал лоскутный коврик, у дальней стены стоял круглый стол с двумя креслами, а через открытую дверь виднелся угол большой черной печки.

Паттон кивнул, спокойно рассматривая меня:

— Я услышал машину. А куда ей еще ехать, как не сюда? Но ходишь ты тихо. Я почти ничего не уловил. Ты меня заинтересовал, сынок.

Я молчал.

— Ничего, что я называю тебя «сынком»? — спросил он. — Может, малость бесцеремонно, но такая уж у меня привычка. Никак не могу отвыкнуть. Все, у кого нет седой бороды и подагры, для меня «сынки».

Я сказал, что пусть называет как угодно. Мне это все равно.

Он ухмыльнулся:

— В телефонной книге Лос-Анджелеса куча детективов, но только одного зовут Марло.

— А с чего это вы заинтересовались?

— Обычное гнусное любопытство. Да еще Билл Чесс упомянул, что ты, вроде бы, сыщик. Мог бы сказать и сам.

— Со временем сказал бы. Извините, что доставил беспокойство.

— Никакого беспокойства, сынок. По пустякам я не беспокоюсь. Документы при тебе?

Я достал бумаги и показал ему.

— Что ж, все в полном порядке, — сказал он удовлетворенно. — А по твоему лицу много не прочтешь. Хотел, видно, тут кой-чего поискать?

— Точно.

— Я уже сам порылся. Сразу сюда и приехал. Только забежал на минутку к себе. Мне, видимо, нельзя разрешать тебе обыск. — Он почесал ухо. — Хотя черт его знает! Можешь сказать, кто тебя нанял?

— Дерас Кингсли. Просил разыскать жену, которая сбежала месяц назад — и именно отсюда. Вот и я начал отсюда. Предполагалось, что сбежала она с мужчиной. Но мужчина это отрицает. Я и подумал, что найду здесь в горах какую-нибудь зацепку.

— Нашел?

— Нет. Ее путь прослеживается до Сан-Бернардино и до Эль-Пасо. Затем след теряется. Но я только начал.

Паттон встал и открыл дверь. В комнату ворвался густой сосновый дух. Сплюнув за дверь, он снова сел, снял ковбойскую шляпу и взъерошил коричневую с проседью шевелюру. Без шляпы у его головы был какой-то непристойно-голый вид, как у всех голов, с которых редко снимают шляпы.

— Билл Чесс тебя не интересуется?

— Ни чуточки.

— Частные сыщики много занимаются разводами. По моему, гнусная работенка.

Я решил пропустить эти слова мимо ушей.

— Для Кингсли было бы проще пойти в полицию, — сказал он.

— Не думаю. Он слишком хорошо знает свою жену.

— Однако все это не объясняет, с чего тебе приспичило обыскивать дом Билла, — рассудительно заключил он.

— Люблю всюду совать свой нос.

— Мог бы сочинить что получше.

— Тогда, скажем, Билл меня действительно интересуется. Но только потому, что влип в беду. Он хоть и не святой, но все же сго жаль. Если он убил жену, здесь должны быть какие-то улики. Если не убивал — тоже.

Паттон склонил голову набок, словно осторожная птица:

— К примеру, какие?

— Одежда, украшения, туалетные принадлежности — все, что женщина обычно забирает, когда уезжает навсегда.

Он неторопливо откинулся в кресле:

— Но она ведь никуда не уехала.

— Значит, вещи здесь. Но если так, Билл бы это заметил и понял, что дело не чисто.

— Черт! Не нравится мне все это.

— Но если ее убил он сам, — продолжал я, — он бы избавился от вещей.

— И каким образом?

От желтого света лампы одна сторона его лица казалась бронзовой.

— Я знаю, что у нее был свой «форд». Остальное-то можно сжечь, а что не горит — закопать в лесу. Топить вещи в озере было бы опасно. Но «форд» не сожжешь и не закопаешь. Он умел им управлять?

Паттон сделал удивленные глаза:

— Само собой. Правая нога у него не гнется в колене,

поэтому выжимать ножной тормоз ему трудно. Но он бы управился ручным. Разница между машинами небольшая. Просто у Билла тормозная педаль расположена слева, рядом со сцеплением, чтобы легче было выжимать их одной ногой.

Я стряхнул пепел в голубой горшочек, где, судя по золотистой наклейке, когда-то хранился апельсиновый мед.

— Избавиться от машины трудно, — сказал я. — Куда ее ни погони, придется возвращаться назад, да к тому же так, чтобы тебя не заметили. Брось он ее на улице, скажем в Сан-Бернардино, ее бы нашли и опознали. Радости мало. Надежнее было бы загнать ее скупщику краденого, но таких людей он вряд ли знает. Так что, вероятнее всего, он спрятал ее в лесу, при этом — недалеко, чтобы дохромать назад до дому.

— Что ж, логично. А еще говоришь, что не заинтересован, — сухо бросил Паттон. — Ладно, пускай машина спрятана в лесу. Что дальше?

— Дальше надо подумать, что будет, если ее найдут. Чашебы тут глухие, но лесники и лесорубы время от времени все же появляются. Но если машину обнаружат, а в ней и вещички Мьюриел, то появляются две новые версии, не бог весть какие, но все же вполне приемлемые. Первая — ее мог убить кто-то другой, но подстроить все так, чтобы подозрение пало на Билла. Вторая — Мьюриел действительно кончила самоубийством, но при этом тоже с мыслью подложить мужу свинью. Самоубийство из мести.

Спокойно и сосредоточенно Паттон поразмышлял над моими выкладками. Потом подошел к двери, еще раз сплюнул и снова сел, взъерошив волосы. Глаза его светились скепсисом.

— Первое не исключено, — признал он. — Но только теоретически. Никакого «другого» на примете у меня нет. И записка сюда не очень вписывается.

Я покачал головой:

— А если Билл сохранил записку с предыдущего раза? Если Мьюриел действительно не писала ничего во второй раз? Он считает, что она уехала. Проходит месяц, от нее — ни слова. Он нервничает и пока прячет записку, надеясь, что она его выручит, если с Мьюриел действительно что-то произошло. Такие мысли явно могли крутиться у него в голове.

Теперь покачал головой Паттон. Мои слова его не убедили, как не убедили и меня самого.

— А вторая из этих ваших версий, — сказал он медленно, — явно бредовая. Убить себя так, чтобы обвинили кого-то другого — нет, это не вяжется с моими незамысловатыми понятиями о человеческой природе.

— Они действительно незамысловаты, — сказал я. — Даже слишком. Такие фокусы проделывались, и, кстати, почти всегда женщинами.

— Не знаю. Мне пятьдесят семь, я повидал на своем веку всякого, но, по-моему, эта идея не стоит выеденного яйца. Скорее Мьюриел впрямь собиралась уехать и написала записку, но он застал ее перед отъездом, взбеленился и прикончил. А уж потом стал обтяпывать все то, о чем мы говорили.

— Я Мьюриел ни разу не видел, — сказал я. — Поэтому и не знаю, на что она была способна. Билл рассказывал, что познакомился с ней около года назад в Риверсайде. Мало ли какую жизнь она вела в прошлом. Кстати, что она из себя представляла?

— Хорошенькая блондиночка, особенно когда принарядится. Билла вроде бы только терпела. Спокойная, скрытная. Билл говорит, что характер у нее был тот еще, но я не замечал. А вот его характерец знаю прекрасно.

— А что вы скажете про фотографию некоей Милдред Хэвиленд? Похожа?

Он перестал жевать, а его губы крепко сжались. Потом они потихоньку задвигались снова.

— Ну и дела, — сказал он. — Прежде, чем ложиться, сегодня обязательно гляну под кровать. Вдруг вы уже там? Кто вам рассказал?

— Славная девушка по имени Берди Кеппел. В свободное время она занимается журналистикой и брала у меня интервью. Ну и упомянула про фото, которое показывал полицейский из Лос-Анджелеса.

Паттон ударил ладонью по толстому колену и сгорбился.

— Тут я совершил ошибку, — трезво заметил он. — Опростоволочился. Прежде чем показать фото мне, этот костолом успел показать его всей округе. Ну я и разозлился. Женщина на фото вроде бы была похожа на Мьюриел, но голову на отсечение я бы не дал. Я спросил его, по какому поводу ее ищут. Он ответил, что это служебная тайна. Я говорю, что сам как-никак полицейский, хоть и работаю в этой дыре. Он говорит, ему поручили найти эту женщину, а больше он ничего не знает. Он, конечно, зря меня от-

брил. Но и я хорош — сказал, что никого похожего не знаю.

Этот огромный, уравновешенный полицейский рассеянно улыбнулся в потолок, потом опустил глаза и спокойно уставился на меня.

— Надеюсь, это останется между нами, мистер Марло. А в своих догадках ты... вы оказались правы. Вам приходилось бывать на Енотовом озере?

— Даже не слышал о таком.

— С милю отсюда. — Он ткнул большим пальцем за спину. — К западу. Дорога узкая, только что не корябаешь стволы. И очень крутая — почти сорок пять градусов. А места красивые. Народ туда ездит на пикники, правда, не часто. Жалуют шины. Там вообще-то несколько мелких озер. Сплошь заросли камышом, а в тенистых местах даже летом лежит снег. Рядом несколько срубов, которые потихоньку разваливаются — разваливаются с тех пор, как я себя помню. И еще там стоит большой каркасный дом, тоже полуразрушенный. Когда-то Монтклерский университет устраивал в нем летние лагеря. Но лет десять уже прошло. Дом расположен не у берега, а на отшибе, в чаще. Сзади душевая с ржавым котлом и дровяной сарай с раздвижной дверью на роликах. Строили под гараж, но стали хранить дрова, а уезжая, запирали на замок. У нас тут мало чего воруют, но дрова — запросто. Правда, замок срывать никто не станет. Догадываетесь, что я нашел в сарае?

— Я считал, что вы поехали в Сан-Бернардино.

— Раздумал. Было бы не по-божески везти Билла в одной машине с телом жены. Так что тело я отправил на «скорой помощи» доктора, а Билла повез Энди. Я решил, что прежде, чем передавать дело окружной полиции и следствию, стоит порыскать по округе.

— В сарае была машина Мьюриел?

— Угу. И в ней два незапертых чемодана с вещами, женскими вещами. Набиты явно в спешке. А главное, сынок, об этом сарае могут знать только свои, местные.

Я кивнул. Он сунул руку в косой карман сбоку куртки, вытащил комочек папиросной бумаги, развернул и протянул мне на раскрытой ладони.

— Взгляни.

Я подошел. В бумаге лежала тонкая золотая цепочка с застежкой почти такой же ширины, как звенья. Цепочка была перерезана, замок — не тронут. По длине — около се-

ми дюймов. На ней и на бумаге виднелась какая-то белая пыль.

— Ну и где, думаешь, я ее нашел?

Я взял цепочку и приложил отрезанные концы друг к другу. Они не сходились. Ничего не сказав про это, я поклонявил палец, мокнул в пыль и лизнул.

— В коробке или банке с сахарной пудрой. Это ножной браслет. Некоторые женщины его никогда не снимают, как и обручальное кольцо. А у того, кто его срезал, не было ключика от застежки.

— Что скажешь?

— А что тут скажешь? Для Билла не имело смысла срезать его, раз зеленое ожерелье оставалось на шее. Положим, Мьюриел потеряла ключик сама, но зачем ей было прятать браслет в таком месте? При тщательном обыске его бы все равно нашли. Правда, обыск бы сделали только после того, как обнаружили тело. Билл, кстати, бросил бы цепочку в озеро. Но если Мьюриел хотела ее спрятать от самого Билла, тогда место подходящее.

— Как это? — На этот раз Паттон удивился.

— Типично женский тайник. Сахарной пудрой посыпают сладкие пироги, и мужчина в ней копать не станет. Так что вас с этой находкой можно поздравить.

— Черт! — улыбнулся он чуть сконфуженно. — Просто я нечаянно опрокинул коробку, и часть пудры рассыпалась. Иначе бы сроду не нашел.

Он завернул бумажку, сунул назад в карман и решительно поднялся.

— Вы остаетесь у нас или поедете в город?

— Поеду в город. Если, конечно, я не нужен на дознании.

— Это решать коронеру. А теперь закройте окно, через которое вломились, а я выключу лампу и замкну дверь.

Я выполнил приказ, и Паттон, включив сначала фонарь, погасил лампу. Когда мы вышли на воздух, он подергал дверь, проверяя, защелкнулся ли замок, потом задвинул сетку.

— Мне кажется, Билл не хотел ее убивать, — сказал он, грустно глядя на освещенное луной озеро. — Видимо, придушил без умысла. Ручищи у него здоровенные. А уж придушив, стал думать — насколько хватало мозгов, — как выкрутиться. Мне его искренне жаль, но факты подтверждают именно эту версию. Все, что просто и естественно, чаще всего и оказывается правдой.

— По-моему, он бы сбежал, — сказал я. — Не представляю, как можно такое выдержать.

Паттон сплюнул в бархатную тень от куста толокнянки.

— Билл получает государственную пенсию, — сказал он медленно. — Пришлось бы сбежать и от нее. Когда прижмет, большинство людей много чего могут выдержать. И выдерживают. Ну ладно, прощайте. Я пойду к пирсу, постою там под луной и помучаюсь. Такая ночь, а тут думай про убийства.

Паттон неторопливо ступил в тень, и сам тут же стал тенью. Когда он совсем исчез из виду, я вернулся к воротам и перелез через забор. Сев в машину, я поехал вниз, приискивая место, где можно спрятаться.

II

Ярдах в трехстах за воротами от дороги отходила усыпанная прошлогодними листьями колея и, повернув вокруг огромного гранитного валуна, исчезала в лесу. Я объехал по ней валун, взобрался по осыпи футов на пятьдесят-шестьдесят вверх и развернул машину вокруг дерева. Потом погасил свет, выключил мотор и стал ждать.

Прошло полчаса. Без сигарет время тянулось медленно. В конце концов вдаль затарахтел мотор, шум стал нарастать, и мимо меня внизу проползли белые лучи фар. Шум постепенно затих, но над дорогой еще долго чувствовался слабый запах сухой пыли.

Я вылез из машины, вернулся к воротам, а оттуда — к дому Билла. Окно на этот раз распахнулось от одного толчка. Я взобрался на него, опустил ноги на пол и зажег фонарь. Высветив им настольную лампу, я включил ее и прислушался. Все было тихо. Я двинулся на кухню и щелкнул выключателем висящего над раковиной светильника.

В дровяном ящике у печки аккуратно лежали колотые дрова. Никаких салтных тарелок в раковине, никаких грязных кастрюль на печи. Билл Чесс, даром что один, следил за порядком в доме как надо. Дверь из кухни вела в спальню, а там, еще за одной узенькой дверкой, была крошечная ванная, пристроенная, судя по свежей фанере, совсем недавно. Ванная не дала мне ничего интересного.

В спальне стояла большая кровать, туалетный столик с круглым зеркалом, комод, два стула и жестяная корзинка

для мусора. С обеих сторон кровати на полу были тряпичные коврики. К стене Билл Чесс приколол несколько карт военных действий из географического журнала. На столике валялись идиотские, красные с белым, ленты.

Я покопался в ящиках. Нашел коробку из кожзаменителя с кучей безвкусной бижутерии, всякую женскую ерунду и косметику. Мне показалось, что косметики слишком много, но поди знай. Там же лежало женское и мужское белье — не особенно густо. Среди вещей Билла в глаза бросалась яркая клетчатая рубашка с крахмальным воротничком. А вот под листом голубой папиросной бумаги в углу одного из ящиков я увидел то, что мне совсем не понравилось — новую шелковую комбинацию персикового цвета с кружевами. Шелковую комбинацию в такие времена женщина в здравом уме навряд ли бы забыла.

Дела Чесса были хуже некуда. Хотел бы я знать, что подумал о комбинации Паттон.

Я вернулся на кухню и начал разглядывать открытые полки на стене у раковины, где пылилось множество банок и коробок с продуктами. Сахарная пудра была в квадратной коричневой картонке с оборванным углом, а вокруг белели остатки того, что рассыпал Паттон. Около пудры стояли банки с солью, питьевой содой, бурой, крахмалом, сахарным песком и тому подобным. Что-то могло лежать в любой из них.

Что-то, что было срезано с ножной цепочки, концы которой не сходились.

Я закрыл глаза, ткнул пальцем наугад и попал в соду. Взяв из ящика с дровами газету и расстелив ее, я вытряхнул всю банку на бумагу и покрутил в куче ложкой. Такого непристойного количества соды я в жизни еще не видел, но никаких интересных примесей в ней не обнаружилось. Собрав соду, я проделал ту же операцию с бурой. Опять ничего, одна бура. В третий раз, решил я, должно повезти, и взялся за крахмал. Поднялась мелкая пыль, но и там ничего не оказалось.

Внезапно до меня донеслись отдаленные шаги. Я застыл, как вкопанный. Потянулся к выключателю, погасил свет, затем прокрался в гостиную и погасил настольную лампу. Поздновато, конечно. Шаги раздались снова, глухие, осторожные. По спине у меня забегали мурашки.

Я ждал в темноте с фонарем в левой руке. Две минуты тянулись чудовищно долго. Я почти не дышал.

Это был явно не Паттон. Тот сразу бы открыл дверь и

выгнал меня отсюда. Тихие, сторожкие шаги, казалось, двигались то в одну, то в другую сторону. Пара шагов — и тишина, еще шаг — опять тишина. Я подкрался к входной двери, неслышно повернул ручку замка, и, распахнув дверь, включил фонарь.

Сверкнула пара золотистых глаз, что-то скакануло, и раздался быстрый стук копыт среди деревьев. Любопытный олень.

Я закрыл дверь и, освещая путь фонарем, вернулся на кухню. Круглый луч уперся в коробку с сахарной пудрой.

Включив снова верхний свет, я снял ее и вытряхнул на газету.

Паттон, ясное дело, в ней не копался. Случайно найдя браслет, он решил, что больше там ничего нет. Ему и в голову не пришло искать дальше.

Однако в кучке тонкой белой пыли хранился еще один комок папиросной бумаги. Я отряхнул его и развернул. В нем было крошечное, не больше ногтя, золотое сердечко.

Переложив ложкой пудру назад, я поставил коробку на место, а газету сунул в печь. Потом вернулся в гостиную и включил настольную лампу. В ее ярком свете на обратной стороне сердечка даже без лупы можно было прочесть мелкую гравировку прописными буквами:

«Милдред от Эла. 28 июня 1938. С любовью».

Милдред от Эла. Милдред Хэвиленд от какого-то Эла. Милдред Хэвиленд — это Мьюриел Чесс. А Мьюриел Чесс погибла через две недели после того, как ее искал полицейский по имени Де Сото.

Я стоял с сердечком в руке и размышлял, имеет ли оно отношение к моим делам. Никаких идей в голову не приходило.

Я снова завернул находку, вышел из дома и поехал в поселок.

Паттон сидел в своей конторе и разговаривал по телефону. Дверь была заперта. Пришлось подождать, пока он кончит. Через некоторое время он положил трубку и открыл мне.

Я вошел, положил бумажный сверточек на стойку и развернул его.

— Зря вы внимательно не проверили сахарную пудру, — сказал я.

Паттон глянул на сердечко, на меня, прошел за стойку и вытащил из стола дешевую лупу. Изучив обратную сторону сердечка, он отложил лупу в сторону и нахмурился.

— Мне бы сообразить, что раз уж вы решили обыскать дом, то обыщите, — заворчал он. — Я с тобой еще намучаюсь, да, сынок?

— Вы просто не заметили, что концы цепочки не сходятся, — сказал я.

Паттон печально посмотрел на меня:

— Мне бы твои глаза, сынок.

Заскорузлым толстым пальцем он молча повозил сердечко по стойке.

— Вы, видно, думали, — сказал я, — что браслет мог дать Биллу повод для ревности. Я тоже так думал. Но теперь готов спорить, правда, лишь в долг, что он про него ничего не знал, да и имя Милдред Хэвиленд никогда не слышал.

— Придется принести этому Де Сото извинения, — выдал из себя Паттон.

— Если вы его когда-нибудь увидите.

Он снова посмотрел на меня пустыми глазами:

— Обожди, сынок. Насколько я понимаю, у тебя появилась совсем новая версия.

— Точно. Никого Билл не убивал.

— Нет?

— Нет. Мьюриел убил кто-то из прошлого. Кто-то, кто потерял ее след, потом нашел, выяснил, что она замужем за другим, и затаил злобу. Кто-то, кто знает эту местность и сообразил, где лучше спрятать машину с одеждой. Кстати, местность эту знают сотни людей, даже если они не живут здесь. И этот «кто-то» умеет скрывать ненависть. Он уговорил Мьюриел уехать с ним, а когда все было собрано и записка написана, задушил, утопил в озере и уехал. Ну как версия?

— Что ж, — заметил он рассудительно, — хотя все это малость осложняет дело, но ничего невероятного тут нет. Вполне правдоподобно.

— Когда эта версия вам надоест, дайте мне знать. Придумаю что-нибудь еще.

— За тобой не заржавеет, сынок, это уж точно! — сказал он и в первый раз за время нашего знакомства расхохотался.

Я попрощался и вышел, оставив его ворочать мозгами — ворочать с упорством, с каким переселенец выкорчевывает на своем участке пни.

Около одиннадцати я спустился с гор и поставил машину на диагонально расчерченной стоянке у гостиницы «Прескот» в Сан-Бернардино. Я вынул из багажника сумку, но не успел сделать и трех шагов, как ее подхватил коридорный в штанах с лампасами и светлой рубашке с бабочкой.

Дежурный администратор выделялся белым полотняным костюмом, похожей на яйцо головой и полным равнодушием ко всему на свете. Протянув мне самописку, он зевнул и уставился вдаль, словно решил вспомнить детство.

В большом лифте мы поднялись с коридорным на второй этаж и, поворот за поворотом, долго тащились куда-то в глубь здания. С каждым шагом становилось душнее. Наконец он открыл дверь в игрушечного размера комнату с одним окном, выходящим на вентиляционную шахту. Решетка кондиционера в углу потолка казалась не больше дамского носового платка, а привязанная к ней ленточка шевелилась как-то совсем вяло, скорее для виду.

Немолодой коридорный был высок, очень худ и холоден, как заливная рыба. Он поставил мою сумку на стул, бросил взгляд на решетку и, двигая челюстями, вперился в меня водянистыми глазами.

— Мне надо было требовать номер подороже, — сказал я. — Этот узковат в бедрах.

— Повезло, что нашелся хоть такой. Город от публики трещит по швам.

— Тогда принесите-ка нам имбирного пива, лед и стаканы.

— Нам?

— Если вы, конечно, не трезвенник.

— Ночью, пожалуй, рискнуть можно.

Он ушел. Я снял пиджак, галстук, рубашку, майку и попытался устроить хоть какой-то сквозняк. Воздух из раскрытой двери пахивал раскаленным железом. Боком мне еле удалось втиснуться в ванную комнату — такого она была размера — и побрызгать на себя тепловатой водой. Поэтому, когда долговязый дистрофик вполз в номер с подносом, дышалось чуть легче. Он закрыл дверь, и я вынул бутылку виски. Смешав напитки в двух бокалах, мы, неискренне улыбнувшись друг другу, глотнули. По спине у меня тут же прокатилась струйка пота — от самой шеи и до са-

мых носков, но почувствовал я себя лучше. Сев на кровать, я спросил:

— Сколько вы можете тут пробыть?

— А что надо делать?

— Вспоминать.

— У меня это плохо выходит.

— Я люблю тратить деньги на всякие глупости. — От заднего кармана брюк я отлепил бумажник и разложил по кровати утомленные на вид долларовые купюры.

— Вы, извините, не из полиции? — спросил он.

— Что за глупость! Где это вы видели, чтобы полицейский раскладывал пасьянс из своих собственных денег? Лучше называйте меня сыщиком.

— Тогда попробуем повспоминать, — сказал он. — От спиртного голова всегда работает лучше.

Я протянул ему купюру:

— А от этого? Кстати, можно вас называть каланчой из Хьюстона?

— Я из Амарилло. Хотя все это мелочи. А как вам мой техасский акцент? Меня самого от него тошнит, но публика клюет.

— Прекрасный акцент, — сказал я. — Но денег за это не ждите.

Он улыбнулся и засунул аккуратнo сложенный доллар в кармашек для часов.

— Что вы делали двенадцатого июня? В конце дня и вечером. Это была пятница.

Он задумался, потягивая из бокала и легонько потряхивая в нем лед.

— Работал, в смену от шести до двенадцати.

— До ночного поезда в Эль-Пасо здесь, видимо, коротала время стройная, хорошенькая блондинка. Я думаю, она уехала именно ночным, поскольку утром уже была в Эль-Пасо. Прибыла она сюда на «паккарде», зарегистрированном на имя Кристл Грейс Кингсли, Беверли-Хилс, улица Карсон-драйв, дом 965. Администратору она могла, правда, сообщить другое имя или вообще не оформляться. Машина до сих пор стоит у вас в гараже. Мне надо поговорить с ребятами, которые ее принимали и провожали. Знаете их? Это будет стоить доллар.

Я выбрал из своей выставки еще одну купюру, и она с мышинным шорохом скользнула в его кармашек.

— Сделаем, — сказал он хладнокровно и, поставив бокал, вышел. Я прикончил свой и налил еще. Потом отпра-

вился в ванную и опять побрызгал на себя водой. Когда я протискивался назад в комнату, зазвонил настенный телефон:

— Того, кто встречал, звали Санни, — сообщил голос с техасским акцентом. — Неделю назад его призвали в армию. А провожал ее Лас. Он здесь.

— Отлично. Присылайте ко мне.

Я уже допивал второй бокал и подумывал о третьем, когда в дверь постучали, и на пороге возник маленький зеленоглазый крысеныш с девичьим ртом.

Пританцовывая, он вошел в комнату и чуть презрительно уставился на меня.

— Выпьете?

— А как же, — сказал он ледяным тоном и, налив себе чуть не полный бокал, добавил туда каплю пива и проглотил одним махом. Потом вставил в узкие губки сигарету, чиркнул спичкой чуть ли не прямо в кармане и выпустил облако дыма. Продолжая смотреть на меня, он уголком глаза заметил на кровати деньги. Вместо номера на кармане его рубашки были вышиты слова: «Старший коридорный».

— Вы Лас? — спросил я.

— Нет. — Он помолчал. — Нам тут детективы ни к чему. Своих не держим и чужих не жалеем.

— Спасибо, — сказал я. — Свободны.

— Как это? — Ротик у него неприятно скривился.

— До свидания.

— Сами ведь хотели меня видеть, — ухмыльнулся он.

— Вы старший коридорный?

— Точно.

— Я просто хотел угостить вас виски. И подарить доллар. Держите. — Я протянул бумажку. — Спасибо, что пришли.

Без всякой благодарности он убрал доллар в карман и остался стоять, пуская дым носом и не отводя от меня настороженно-злых глазок.

— В этом заведении мое слово — закон, — сказал он.

— Для кого — закон, для кого и нет. Выпивку и доллар вы получили? Получили! А теперь отваливайте.

Он повернулся и, нервно дернув плечом, бесшумно выскользнул из номера.

Через четыре минуты снова раздался стук, очень тихий, и ухмыляясь вошел долговязый техасец. Я сел на кровать.

— Значит, Лас вам не понравился? — спросил он.

— Нет. А сам-то он доволен?

— Думаю, доволен. Вы же знаете этих «старших». От своей доли никогда не откажутся. Так что, мистер Марло, зовите Ласом меня.

— Вы сами оформляли блондинку?

— Нет, я вас дурачил. Она и не регистрировалась. Но «паккард» я помню. Она дала доллар, чтобы я отогнал машину в гараж и присмотрел до поезда за вещами. Она тут обедала. Доллар в нашем городке не забывается. А потом еще пошли разговоры, что машину долго не забирают.

— Как она выглядела?

— Одета была в черно-белое, больше белое, на голове — панاما, тоже с черно-белой лентой. Как вы и сказали — хорошенькая блондинка. На станцию поехала на такси. Я еще поднес ей сумки. На них были инициалы, но какие — не помню.

— И хорошо, что не помните, — сказал я. — А то я бы в вас засомневался. Налейте себе еще. Сколько лет вы бы ей дали?

Он сполоснул стакан и смешал себе нормальную, интеллигентную выпивку:

— В наши дни возраст женщины точно не определить. Что-нибудь около тридцати — чуть больше, чуть меньше.

Я вытащил из пиджака фото Кристл Кингсли и Лавери на пляже и протянул ему.

Он стал внимательно изучать карточку, отстранил от глаз, снова поднес ближе.

— Давать показания под присягой вам не придется, — успокоил его я.

— Я и не стану. — Он мотнул головой. — Эти маленькие блондинки все на один манер. Стоит переменить платье, освещение и косметику, как они становятся или очень похожими или очень непохожими.

Он разглядывал фото и мялся.

— Что-то тревожит? — спросил я.

— Я думаю про парня на карточке. Вас это интересует?

— В общем, интересует.

— Мне кажется, он разговаривал с ней в вестибюле, а потом они вместе обедали. Высокий, сложен, как боксер полутяжелого веса. И в такси вместе сели.

— Уверены?

Долговязый уставился на деньги на кровати.

— Ладно. Сколько с меня? — спросил я устало.

Он напрягся, положил фото, вытащил из кармашка оба доллара и бросил на кровать.

— Благодарю за выпивку и катитесь к черту, — сказал он и направился к двери.

— Сядьте и прекратите дуться, — рявкнул я. Он сел и холодно посмотрел на меня. Я продолжал: — Чертовы те-хаецы! Я имею дело с коридорными уже много лет. Накануне-то встретил такого, кто не морочит мне голову. Прекрасно. Но кто же сразу поверит, что ему вот так вот повезло.

Он медленно растянул губы в улыбке и быстро кивнул. Затем снова поднес карточку к глазам и посмотрел на меня поверх нее.

— Про даму сомневаюсь, а насчет этого пижона уверен, — сказал он. — Я его еще потому запомнил, что она была недовольна, когда он в открытую подошел к ней в вестибюле.

Я поразмыслял над сказанным и решил, что это ничего не значит. Лавери, наверное, опоздал или не явился на предыдущее свидание.

— Для недовольства у нее были причины, — сказал я. — А какие-нибудь украшения на ней не заметили? Кольца, серьги — любое, что бросалось бы в глаза.

Он не помнил.

— А волосы? Длинные, короткие, прямые, вьющиеся, в кудряшках, крашенные, натуральные...

— Последнее никогда не определишь, — засмеялся он. — Если волосы светлые, то им подавай еще светлее. Что до остального, то, насколько я помню, — прямые, длинные, как сейчас носят, и немного подвиты на концах. Но могу и ошибаться. — Он снова взглянул на фото: — Тут они зачесаны назад. Поди распознай.

— Все правильно, — сказал я. — Я спросил, чтобы узнать, не слишком ли вы наблюдательны. Тот, кто замечает чересчур много, такой же ненадежный свидетель, как и тот, кто не замечает ничего. Обязательно половину нафантазирует. А с вами все в порядке, если принять в расчет обстоятельства. Большое спасибо.

Я отдал ему назад два доллара и прибавил для компании еще пять. Он поблагодарил, допил свой коктейль и тихо ушел. Я глотнул тоже, еще раз обрызгался водой и решил, что лучше ехать домой, чем ночевать в этой дыре. Надев рубашку и пиджак, я спустился с сумкой вниз.

Из коридорных в вестибюле торчал только крысеныш.

Пока я нес сумку к стойке, он даже не шевельнулся, чтобы помочь. Яйцеголовый администратор, не поднимая глаз, отнял у меня еще два доллара.

— Два доллара за ночь в душном чулане! — посетовал я. — Тогда как в мусорном ящике я мог бы переночевать задаром.

Администратор зевнул, но тут до него дошло, что я сказал.

— Около трех утра становится прохладно. И до восьми, а то и до девяти можно жить, — бодро сказал он.

Я вытер платком шею и побрел к машине. Даже сиденье было горячим, и это в полночь! До дому я доехал без пятнадцати три. Голливуд показался мне холодильником. Даже в Пасадине было прохладно.

13

Мне снилось, что я плыву в глубине холодной зеленоватой воды с мертвой блондинкой в руках. Ее светлые волосы колышутся у меня перед лицом. Рядом, плотоядно скалясь, словно престарелая шлюха, ходит кругами огромная рыба с выпученными глазами, раздувшимся телом и тусклой от гнили чешуей. Когда меня уже стало распирать от удушья, труп вдруг ожил и вырвался из моих рук. Я начал драться с рыбиной, а труп все переворачивался и переворачивался, покачивая длинными волосами.

Я очнулся. В рот мне влез край простыни, руки крепко вцепились в изголовье. Я их разжал и опустил. Мускулы ныли от напряжения. Я закурил, походил по ковру босиком и, загасив сигарету, вернулся в постель.

Второй раз я проснулся в девять часов. На лицо мне падало солнце: В комнате стояла жара. Я забрался под душ, побрился, кое-что на себя нацепил и приготовил в кухне тосты, яйца и кофе. Когда я заканчивал завтрак, в дверь постучали.

С полным ртом я пошел ее открывать. На пороге стоял худощавый серьезный человек в строгом сером костюме.

— Лейтенант Флойд Грир, центральный уголовный розыск, — представился человек и, пройдя в комнату, протянул мне сухую ладонь.

Он уселся на самый край стула, как все они делают, и стал вертеть в руках шляпу, не сводя с меня пристального, как у всех у них, взгляда.

— Нам сообщили из Сан-Бернардино о происшествии на Оленьем озерце. Насколько я понимаю, вы оказались там, когда был обнаружен труп.

Я кивнул и спросил:

— Хотите кофе?

— Спасибо, два часа назад завтракал.

Я принес себе чашку и сел напротив.

— Они просили проверить ваше досье, — сказал он.

— Понятное дело.

— Мы проверили. С нашей точки зрения, все в порядке. Никаких грехов за вами нет. Видимо, простая случайность, что человек вашей профессии оказался на месте происшествия.

— Таким уж счастливымчиком я уродился, — сказал я.

— Вот я и решил забежать к вам, познакомиться.

— Ясно. Рад знакомству, лейтенант.

— Конечно, случайность, — повторил он, кивнув. — Вы туда ездили по делу?

— Если и по делу, — сказал я, — то оно, насколько я знаю, с утопленницей никак не связано.

— Но уверенности у вас нет?

— Какая может быть уверенность до тех пор, пока расследование не закончено?

— Конечно. — Он снова, словно застенчивый ковбой, принялся вертеть в руках шляпу. Но глаза его смотрели далеко не застенчиво. — Могу я положиться, что если какие-то важные связи все же раскроются, вы поставите нас в известность?

— Надеюсь, можете, — сказал я.

Он оттопырил языком нижнюю губу:

— Нам нужно больше, чем просто надежда. А в настоящее время вы могли бы что-то прояснить?

— В настоящее время я знаю столько же, сколько Паттон.

— Кто это?

— Начальник полиции в Пумьей Вершине.

Худошавый серьезный лейтенант терпеливо улыбнулся и хрустнул пальцем.

— Перед дознанием окружной прокурор из Сан-Бернардино захочет с вами побеседовать, — сказал он. — Но это еще не скоро. Пока что они стараются снять отпечатки пальцев. Мы на помощь послали специалиста.

— Будет нелегко. Тело долго находилось в воде.

— Сейчас это не проблема. В Нью-Йорке много утоп-

ленников, и там разработали метод. Срезают кожу с подушечек и закрепляют в дубильном растворе. Как правило, отпечатки получаются.

— Думаете, у погибшей какое-то уголовное прошлое?

— Мы всегда снимаем у трупов отпечатки, — сказал он. — Вам-то уж должно быть это известно.

— Кстати, я не был знаком с этой женщиной и ездил туда не из-за нее. Можете мне поверить.

— Но вы ведь не хотите объяснить, зачем ездили, — настаивал он.

— Зря вы считаете, что я что-то скрываю.

Он повертел шляпу на костистом пальце:

— Вы меня не так поняли, мистер Марло. Ничего мы не считаем. Мы просто ведем следствие, ищем. Я задаю обычные вопросы. Вы давно работаете по этой части и должны бы знать. — Он поднялся и надел шляпу. — Если понадобится уехать из города, поставьте меня в известность. Буду очень признателен.

Я пообещал и проводил его до двери. Наклонив голову и одарив меня грустной полуулыбкой, он вышел, не спеша добрал до лифта и нажал кнопку.

Я вернулся на кухню глянуть, не осталось ли кофе. Набралось две трети чашки. Я добавил сахара, сливок и с кофе в руке направился к телефону. Набрав номер полицейского управления, я попросил соединить меня с уголовным отделом, а потом с лейтенантом Флойдом Гриром.

— Лейтенанта Грира сейчас нет на месте, — ответил голос. — Кто-нибудь может его заменить?

— Де Сото там?

— Кто-кто?

Я повторил имя.

— Из какого отдела и какое звание?

— Один из агентов.

— Не бросайте трубку.

Я подождал. Наконец тот же скрипучий голос сказал:

— Что за шуточки? Де Сото в штате не числится. Кто на проводе?

Я положил трубку, допил кофе и позвонил в контору Кингсли. Мисс Фромсет вежливо ответила, что он только что пришел, и без звука соединила меня.

— Ну? — спросил Кингсли. Его голос в начале рабочего дня звучал бодро и напористо. — В гостинице что-нибудь узнали?

— Она туда заезжала. И встречал ее Лавери. Коридор-

ный, которого я расспрашивал, упомянул его сам, без всяких моих подсказок. Они пообедали и вместе поехали на станцию.

— Я мог бы и сообразить, что он врет, — медленно произнес Кингсли. — Но мне показалось, что он удивился, когда я сказал о телеграмме из Эль-Пасо. На этот раз интуиция подвела. Есть что-нибудь еще?

— В Сан-Бернардино нет. Только что приходил полицейский — обычные вопросы и предупреждения не покидать город. Пытался выяснить, зачем я ездил в Пумью Вершину. Я не сказал и, судя по тому, что Джим Паттон ему неизвестен, тот тоже о вас не проговорился.

— Джим чертовски порядочный человек, — сказал Кингсли. — Да, к чему вы спрашивали вчера о какой-то Милдред... как там дальше? Фамилию не помню.

Я коротко рассказал ему всю историю, а заодно сообщил о том, где нашлась машина Мьюриел с вещами.

— Дела Билла плохи, — сказал он. — Я бывал на Енотовом озере, но дровяной сарай мне бы и в голову не пришел... я вообще про него не знаю. Похоже на преднамеренное убийство.

— Да нет, не обязательно преднамеренное. Билл хорошо знал местность, и ему ничего не стоило прямо на ходу сообразить, где чего спрятать. Да и расстояние играло роль. С его ногой далеко не поедешь.

— Может быть. Что вы собираетесь делать дальше?

— Снова навещу Лавери.

Он согласился, что это логично, и добавил:

— А эта... ну, погибшая... к нашему делу никакого отношения не имеет?

— Ваша жена могла кое-что про нее знать. Тогда полицию это заинтересует.

— Послушайте, Марло, — голос зазвучал резко. — Я могу понять склонность сыщика связывать все происходящее в один тугой узел. Но все же не давайте этой склонности воли. Жизнь, как я ее понимаю, совсем не такая. Поэтому оставьте полицию семью Чесса, а сами сосредоточьтесь на семье Кингсли.

— Хорошо, — сказал я.

— Не подумайте только, что я хочу вам навязывать...

Я от души рассмеялся и повесил трубку. Потом оделся, сходил в гараж за «крайслером» и поехал в Бей-Сити.

Миновав перекресток у поворота на Альтаир-стрит, я доехал до площадки с полукруглой стоянкой у самого края каньона и белыми деревянными перилами над обрывом. Не вылезая из машины, я сидел, любуясь видами океана, серо-голубыми склонами предгорий, и думал. Я хотел решить, как лучше вести себя с Лавери: говорить мягко или резко, махать оливковой ветвью или кулаками. Пришел к выводу, что лучше попробовать мягкий подход. Если же я не добьюсь результатов — а скорее всего, не добьюсь, — тогда пусть берет свое природа и страдает мебель.

На той стороне каньона по склону вилась безлюдная мощеная улочка. Чуть ниже, на следующей улице, двое парнишек кидали бумеранг и, пихаясь локтями, переругиваясь, бегали за ним. Еще ниже, за красной кирпичной стеной, стоял среди деревьев дом. На заднем дворе сушилось на веревке белье, а по крыше, покачивая головками, ходили два голубя. Мимо дома прогромыхал голубой с коричневым автобус. Когда он остановился, из него осторожно вылез старик, утвердился на земле и, постукивая тяжелой тростью, потащился по склону вверх.

Воздух был еще прозрачнее, чем вчера. Вся округа нежилась в утреннем покое. Я оставил машину и пошел на Альтаир-стрит к дому 623.

Окна на улицу плотно прикрывали жалюзи. Дом, казалось, спит. Я спустился по тропинке с корейским мхом и, уже надавив на звонок, заметил, что дверь чуть отходит. Она осела, как оседают все двери в наших местах, и язычок замка оказался чуть ниже прорези. Мне вспомнилось, что ее заедало еще вчера, когда я уходил.

Я слегка нажал, и она с легким щелчком подалась. Комната была во тьме, только из окон на западе пробивался тусклый свет. Никто на звонок не ответил, а еще раз звонить мне не хотелось. Я распахнул дверь чуть шире и вошел.

От комнаты веяло теплой тишиной закрытого, несмотря на позднее утро, помещения. На круглом столике у дивана стояли два грязных бокала, полупустой сифон и почти совсем пустая бутылка «Ват 69». Рядом ждала своей очереди полная. На дне медного ведерка для льда поблескивала талая вода.

Я прикрыл за собой дверь и прислушался. Если хозяина нет, можно рискнуть сделать обыск. Ничего особо инкри-

минирующего на Лавери у меня не было, но тем не менее он вряд ли станет звонить в полицию.

Время тянулось в тишине под стрекот электрических часов на каминной доске, под отдаленные гудки автомобильных клаксонов на Астер-драйв, под басистое жужжание аэроплана над склонами за каньоном и урчание внезапно включившегося на кухне холодильника.

Я прошел в комнату, осмотрелся и снова прислушался — ничего, кроме тех же мирных домашних звуков, даже не намекающих на присутствие человека. Я направился по ковру к сводчатому проходу в конце.

На белых металлических перилах ведущей вниз лестницы внезапно появилась рука в перчатке. Появилась, замерла, снова потянулась вверх. Затем показалась шляпка, наконец — лицо. По лестнице медленно поднималась женщина. Она поднялась и, все еще, видимо, не замечая меня, повернула под арку в комнату. Тоненькая дама неопределенного возраста, с неопрятными волосами, испачканным яркой помадой ртом и толстым слоем румян на щеках. Голубой твидовый костюм совершенно не шел к ее лиловой шляпке, которая сбилась набок и прикрывала глаза.

Увидев меня, она не остановилась, даже не моргнула глазом, а медленно пошла к центру комнаты, выставив вперед правую руку. Как и левая рука, которую я видел на перилах, правая тоже была в коричневой перчатке, только с одним отличием — пальцы сжимали рукоятку небольшого пистолета.

Дама наконец остановилась, чуть качнулась назад, и с ее губ сорвался стон. Потом вдруг хихикнула, тонко, нервно, и, не опуская пистолета, снова двинулась вперед.

Я стоял как вкопанный, не спуская с оружия глаз.

Теперь она подошла достаточно близко для доверительного разговора и, направив дуло мне в живот, сказала:

— Хотела получить с него квартирную плату. Дом, кстати, содержится в порядке. Ничего не сломано. Нет, он всегда казался мне человеком аккуратным и надежным. Вот только задержал оплату.

— И много задолжал? — довольно вежливо спросил я, но голос у меня был срывающимся и жалким.

— За три месяца. Двести сорок долларов. Восемьдесят в месяц — не так уж и много за хорошо обставленный дом. Он и раньше, бывало, задерживал, но в конце концов отдавал. И сегодня утром обещал. По телефону. Я имею в виду, обещал отдать деньги.

— По телефону, — повторил я. — Сегодня утром.

Я незаметно передвинул ноги. Мне пришло в голову подвинуться ближе, отбить руку с пистолетом в сторону и схватить даму, пока она не успеет снова прицелиться. Этот прием мне никогда особенно не удавался, но надо же время от времени тренироваться. Сейчас время как раз настало.

Я умудрился приблизиться дюймов на шесть, но дама была все еще далековато.

— Вы хозяйка этого дома? — спросил я, не глядя на пистолет. Во мне теплилась слабая, очень слабая надежда, что она целится в меня неосознанно.

— Конечно. А кто же еще? Меня зовут миссис Фолбрук.

— Я так и подумал, что вы хозяйка, — сказал я. — Кто еще стал бы говорить об оплате. Но вот вашего имени я не знал.

Еще восемь дюймов. Отличная работа! Жаль, если она пойдет коту под хвост.

— А можно узнать, кто вы? — спросила она.

— Я тут по поводу платы за машину, — сказал я. — Дверь была чуть приоткрыта, вот и вошел. Зачем — сам не знаю.

Я скорчил физиономию, какая, по моему мнению, должна быть у агента кредитной фирмы, собирающего взносы, — чуть жестковатую, но всегда готовую расплыться в улыбке.

— Мистер Лавери вам тоже задолжал? — встревоженно спросила она.

— Слегка. Самую малость, — успокоил я ее.

Я был уже готов к броску. Расстояние до нее теперь нормальное. Нужна лишь скорость. Быстро, резко сделать шаг вбок и, отбив руку с пистолетом в сторону... Я оторвал ногу от ковра...

— А знаете, — сказала она, — странно получилось с этим пистолетом. Нашла его на лестнице. Гадость, весь в масле. А дорожка на лестнице из серой шенили. Обошлась в копейку.

И она протянула мне пистолет.

Моя рука, онемевшая от напряжения, какая-то вся ломкая, приняла дар. Ноги расслабились. А дама тем временем с отвращением понюхала перчатку и продолжала с той же шизофреничной рассудительностью:

— Вам проще. Я имею в виду машины. Если что не

так, всегда можно забрать. А вот дом с хорошей мебелью забрать труднее. Чтобы выселить жильцов, нужно время и деньги. К тому же они обижаются, иногда даже специально начинают портить вещи. К примеру, этот ковер на полу стоил в комиссионке больше двухсот долларов. Он, правда, всего лишь джутовый, но зато какой цвет. Правда? Ни за что не скажешь, что он джутовый и подержанный. Хотя почему подержанный? Глупо. Они все подержанные, если хоть раз полежали на полу. Знаете, я пришла сюда пешком — берегу шины для правительства. Могла бы, конечно, подъехать часть пути на автобусе, но эти автобусы то не ходят, то идут в другую сторону.

Я почти не слушал, что она говорит. Ее речь накатывала и откатывала, как невидимый за мысом прибор. Меня интересовал только пистолет.

Я вынул обойму. Пусто. Заглянул в казенник. Тоже пусто. Понюхал дуло. От него так и несло пороховой гарью.

Я опустил пистолет в карман. Шестизарядный, автоматический пистолет двадцать пятого калибра, из которого недавно выпустили всю обойму. Около получаса назад, даже больше.

— Из него что, стреляли? — любезно осведомилась миссис Фолбрук.

— А почему вы думаете, что стреляли? — спросил я. Мой голос звучал ровно, но сердце все еще скакало.

— Нет, он просто валялся на лестнице, — сказала она. — Но ведь из этих штук иногда стреляют.

— Верно, стреляют. Видимо, у мистера Лавери дыра в кармане. Он, кстати, дома?

— К сожалению, нет. — Она разочарованно потрясла головой. — Обманщик. Обещал отдать деньги, я тащила сюда пешком, а...

— Когда вы ему звонили? — спросил я.

— Еще вчера вечером. — Она нахмурилась. Видимо, ей не нравилось количество вопросов.

— Его, наверное, куда-нибудь вызвали, — сказал я.

Она уставилась в какую-то точку у меня на лбу.

— Послушайте, миссис Фолбрук, — сказал я. — Давайте не будем морочить друг другу голову, хотя я это дело и обожаю. Простите за вопрос. Вы, случаем, не пристрелили его из-за трехмесячной задолженности?

Она медленно опустилась на край стула и провела кончиком языка по ярко вымазанным губам.

— До чего гнусные подозрения, — раздраженно бросила

она. — Какой вы все же несимпатичный человек. Сами же сказали, что из пистолета не стреляли.

— Из всех пистолетов когда-нибудь да стреляют. И все пистолеты когда-нибудь заряжают. Но этот сейчас пуст.

— Ну, так... — Она нетерпеливо махнула рукой и снова понюхала перчатку.

— Извините меня за глупый домысел. Пошутил. Просто мистера Лавери не было дома, и вы осмотрели помещение. А поскольку вы хозяйка, у вас есть свой ключ. Верно?

— Мне не хотелось заходить без спросу, — сказала она, покусывая палец. — Наверное, и не надо было. Но я ведь имею право знать, все ли тут в порядке.

— Ну и узнали. А вы точно уверены, что его нет дома?

— В холодильник и под кровати я не заглядывала, — холодно ответила она. — Когда он не ответил на звонок, я покричала с лестницы. Потом спустилась вниз и еще раз крикнула там. Даже в спальню заглянула. — Она застенчиво опустила глаза и сжала рукой колено.

— Значит, та-ак, — протянул я.

— Да-да, именно так, — бодро подхватила она. — Как, вы сказали, вас зовут?

— Вэнс, — сказал я. — Фило Вэнс.

— И на какую фирму вы работаете, мистер Вэнс?

— Сейчас я не работаю, — сказал я. — Жду, пока полицейскому управлению снова понадобится помощь.

Она вроде бы встревожилась:

— Но вы же сказали, что пришли получить деньги за машину.

— Это у меня левая работа, — сказал я. — Временная.

Она встала и твердо посмотрела на меня. Голос ее стал ледяным:

— В таком случае, прошу вас оставить дом.

— Если не возражаете, я его сначала осмотрю. Вдруг вы что-то упустили.

— Такой необходимости нет, мистер Вэнс, — заявила она. — Это мой дом. Прошу вас его немедленно покинуть.

— А если не покину, вы позовете на помощь? Садитесь, миссис Фолбрук. Я быстро. Этот пистолет вызывает подозрения.

— Я же сказала, что нашла его на лестнице, — сказала она сердито, — больше я ничего не знаю. Я... я вообще ничего в них не смыслю. За всю жизнь не сделала ни выстрела.

Она открыла большую синюю сумку, вынула платочек и приложила к носу.

— А с какой стати я должен верить вашим словам? — спросил я.

Она трогательно воздела в мою сторону левую руку, словно проштрафившаяся жена из мелодрамы, и воскликнула:

— Не надо было мне сюда заходить. Ужасная глупость! Мистер Лавери будет возмущен.

— Не надо было допускать, чтобы я увидел пустую обложку, — сказал я. — Тогда бы все обошлось.

Она топнула ногой. Для полноты образа только этого жеста и не хватало. Теперь сцена выглядела идеально.

— Гадкий, гадкий человек! — заверещала она. — Не смейте ко мне прикасаться! Ни на шаг не подходите. Какое право вы имеете меня оскорблять...

Миссис Фолбрук резко, словно перерезая натянутую резинку, оборвала монолог, опустила голову в этой своей лиловой шляпке и кинулась к выходу. Пробегая мимо меня, она, защищаясь, вытянула руку, хотя я стоял в стороне и не двигался с места. Потом распахнула дверь и выскочила на тропинку к улице. Дверь медленно закрылась, и до меня донеслись быстрые шаги.

Я провел ногтем по зубам, щелкнул себя по подбородку и прислушался. Тишина. Итак, шестизарядный пистолет с пустым патронником.

— Что-то здесь не так, — сказал я громко.

Дом казался подозрительно спокойным. Я прошел по персиковому ковру под свод к лестнице. Снова прислушался, пожал плечами и стал осторожно спускаться.

15

В нижнем холле я увидел две двери по краям и две посередине. Одна из средних оказалась дверью бельевого шкафа, другая была заперта. Я направился в дальний конец и заглянул в запасную спальню — жалюзи на окнах были плотно закрыты, здесь уже давно не жили. В спальне на противоположной стороне холла была широкая кровать, светлая мебель, ковер цвета кофе с молоком, квадратное зеркало над туалетным столиком, и над ним — длинная лампа дневного света. В углу на

столе с зеркальной столешницей стояла хрустальная собака и шкатулка с сигаретами, тоже хрустальная.

По туалетному столику была рассыпана пудра. На корзинке для мусора висело полотенце с мазком темно-красной помады. Две подушки в изголовье кровати еще хранили вмятины от голов, и из-под одной торчал кончик женского носового платочка. В ногах валялась абсолютно черная ночная рубашка. Резко пахло сандалом.

Интересно, что подумала обо всем этом миссис Фолбрук.

Я повернулся и посмотрел на себя в большое зеркало на двери гардероба. Дверь эта была белой, с хрустальной шарообразной ручкой. Я открыл ее носовым платком и заглянул. Внутри была фанеровка из кедра, приятно, по-дружески паховало твидом и висело много мужской одежды. Но не только мужской.

Я обнаружил там женский костюм, черный с белым, где преобладал белый, на верхней полке увидел панаму с черно-белой крученой лентой, а внизу — черно-белые туфли. Были там и еще какие-то тряпки, но больше я не присматривался.

Я закрыл гардероб и покинул спальню, держа наготове платок для следующих ручек.

Запертая дверь рядом с бельевым шкафом явно вела в ванную комнату. Я подергал ее, но безрезультатно. Наклонившись, я увидел в центре ручки узкую прорезь и понял устройство — дверь закрывалась щеколдой изнутри, а прорезь извне предназначалась для ключа без бородок — на случай, если кому-то в ванной станет плохо или там закроется капризный ребенок.

Такой ключ обычно держат на верхней полке бельевого шкафа, но сейчас его там не было. Я попытался всунуть в прорезь лезвие перочинного ножа, но оно оказалось широкатым. Тогда я вернулся в спальню и взял с туалетного столика пилку для ногтей. Пилка подошла, и дверь открылась.

На раскрашенной бельевой корзине валялась мужская пижама песочного цвета, рядом на полу — тапочки без задников. На раковине лежала безопасная бритва и тубик крема для бритья с открученным колпачком. Окно было закрыто, в воздухе стоял специфический острый запах, который ни с чем не спутаешь.

На желто-зеленых плитках пола отсвечивали медью три пистолетные гильзы, а в матовом стекле зияла аккуратная

дырочка. Слева над окном я заметил в штукатурке под краской еще два отверстия от пуль. Душ был закрыт белой с зеленым занавеской из прорезиненного шелка на хромированных кольцах. Я раздвинул ее, и кольца непристойно громко зацарапали по палке.

Когда я всунул за занавеску голову, волосы у меня встали дыбом. Конечно, он был тут — а где же еще? Съежился в углу под двумя поблескивающими кранами, а из хромированного душа на него тихо лила вода.

Колени у Лавери были подтянуты кверху, но как-то расслабленно. На голой груди рядом с сердцем синели две смертельные дырочки. Кровь, по всей видимости, смыло водой.

В глазах его застыл какой-то странный, радостно-жадущий взгляд, словно он учуял запах кофе и уже предвкушал завтрак.

Чистая работа! Вы только что побрились, сняли пижаму и, склонившись за занавес, решили отрегулировать температуру воды. И тут дверь ванной открывается и кто-то входит. Этот «кто-то» — женщина. В руке у нее пистолет. Вы смотрите на дуло, а она уже спускает курок.

Первые три пули проходят мимо. Невероятно, но с такого близкого расстояния она все же умудрилась промазать. Видимо, и такое бывает. Откуда мне знать.

Деться вам некуда. Если вы из особого теста, то можете рискнуть и броситься на женщину. Но Лавери ведь колдовал с кранами и был захвачен врасплох. К тому же он обычный человек, его охватывает паника. А дальше душа деться некуда.

И вот он заскакивает под душ, но тут же упирается в кафельную стену, прижимается спиной к этой последней в его жизни опоре. Конец пространства и конец жизни. Грохочут еще два, может быть три, выстрела, и он сползает по стене на пол, и глаза у него уже не испуганные. Они просто пустые, как у всех покойников.

Женщина протягивает руку, выключает душ, потом фиксирует шеколду и уходя, бросает пистолет на лестнице. Чего о нем заботиться?! Это ведь, скорей всего, его собственный пистолет.

Так оно все и было. А как же еще? Я наклонился и пощупал руку Лавери. Она была твердая и холодная как лед. Я вышел из ванной и, чтобы не создавать лишние трудности для полиции, оставил дверь открытой.

Вернувшись в спальню, я вытащил из-под подушки

платочек — тонкий лоскутик с красным зубчатым кружевом по краям и такого же красного цвета инициалами в уголке: «А. Ф.»

— Адриана Фромсет, — сказал я и засмеялся. Смех получился мерзкий.

Я помахал платочком, чтобы хоть немного сбить запах, завернул его и сунул в карман. Потом поднялся наверх и покопался в столе у стены гостиной. Никаких интересных писем, телефонов или пикантных брачных свидетельств там не было. А если и были, я их не нашел.

На глаза мне попался телефон. Он стоял на маленькой тумбочке у камина. Шнур у него был длинный, чтобы мистер Лавери мог спокойно полеживать на диване — сигарета в белых зубах, высокий бокал на столике рядом — и неспешно, в свое удовольствие болтать с очередной подружкой. Эдак легко, шутливо, кокетливо, не особенно тонко, но и не совсем уж пошло.

Теперь и этому конец. Я отошел от телефона к выходу, убрал язычок замка на предохранитель, чтобы можно было при нужде войти, и, чуть приподняв дверь, нажал на нее, чтобы плотно закрыть. Потом поднялся тропинкой на улицу и остановился на солнце, глядя на дом доктора Олмора.

Никто не поднимал крика и не выскакивал из-за дверей. Никто не свистел в полицейские свистки. Вокруг было светло, тихо, покойно. А с чего поднимать панику? Просто Марло обнаружил еще один труп. У него это лихо получается. Скоро ему дадут кличку «Марло — По Трупу В День». И куда бы он ни шел, будут катить за ним передвижной морг.

Такой вот он милый, по-своему интересный человек.

Я пошел к перекрестку, сел в машину, завел ее, развернулся и уехал.

16

Служитель спортивного клуба вернулся через три минуты и кивком пригласил меня следовать за ним. Мы поднялись лифтом на четвертый этаж, завернули за угол и оказались у приоткрытой двери.

— Налево, сэр. И, пожалуйста, потише. Некоторые члены клуба отдыхают.

Я вошел в библиотеку. За стеклом виднелись книги, на длинном столе в центре лежали журналы, на стене висел

подсвеченный портрет основателя. Но люди здесь не читали, а в основном спали. Книжные шкафы поперек разгоразживали комнату на небольшие альковы, где стояли удобные мягкие кресла с высокими спинками, а в креслах мирно посапывали аденоидными носами старикашки с багровыми от гипертонии лицами.

Переступая через раскинутые ноги, я пошел налево. Дерас Кингсли сидел в дальнем углу, в последней нише. Спинками к комнате там были поставлены бок о бок два кресла, и над одним из них торчала его крупная темная голова. Я скользнул в свободное кресло и кивнул.

— Говорите потише, — сказал он. — Здесь в послеобеденное время спят. Ну, что случилось? Я нанял вас оберегать меня от неприятностей, а не доставлять новые. Пришлось отложить важную встречу.

— Понимаю, — сказал я и наклонился к нему. От него приятно пахло виски. — Она его застрелила.

Брови у Кингсли подпрыгнули, а на скулах заиграли желваки. Он тихо выдохнул и сжал большой рукой колено.

— Дальше, — голос его звучал тонко, по-ребячьи.

Я оглянулся через спинку кресла. Ближайший к нам старикан видел десятый сон, и волосы у него в носу колыхались в такт дыханию.

— На звонок у Лавери никто не ответил, — продолжал я. — Дверь была не заперта. Я еще вчера заметил, что у косяка ее заедает. Открыл. В комнате сумрак. На столике два грязных бокала. Полная тишина. Вдруг по лестнице поднимается женщина — худенькая, темная, в перчатках и с пистолетом. Назвалась миссис Фолбрук, хозяйкой. Объяснила, что пришла получить долг за три месяца. У нее свой ключ, она решила посмотреть, все ли в порядке, а пистолет нашла на лестнице. Я его забрал. Из него недавно стреляли, но я ей об этом ни слова. Она сказала, что Лавери дома нет. Я избавился от нее — разозлил так, что она пулей выскочила на улицу. Может вызвать полицию, но, скорей всего, забегается и все забудет — кроме платы за дом, конечно.

Я умолк. Кингсли сидел, повернув ко мне голову. Челюсти у него были плотно сжаты. Глаза казались большими.

— Потом я спустился вниз. Там явно ночевала женщина. Ночная рубашка, пудра, духи и прочее. Ванная заперта, но дверь удалось открыть. На полу — три гильзы. Две пули ушли в стену, одна в окно. Лавери я обнаружил в душе, голого и мертвого.

— Господи! — прошептал Кингсли. — Вы хотите сказать, что у него была женщина, а утром она пристрелила его в ванной?

— Именно так.

— Потише, — простонал он. — Ну и дела! А почему именно в ванной?

— Вы тоже потише, — сказал я. — А почему бы не в ванной? Назовите место, где человека легче застигнуть врасплох.

— А вы точно знаете, что стреляла женщина? Вы уверены?

— Нет, — сказал я. — Тут ваша правда. Его мог застрелить любой. Достаточно взять маленький пистолет и специально стрелять мимо, чтобы походило на женскую работу. Ванная расположена вниз по склону, окнами на каньон, и выстрелов, скорей всего, никто не слышал. А женщина, скажем, уже ушла, или ее вообще не было — тряпки раскидать недолго. К примеру, его могли убить вы сами.

— Мне-то зачем? — почти заблеял он, крепко сжав руками колени. — Я же не дикарь.

Спорить с таким заявлением не имело смысла.

— У вашей жены есть пистолет?

Он повернул ко мне осунувшееся, несчастное лицо и глухо спросил:

— Господи, вы что, серьезно?

— Так есть или нет?

— Да, есть... маленький... автоматический. — Слова вырывались из горла толчками, со скрипом.

— Вы купили его в наших краях?

— Я... я не покупал. Отобрал у одного пьянчуги на вечеринке в Сан-Франциско. Он им размахивал — считал, что это очень смешно. А назад я ему пистолет не вернул. — Кингсли так крепко сжал ладонью челюсть, что побелели пальцы. — Он был в стельку и, наверное, даже не помнит, где и как его потерял.

— Ловко получается, — сказал я. — А вы бы этот пистолет узнали?

Выпятив челюсть и прикрыв глаза, он задумался. Я снова глянул назад через спинку кресла. Один из престарелых спортсменов так всхрипнул, что чуть не слетел с кресла. Потом он кашлянул. Потом тонкой, усохшей рукой почесал нос, вытащил из кармашка золотые часы, пошурился на циферблат и, убрав их, заснул снова.

Я вынул из кармана пистолет и положил Кингсли на

ладонь. Он с жалким видом уставился на него.

— Не знаю, — выдавил он. — Вроде бы, похож. Но я не уверен.

— Там сбоку выбит номер.

— Кто их запоминает, эти номера?

— Хорошо, что не помните, — сказал я. — А то я бы забеспокоился.

Пальцы Кингсли сжались вокруг пистолета, и он положил его на кресло рядом с собой.

— Грязный подонок, — тихо ругнулся Кингсли. — Он ее к этому вынудил.

— Что-то я не понял, — сказал я. — Сами вы не могли его застрелить потому, что не дикарь. А она, значит, могла?

— Это не одно и то же, — огрызнулся он. — Женщины импульсивнее мужчин.

— А кошки импульсивнее собак.

— Как это?

— А так, что некоторые женщины могут быть импульсивнее некоторых мужчин. И не больше. Если хотите обвинить в убийстве жену, нужны более веские основания.

Он повернулся и угрюмо посмотрел мне в глаза. Уголки губ у него поползли вниз и побелели.

— Сейчас не до шуток, — сказал он. — Пистолет не должен попасть в полицию. У Кристл было на него разрешение. Он зарегистрирован. Так что, в отличие от меня, они знают номер.

— Ну, а миссис Фолбрук знает, что пистолет взял я.

Он упрямо затряс головой:

— Надо рискнуть. Я понимаю, что вы играете с огнем, и готов на компенсацию. Если бы хоть какая зацепка, что тут самоубийство, я бы сам попросил вас отнести его назад. Но, судя по рассказу, самоубийством даже не пахнет.

— Не пахнет. В самого себя три раза не промахнешься. Нет, я не могу покрывать убийство даже за вознаграждение в десять долларов. Пистолет придется положить на место.

— Я имел в виду куда бóльшую сумму, — тихо продолжал он. — Скажем, пятьсот долларов.

— И что вы хотите за эти деньги?

Он склонился ко мне ближе. Глаза у него были серьезные, мрачные, но не жесткие.

— Что еще, кроме пистолета, указывает в доме Лавери на Кристл?

— Белый с черным костюм и панама. Их описал коридорный в Сан-Бернардино. Найдется и множество других улик, о которых мне неизвестно. И наверняка там будут отпечатки пальцев. Вы говорите, что их у нее не брали, но полиция отыщет — в спальне вашего дома, в коттедже на Оленьем озере, в машине, наконец.

— Машину надо забрать и... — начал он, но я его прервал:

— Не поможет. Слишком много других мест, где есть эти отпечатки. А какие духи она любит?

Он на секунду опешил.

— А... духи? Наши. «Жемчужину Гиллерлейнов. Королеву благовоний». Иногда пользуется «Шанелью».

— А ваши какие?

— С запахом сандала.

— Комната Лавери ими провоняла, — сказал я. — И запах, по-моему, очень дешевый. Правда, я не специалист.

— Дешевый?! — взвился он. — Господи! Мы берем тридцать долларов за унцию.

— А пахнут, будто три доллара за галлон.

Он ударил ладонями в колени и помотал головой.

— Я вам предлагаю деньги. Пять сотен. Чек выпишу тут же.

Я подождал, пока его слова, крутясь как перышки, упадут на пол. Один из старикашек за нашими спинами поднялся и, спотыкаясь, побрел из комнаты.

— Я вас нанял, чтобы вы оградили меня от скандала и, если понадобится, защитили жену. Не по вашей вине, конечно, но скандала уже не избежать. Разговор теперь идет о голове Кристл. Я не верю, что она застрелила Лавери. У меня есть на то основания. Просто убежден. Пусть она ночевала в доме, да и пистолет, возможно, принадлежит ей. Но это ничего не доказывает. Кристл — распустиха и оставляет вещи где попало. Пистолет мог украсть кто угодно.

— Попробуйте доказать это полицейским из Бей-Сити. Если тот, с которым я познакомился, типичный, то они ухватятся за первую же девицу, которая бросится им в глаза, и начнут размахивать дубинками. А первой, когда они осмотрят дом, в глаза им бросится ваша жена.

Он крепко сжал ладони. Его горе казалось несколько наигранным, но именно так нередко и выглядит неподдельное горе.

— Кое в чем я с вами согласен, — сказал я. — Слишком

уж там много на нее улики. Она оставляет одежду, в которой ее видели и которую, возможно, смогут опознать. Оставляет на лестнице пистолет. Трудно вообразить подобную дурость.

— И на том спасибо, — устало сказал Кингсли.

— И все же мои слова ничего не значат, — продолжал я. — Мы сейчас мыслим логически, а люди, совершающие преступления по страсти или ненависти, просто совершают их и уходят. Насколько я понял, женщина она глупая и безрассудная. А в доме Лавери нет даже намека на преднамеренное убийство. Наоборот, все указывает на отсутствие замысла. Но и не будь там этих ее вещей, полиция все равно быстро установит ее связь с Лавери. Стоит им покопаться в его прошлом, в его друзьях и женщинах, как они обязательно выйдут на нее. А когда выйдут, то сразу узнают, что месяц назад она исчезла, и с ликованием потрут свои натруженные руки. И, само собой, выяснят, чей это пистолет, и если он...

Его рука цапнула пистолет с кресла.

— Не пойдет, — сказал я. — Они его получат. Возможно, Марло ужас до чего ловкий, и от души вас жалеет, но скрывать важнейшую улику... пистолет, которым совершено убийство... Нет уж! Однако расследование я буду вести, не упуская из виду, что если ваша жена и наиболее очевидная из подозреваемых, то очевидность эта может оказаться подстроеной.

Кингсли застонал и протянул мне пистолет на ладони. Я было его убрал, но тут же вынул снова:

— Одолжите-ка ваш носовой платок. Меня, вероятно, обыщут, и свой я трогать не хочу.

Он дал мне накрахмаленный белый платок, я тщательно обтер им пистолет и бросил в карман.

— Мои отпечатки не имеют значения, — сказал я, возвращая ему платок. — Но ваших там быть не должно. И единственное, что мне остается, — это поехать с пистолетом назад и вызвать полицию. А дальше — будь что будет. Объяснений, как и для чего я оказался в доме, все равно не избежать. В худшем случае они вашу жену найдут и докажут ее вину. В лучшем, они ее найдут — кстати, куда быстрее, чем я, — и дадут мне попробовать доказать ее невиновность. Иными словами, доказать, что Лавери убит кем-то другим. Вас это устраивает?

Он медленно кивнул:

— Да... и награда в пятьсот долларов остается. За доказательство, что убийца не она.

— Не думаю, что сумею их заработать. Вы сами понимаете ситуацию. Кстати, мисс Фромсет хорошо знала Лавери? Я говорю не о работе.

Лицо его окаменело, а руки на коленях сжались в кулаки. Однако никакого ответа не последовало.

— Когда я брал у нее вчера утром адрес, она вела себя несколько странно.

Он шумно выдохнул.

— Такое впечатление, что у нее остался неприятный привкус, — добавил я. — Какой бывает после несчастной любви. Я не ошибся?

Кингсли втянул носом воздух, и ноздри его затрепетали. Но он почти сразу расслабился.

— Одно время они... они были довольно близки, — сказал он. — Девушка она самостоятельная, делает что хочет, а Лавери очень привлекал женщин.

— Придется с ней поговорить, — сказал я.

— Зачем? — резко спросил он, и на щеках у него проступили красные пятна.

— Надо. Моя работа в том и состоит, чтобы задавать разным людям разные вопросы.

— Что ж, поговорите, — сказал он нервно. — К тому же Адриана знала Олмора и его жену. Помните? Ту, которая покончила с собой. Лавери ее тоже знал. А это никак не связано с нашим делом?

— Не знаю пока. Вы влюблены в мисс Фромсет?

— Если бы мог, женился хоть завтра, — выдавил он.

Я кивнул, поднялся на ноги и оглядел комнату. Она почти опустела. Только в дальнем конце две старые развалины все еще пускали носом пузыри. Другие успели покинуть мягкие кресла и уползли заниматься тем, чем они занимаются, когда не спят.

— Осталось обговорить лишь одно, — сказал я, глядя на Кингсли сверху вниз. — Полицейские чертовски не любят, когда им не сразу сообщают об убийстве. А я, как видите, не поспешил. Мне бы хотелось сделать вид, что я только что там появился. Дело выгорит, если я не расскажу им о миссис Фолбрук.

— Фолбрук? — Он почти не понимал, о чем я. — Кто такая эта... А черт! Вспомнил.

— А теперь забудьте. Я почти уверен, что она им не

звонила. Эта дама не из тех, кто по своей воле связывается с полицией.

— Понятно, — сказал он.

— Только держите ухо востро. Вам будут задавать разные вопросы еще до того, как сообщат о смерти Лавери и позволят мне переговорить с вами. Так что будьте начеку. Если попадетесь в капкан, я сяду в каталажку и уже не сумею ничего сделать.

— Но вы ведь могли позвонить мне из дома Лавери прежде, чем в полицию, — трезво заметил он.

— Знаю. Но если не позвоню, это мне зачтется. Телефонные звонки они проверяют в первую очередь. Если же я скажу, что звонил вам из другого места, то лучше уж сразу признаться, что мы виделись тут, в клубе.

— Я понял, — сказал он. — Постараюсь не подвести.

Мы пожали друг другу руки, и я ушел.

17

Спортивный клуб стоял на углу, за полквартила от здания «Трилоу», наискосок от него. Я пересек улицу и направился к входу. Каучуковые плиты перед ним уже вывернули, тротуар залили розоватым бетоном и окружили загородкой, перекинув к парадному узкие мостки. Около них толпились возвращавшиеся с обеда сотрудники.

Приемная фирмы «Гиллерлейн» выглядела еще безлюдней, чем вчера. За коммутатором в углу сидела та же пушистая блондиночка. Она мне улыбнулась, а я, сложив руку пистолетиком, направил на нее вытянутый указательный палец, а большим пальцем взвел курок, вроде как герои Дикого Запада. Она от души, но беззвучно рассмеялась. Таких развлечений ей не выпадало всю неделю.

Я повел глазами в сторону пустого кресла мисс Фромсет. Блондиночка понимающе кивнула и, воткнув контакт, мяукнула в трубку. Дверь открылась, мисс Фромсет элегантно проплыла к своему столу, села и обратила ко мне холодный взгляд.

— Слушаю вас, мистер Марло. К сожалению, мистера Кингсли сейчас нет.

— Я только что от него. Где нам можно поговорить?

— Поговорить?

— Мне нужно вам кое-что показать.

— Да? — Она внимательно оглядела меня. Видимо, не-

мало мужчин пыталось ей кое-что показать. В другое время я и сам бы рискнул.

— Я по делу, — сказал я. — Это касается мистера Кингли.

Она встала и открыла проход в загородке:

— Тогда пойдете к нему в кабинет.

Мы подошли к внутренним дверям, и она пропустила меня вперед. Проходя мимо, я повел носом. Запах сандала.

— «Жемчужина Гиллерлейнов. Королева благовоний»? — спросил я.

— На мою-то зарплату? — Она слегка улыбнулась, все еще придерживая дверь.

— При чем тут зарплата? Вы не похожи на девушку, которой приходится самой платить за духи.

— Вообще-то, вы угадали. Честно говоря, я не очень люблю пользоваться духами на работе, но он настаивает.

Мы вошли в длинный затененный кабинет. Она села с краю стола, а я на свое прежнее место. Сегодня мисс Фромсет была вся в желто-коричневом, с гофрированным жабо на шее, и выглядела уже не такой ледяной, хотя и теплом от нее не веяло.

Мы посмотрели друг на друга, и я предложил ей сигарету из пачки Кингли, лежащей на столе. Она взяла ее, прикурила от настольной зажигалки и откинулась на спинку стула.

— Давайте обойдемся сегодня без колкостей, — сказал я. — Вы уже наверняка знаете, кто я такой и чем занимаюсь. А если не знали вчера, то только потому, что он воображает себя важной шишкой.

Она посмотрела вниз, на свою лежащую в коленях руку, снова подняла глаза и почти застенчиво улыбнулась.

— Мистер Кингли просто замечательный человек, хоть и любит играть в большого начальника, — сказала она. — Но обмануть-то ему удастся лишь самого себя. Вы и не представляете, чего только он не натерпелся от этой своей потаскушки. — Она махнула сигаретой. — Ну, да бог с ней. Так зачем я вам понадобилась?

— Кингли сказал, что вы были знакомы с Олморами.

— Только с миссис Олмор. Да и то виделась с ней всего несколько раз.

— Где?

— В доме у общего приятеля. А зачем вам?

— У Лавери?

— Вы намерены мне дерзить, мистер Марло?

— Не знаю, что вы подразумеваете под этим словом. Я буду говорить по делу и прямо — мы не на дипломатическом приеме.

— Хорошо. — Она легонько кивнула. — Да, мы виделись у Криса Лавери. Я там бывала... одно время. Он устраивал вечеринки с коктейлями.

— Значит, и Лавери знал Олмор... то есть миссис Олмор?

Она слегка покраснела:

— Да, и очень хорошо.

— Как знал, конечно, и множество других женщин. В чем, в чем, а в этом я не сомневаюсь. Миссис Кингсли ее тоже знала?

— Да. При этом куда ближе, чем я. Они были «на ты». Но миссис Олмор уже в могиле. Года полтора назад покончила с собой.

— Сомнений насчет этого самоубийства не возникало?

Она подняла брови, но несколько наигранно, как и полагается при подобном вопросе.

— У вас что, есть особые причины сомневаться? И имеет ли это отношение к тому... к тому, чем вы занимаетесь сейчас?

— Не думаю. Лучше сказать, пока не знаю. Но вчера доктор Олмор вызвал полицейского только из-за того, что я разглядывал его дом. Выяснил, кто я такой, по номеру машины и позвонил. Полицейский крепко на меня напел — хотел знать, что я там делаю. Про визит к нашему общему другу я ему, само собой, не сказал. Но доктор об этом знал. Он видел меня у дома Лавери. Так зачем ему понадобилось вызывать полицию? И с какой радости полицейский стал меня пугать, что последний, кто пытался прижать Олмора, арестован за дорожные нарушения? И зачем ему было спрашивать, не наняли ли меня ее родители — родители миссис Олмор, насколько я понял. Если вы сможете ответить хоть на один из вопросов, я вам скажу, имеет ли все это отношение к тому, чем я занимаюсь, или нет.

Стрельнув в меня глазами, мисс Фромсет на секунду задумалась.

— Я встречалась с миссис Олмор всего пару раз, — сказала она медленно. — Но ответить на ваши вопросы, пожалуй, смогу... на все. В последний раз мы виделись, как я уже говорила, у Лавери. Людей был полон дом. Все пили и громко трепались. Женщины пришли без мужей, а мужчи-

ны, если были женаты, без жен. Один из них, звали его Браунэл, здорово набрался. Сейчас, я слышала, он во флоте. Так вот, этот Браунэл стал подкалывать миссис Олмор насчет практики ее мужа. Мол, с полным саквояжем шприцев докторишка бегаёт ночами по местным прожигателям жизни и делает уколы, чтобы утром им не мерещились розовые слоны. Флоренс Олмор ответила, что один черт, как муж зарабатывает, лишь бы денег было побольше и никто не мешал ей их тратить. Она тоже напилась, да и трезвая, я думаю, была не очень-то приятной особой. Роскошная, очень светлая блондинка с хорошей кожей и огромными порочными глазами. Из тех разодетых в пух и прах красоток, что без конца хихикают и раскидываются в креслах, показывая всем свои ноги. В общем, Браунэл тогда ей говорит — пусть, мол, о деньгах не волнуется — дельце это во все времена прибыльное. Заскочил к пациенту на пятнадцать минут, и в кармане от десяти до пятидесяти монет. Одно тревожит: где доктору без подпольных связей добыть такое количество наркотиков? Вы, Олморы, говорит; видимо, не редко приглашаете к обеду всяких симпатичных гангстеров. Тогда она и плеснула ему виски в лицо.

Я ухмыльнулся, но мисс Фромсет, смяв сигарету в бронзовой со стеклом пепельнице, лишь холодно посмотрела на меня.

— Все нормально, — сказал я. — Не врукопашную же ей было идти.

— Несколько недель спустя Флоренс Олмор нашли ночью в гараже. Дверь была закрыта, а мотор машины работал. — Она приумолкла и чуть коснулась языком губ. — Нашел ее Крис Лавери, когда под утро возвращался домой. Она лежала на цементном полу у машины в одной рубашке, а на ее голову и на выхлопную трубу было брошено одеяло. Самого Олмора дома не оказалось. В газетах ничего не писали, только сообщили о внезапной смерти. В общем, дело замяли.

Она приподняла сцепленные руки и снова уронила их на колени.

— Что-то было нечисто? — спросил я.

— Люди считали, что нечисто, но они всегда так считают. А некоторое время спустя я узнала суть этих догадок. Мне повезло столкнуться с Браунэлом на Вайн-стрит, и он пригласил меня выпить. Я его не терплю, но надо было как-то убить полчаса. Мы сели в баре Леви, и он спросил, не забыла ли я куколку, которая плеснула в него виски. Я

сказала, что нет. Дальше разговор пошел так. Я его прекрасно помню.

Браунэл сказал: «Наш приятель Крис Лавери ловко устроился. Если его бросят подружки, он всегда сможет разжиться деньгами без их помощи».

Я ответила, что не совсем его понимаю.

«Черт! Вы просто не хотите понять, — сказал он. — В ночь перед смертью жена Олмора до нитки продулась на рулетке в заведении Лу Конди и, психанув, закатила сцену — стала кричать, что они жульничают. Конди пришлось силком утащить ее в свой кабинет. Через коммутатор при врачебной ассоциации он разыскал Олмора. Некоторое время спустя доктор явился и вколол ей дозу, но поскольку у него был срочный вызов, тут же уехал, попросив Конди доставить жену домой. Конди отвез ее и поднял наверх, где их встретила вызванная доктором медсестра из его приемной. Она и уложила миссис Олмор в постель, а Конди вернулся в свое заведение. Теперь судите сами — пришлось нести ее в спальню на руках, но в ту же ночь она спускается в гараж и кончает самоубийством под выхлопной трубой. Ну, что скажете?»

Я сказала, что мне ничего не известно, и спросила, откуда он узнал все это?

Он ответил: «У меня есть знакомый репортер из грязного листка, который в Бей-Сити называют газетой. Так вот, ни расследования, ни вскрытия не было. Если они и делали какие-то анализы, то никому ничего не сообщили. Даже постоянного коронера у них там нет: его функции по очереди отправляют владельцы похоронных бюро — по неделе каждый. Но эти люди напрямую подчиняются местным политикам. Так что замаять дело, если у тебя есть связи, нетрудно. А у Конди в то время связи имелись. Следствие же ему было ни к чему, да и доктору тоже».

Мисс Фромсет замолчала, ожидая моих комментариев. Но я ничего не сказал, и она добавила:

— Вы, видимо, догадываетесь, что имел в виду Браунэл.

— Конечно. Олмор избавился от жены и вместе с Конди заплатил кому надо, чтобы шума не подымали. Такие вещи проворачивают и в куда более добропорядочных городках, чем Бей-Сити. Но история на этом не кончилась, если я правильно вас понимаю.

— Нет, не кончилась. Родители миссис Олмор наняли частного сыщика. Он руководил в городе ночной карауль-

ной службой и оказался в гараже первым после Лавери. Браунэл сказал, что у того были какие-то улики, но предъявить их ему просто не дали. Арестовали за вождение машины в пьяном виде и упрятали в тюрьму.

— Теперь все? — спросил я.

Мисс Фромсет кивнула.

— Я потому все это так хорошо помню, — сказала она, — что запоминать разговоры входит в мои служебные обязанности.

— Пока я не вижу, что это нам дает и как сюда вписывается Лавери, пусть он и первым обнаружил труп. Ваш сплетник Браунэл, видно, считает, что кто-то получил возможность шантажировать доктора. Но у этого человека должны быть какие-то улики, доказательства, тем более что Олмор уже чист перед законом.

— Я тоже не вижу, — сказала мисс Фромсет. — К тому же мне хочется думать, что на такую гнусность, как шантаж, Лавери не способен. Больше мне нечего добавить, мистер Марло. Я должна идти в приемную.

Она стала подниматься, но я сказал:

— Это еще не все. Мне вам надо кое-что показать.

Я вынул из кармана маленький надушенный платок, который нашел под подушкой Лавери, и, наклонившись, бросил его перед ней на стол.

18

Мисс Фромсет посмотрела на платок, на меня, затем взяла карандаш и ткнула в клочок материи резинкой на его конце.

— Чем это он опрыскан? — спросила она. — Морилкой для мух?

— Мне казалось, чем-то сандаловым.

— Дешевая подделка. Дрянь. И это еще мягко. А зачем вы его показываете? — Она снова откинулась на спинку и холодно уставилась на меня.

— Я нашел его в доме Криса Лавери, на кровати под подушкой. На нем вышиты инициалы.

Она развернула платок той же карандашной резинкой, не касаясь его руками. Лицо ее напряглось и помрачнело.

— Да, тут действительно две буквы, — сказала она со злостью, — начальные буквы моего имени и фамилии. Вы именно это хотели мне показать?

— Именно. Но у Лавери, вероятно, полдюжины приятельниц с такими инициалами.

— Значит, без гадостей в мой адрес так и не обошлось, — спокойно отметила она.

— Ваш платок или нет?

Она заколебалась. Потом, протянув руку, спокойно взяла еще одну сигарету, прикурила от спички и помахала ею, разглядывая, как язычок огня ползет по дереву.

— Да, мой. Видимо, обронила у него дома. Но это было давно. Под подушку я ничего не засовывала. Вы это хотели узнать? — Я промолчал, и она добавила: — Видимо, Крис отдал его какой-то женщине, которой по душе подобные запахи.

— Такую женщину я могу себе представить, — сказал я. — Но этот образ как-то не вяжется у меня с образом самого Криса Лавери.

Ее губы слегка изогнулись. Это были изящные губы. Мне они нравились.

— Тогда вам надо пересмотреть свои представления о Лавери, — сказала она. — Вы углядели в нем утонченность. Это ошибка, игра случая.

— О мертвых плохо не говорят, — сказал я.

Несколько секунд она смотрела на меня так, будто я еще ничего не сообщил, а только собираюсь сообщить. Потом по ее телу, начиная с горла, прошла дрожь, а пальцы сжались, смяв сигарету. Она посмотрела на нее и резким движением швырнула в пепельницу.

— Его застрелили в ванной, — продолжал я. — И похоже, стреляла женщина, которая провела с ним ночь. Пистолет она оставила на лестнице, а платок на кровати.

Мисс Фромсет чуть заметно шевельнулась. Ее глаза были совсем пустые, лицо застыло, словно высеченное из камня.

— Уж не ждете ли вы от меня объяснений по этому поводу? — с горечью спросила она.

— Поймите меня правильно, мисс Фромсет. Я бы все отдал, чтобы быть учтивым, тонким и всем нравиться. С удовольствием вел бы дело так, как желаете вы и подобные вам. Хоть раз, для разнообразия. Но мне не дают — ни клиенты, ни полиция, ни те, за кем я охочусь. Сколько ни мучаюсь, кончается всегда тем, что вляпаюсь в какую-нибудь грязь, да еще и сделаю кому-то больно.

Она кивнула, хотя вряд ли слышала мой монолог. По ее телу снова прошла легкая судорога.

— И когда его застрелили?

— По-видимому, сегодня утром. Сразу после сна. Он уже побрился и собирался принять душ.

— Встает он, как правило, поздно, — сказала она. — А я с половины девятого сижу здесь.

— Я вас и не подозреваю.

— Как мило. Но платок-то мой, хотя такими духами я не пользуюсь. Правда, полицейские слабо разбираются в качестве духов, как, впрочем, и во многом другом.

— Верно. Частные сыщики тоже слабо, — сказал я. — Ну что, получили кучу удовольствия?

— О боже! — выдохнула она и крепко прижала тыльную сторону ладони к губам.

— Стреляли в него пять или шесть раз. В цель попали только две пули. Ему некуда было деваться в этом душе. Тяжкая картина. Страсти, видать, там бушевали нешуточные! А может, это предельно хладнокровный расчет.

— Его было легко ненавидеть, — сказала она безжизненным тоном. — И еще легче любить. Женщины, даже порядочные, бывает, ужасно ошибаются в мужчинах.

— Вы хотите сказать, что одно время были в него влюблены, потом разлюбили, но к убийству отношения не имеете?

— Да. — Тон ее стал легким и строгим, как духи, которых она не любила на работе. — Надеюсь, вы сохраните мои признания в тайне. — Она горько усмехнулась. — Пустой, пакостный, эгоистичный и ненадежный красавчик. Теперь он мертв. Нет, мистер Марло, я в него не стреляла.

Я ждал, пока она успокоится. Через секунду-другую, уже сдержаннее, мисс Фромсет спросила:

— Мистер Кингсли знает?

Я кивнул.

— А полиция?

— Еще нет. Во всяком случае, если и знает, то не от меня. А нашел его я. Дверь в дом была приоткрыта. Тело лежало в ванной.

Она снова потыкала карандашом в платочек:

— А об этой надушенной дряни мистеру Кингсли известно?

— Никому не известно, кроме вас, меня и того, кто положил его под подушку.

— Спасибо, — сказала она сухо. — И спасибо, что подумали про меня то, что подумали.

— В вас есть ироничность и сдержанность. Мне они по

душе, — сказал я. — Но зачем же перебарщивать? Что, собственно говоря, я должен был подумать? Вытаскиваю из-под подушки платочек, нюхаю его и сам себе говорю: «Ах, ах, тут инициалы Адрианы Фромсет! Значит, мисс Фромсет хорошо знала Лавери, вероятно, даже близко знала. Так близко, как может представить грязное изображение частного сыщика. То есть очень-очень близко. Только вот запах от платочка какой-то дешевый, а мисс Фромсет к дешевым духам не притронется. К тому же он под подушкой у Лавери, а разве мисс Фромсет станет прятать платочки под подушками у мужчин? Нет, конечно. Значит, мисс Фромсет ни при чем. Простой обман зрения».

— Замолчите! — оборвала девушка.

Я ухмыльнулся.

— Кем вы меня, в конце концов, считаете? — резко спросила она.

— Я бы сделал вам комплимент, да мне все равно ничего уже не светит.

Она как-то мило, всем лицом покраснела и тут же снова спросила:

— Кто его убил? Вы кого-нибудь подозреваете?

— У меня только и есть что подозрения. Но для полиции дело не составит трудностей. В гардеробе у Лавери висит одежда миссис Кингсли. И когда они услышат всю историю, включая вчерашнюю находку на Оленьем озере, то сразу потянутся за наручниками. Правда, ее надо еще разыскать. Но им это проще, чем мне.

— Значит, Кристл Кингсли, — сказала она тускло. — Эта чаша его тоже не миновала.

— Совсем не обязательно, что она. Мало ли какие мотивы лежат за этим преступлением? Его мог совершить и кто-нибудь, вроде доктора Олмора.

Она кинула на меня быстрый взгляд и покачала головой.

— Вполне мог, — настаивал я. — Исключать Олмора нельзя. Если ему нечего бояться, то почему он вчера так нервничал? Правда, пугаются и нервничают не только виновные.

Я встал и, постукивая по краю стола, посмотрел на мисс Фромсет сверху вниз. Шея у нее была очаровательная.

— А что делать с платком? — спросила она глухим голосом.

— Будь он мой, я бы его отстирал от этого дешевого запаха.

— Но это ведь улика. Может быть, веская.

— Не думаю, — засмеялся я. — Где только женщины не теряют платочки! Лавери их, видно, собирал и хранил в саше с сандалом. Кто-то нашел это хранилище и решил пользоваться. А может, негодник и сам отдал платок какой-нибудь из своих подружек, чтобы полюбоваться ее реакцией на чужие инициалы. До свидания, мисс Фромсет. И спасибо за беседу.

Я направился к двери, но тут же остановился и спросил:

— Вам известно имя репортера из Бей-Сити, который снабдил Браунэла информацией?

Она отрицательно покачала головой.

— А фамилия родителей миссис Олмор?

— Тоже нет. Но я попытаюсь разыскать. Буду рада оказать вам помощь.

— Как?

— В некрологах эти фамилии обычно сообщают. Надо посмотреть лос-анджелесские газеты.

— Вы меня очень обяжете.

Я провел пальцем по краю стола и искоса посмотрел на нее. Чуть смугловатая, цвета слоновой кости кожа, прекрасные темные глаза, пушистые, черные как ночь волосы.

Я вышел из кабинета. Блондинка за коммутатором, чуть раскрыв губы, ожидала следующей шутки.

Но юмор во мне иссяк. Я прошел мимо.

19

Полицейских машин у дома Лавери не было, никто не болтался на тропинке, а в доме, когда я открыл дверь, не пахло ни сигарным, ни сигаретным дымом. Солнце от окон уже ушло. Над одним из бокалов тихо звенела муха. Я направился в конец комнаты под арку и свесился над лестницей. Ничто нигде не двигалось, все было тихо, только слышалось, как в ванной на плечо Лавери тихо течет вода.

Я подошел к телефону, отыскал в справочнике номер полицейского участка и позвонил. Ожидая ответа, я вытащил из кармана пистолет и положил его рядом с аппаратом.

— Полиция Бей-Сити. Смут слушает, — донесся из трубки мужской голос.

— Адрес — Альтаир-стрит, дом 623 Здесь жил некий Лавери. Его застрелили.

— Альтаир-стрит, шесть-два-три. Кто говорит?

— Моя фамилия Марло.

— Вы в доме?

— Да.

— Ничего не трогайте.

Я положил трубку, сел на диван и стал ждать.

Ждать пришлось недолго. Вдали раздался вой сирены и стал быстро нарастать. На повороте завизжали шины, сирена опала до глухого ворчания, затихла совсем, и тормоза заскрежетали у самого дома. Полиция Бей-Сити боролась за экономию резины. На тропинке слышались тяжелые шаги, и я пошел открывать дверь.

В дом ввалились два полицейских в форме — как обычно, крупные, как обычно, с обветренными лицами, как обычно, с недоверчивыми глазами. У одного из них под фуражкой за правым ухом торчала гвоздика. Второй был постарше, седоватый и мрачный. Они стояли на пороге, с подозрением оглядывая меня, и старший бросил:

— Где?

— Внизу, в ванной комнате за занавесом.

— Остаешься с ним, Эдди.

Он быстро пересек комнату и исчез. Второй, не спуская с меня глаз, процедил уголком рта:

— Никаких неосторожных движений, приятель.

Я снова уселся на диван. Полицейский стал осматривать комнату. Снизу из-под лестницы доносились шаги. Внезапно мой сторож заметил пистолет и бросился с нему, словно спринтер на старте.

— Орудие преступления? — почти завопил он.

— Думаю, что да. Из него кто-то стрелял.

— Ха! — Оскалив зубы, он склонился над пистолетом и положил руку на кобуру. Пальцы его рванули кнопку, и ладонь легла на вороненую рукоять.

— Так что вы там думаете? — рявкнул он.

— Думаю, что это орудие преступления.

— Хорошо, — усмехнулся он. — Очень хорошо.

— Ничего хорошего, — сказал я.

Он сделал шаг назад. Глаза его внимательно следили за мной.

— За что вы его убили? — загрохотал он.

— Вот и я все думаю — за что?

— А, понятно, еще один умник выискался.

— Давайте посидим и подождем ребят из уголовного отдела, — сказал я. — Я поберегу силы для них.

— Не пудрите мне мозги.

— Ничего я никому не пудрю. Если бы его застрелил я, то вы бы меня здесь не нашли. Я бы вам не позвонил и не оставил в доме пистолета. И вообще, не усердствуйте. Вам вести это дело не больше десяти минут.

Его глаза стали обиженными. Он снял фуражку, и гвоздика упала на пол. Он поднял ее, смял и кинул за экран в камин.

— Зря, — сказал я. — Они решат, что это улика, и потеряют кучу времени.

— Черт! — Он перегнулся через экран, подцепил цветок и сунул в карман. — На все готов ответ. Так, приятель?

Второй полицейский поднялся по лестнице, мрачно остановился посреди комнаты, посмотрел на свои часы и сделал запись в блокноте. Затем подошел к окну и, приподняв жалюзи, выглянул на улицу.

— Можно я тоже спущусь? — спросил его тот, кто оставался со мной.

— Зачем тебе, Эдди? Нас это вообще не касается. Коронеру позвонил?

— Я думал, что позвонят следователи из уголовного.

— Ну и правильно. Дело попадет к капитану Уэбберу, а он любит делать все сам. — Он повернулся ко мне. — Вы — Марло?

Я не стал отрицать.

— Он у нас очень умный, все на свете знает, — сказал Эдди.

Старший патрульный окинул отсутствующим взглядом меня, потом Эдди, но тут заметил рядом с телефоном пистолет, и отсутствующий взгляд сразу исчез.

— Да, тот самый пистолет, — сказал Эдди. — Я его не трогал.

Старший кивнул.

— Ребята сегодня не торопятся. Ну, а вы что скажете, мистер? Он был вашим другом? — Полицейский ткнул большим пальцем вниз.

— Только вчера познакомились. Я частный сыщик из Лос-Анджелеса.

— Вот как, — он посмотрел на меня очень внимательно, а Эдди очень подозрительно.

— Вот те на, — сказал Эдди. — Значит, будет полный бардак.

Это было первое умное замечание с его стороны, и я ему нежно улыбнулся.

Старший снова выглянул из окна:

— А ведь на той стороне дом Олмора.

Эдди подошел к нему.

— Точно. Даже табличку на воротах видно. Слушай, а этот парень внизу не тот, который...

— Заткнись, — сказал старший и опустил жалюзи. Оба повернулись ко мне с непроницаемыми лицами.

Я слышал, как к дому подкатил автомобиль, раздался визг тормозов, потом хлопнули двери, и на тропинке раздались шаги. Старший из патрульных открыл дверь, и в комнате появились двое в штатском. Одного из них я уже знал.

20

Первым вошел низковатый для полицейского, немолодой уже человек с усталым худым лицом. Нос у него был острый и чуть свернутый набок, словно по нему стукнули, когда он совался куда не следует. Из-под мягкой с загнутыми полями шляпы, очень прямо сидевшей на голове, торчали белые как мел волосы. Ладони человек держал в карманах коричневого пиджака, выставив наружу только большие пальцы.

За ним шагал Дегармо, крупный, с блеклыми светлыми волосами и холодными голубыми глазами на свирепом, в складках лице, — тот самый, кому не понравилось, что я торчу у дома Олмора.

Оба патрульных посмотрели на низкорослого полицейского и отдали ему честь:

— Тело внизу, капитан Уэббер, — сказал старший. — Убит двумя выстрелами после нескольких промахов. Мертв довольно давно. А этого человека зовут Марло. Частный сыщик из Лос-Анджелеса. Я его не допрашивал.

— Хорошо, — резко сказал Уэббер. Даже голос у него был какой-то недоверчивый. Мазанув подозрительным взглядом по моему лицу, он кивнул и представился: — Капитан Уэббер. А это — лейтенант Дегармо. Сначала мы осмотрим тело.

Он направился в конец комнаты. Дегармо посмотрел на меня так, будто видел впервые, и пошел за капитаном.

Вместе со старшим из патрульных они спустились вниз. Мы с Эдди уставились друг на друга.

— Значит, дом напротив принадлежит Олмору? — спросил я.

Эдди сделал непроницаемое лицо.

— Да, а что?

— Просто так, — сказал я.

Он молчал. Снизу донеслись неясные голоса. Полицейский было насторожился, но тут же, уже более дружелюбно сказал:

— А вы помните то дело?

— Немного.

— Ловко они его замяли. — Он засмеялся. — Свернули, можно сказать, и затолкали на верхнюю полку. И не увидишь, пока не встанешь на табурет.

— Ага, — сказал я. — А почему?

Полицейский сурово посмотрел на меня:

— Причины были, приятель. Точно были. Лавери вы хорошо знали?

— Не очень.

— А что вы тут делали?

— Работа привела. А вы сами-то его знали?

Эдди отрицательно покачал головой:

— Нет. Просто вспомнил, что именно парень из этого дома нашел тогда в гараже жену Олмора.

— Лавери мог здесь еще и не жить, — сказал я.

— А он здесь давно поселился?

— Не знаю.

— Дело было года полтора назад, — задумчиво произнес полицейский. — В газетах Лос-Анджелеса о нем писали?

— Один абзац на странице про происшествия в местных округах, — сказал я, чтобы поддержать разговор.

Он почесал ухо и прислушался. На лестнице послышались шаги. Снова сделав бесстрастное лицо, Эдди отошел от меня и расправил плечи.

Капитан Уэббер тут же заспешил к телефону, набрал номер, поговорил и, отстранив от уха трубку, оглянулся через плечо:

— Эл, кто у нас на этой неделе помощник коронера?

— Гарленд, — без всякого выражения ответил лейтенант.

— Позвоните Эду Гарленду, — сказал Уэббер в трубку. — Пусть сразу же едет сюда. И поторопите фотографов.

Он положил трубку и рыкнул:

— Кто трогал пистолет?

— Я, — сказал я.

Уэббер подошел и, покачиваясь на каблуках, выставил вперед остренький подбородочек. В руке он осторожно держал пистолет, обернув его платком.

— А вам что, не известно, что пистолет, найденный на месте преступления, трогать нельзя?

— Известно. Но когда я его подобрал, я еще не знал о преступлении. Не знал, что из него стреляли. Пистолет лежал на лестнице, и я подумал, его просто обронили.

— Правдоподобно, — с горечью сказал Уэббер. — В вашей работе часто такое случается?

— Какое «такое»?

Он молчал, не спуская с меня тяжелого взгляда.

— Может, мне лучше рассказать все по порядку? — спросил я.

Он набросился на меня, как боевой петух:

— Тут решаю я. Вопросы задаю тоже я.

Я промолчал, а он повернулся, как на шарнирах, в сторону патрульных и сказал:

— Возвращайтесь, ребята, в машину и отметьтесь у диспетчера.

Они отдали честь и вышли, попытавшись осторожно прикрыть за собой дверь, но она, как всегда, застряла. Когда шум мотора затих, Уэббер снова поднял на меня жесткие, мрачные глаза:

— Документы!

Я протянул ему бумажник, и он стал в нем рыться. Дегармо сидел на стуле, положив ногу на ногу, и безучастно смотрел в потолок. Потом вынул из кармана спичку и сунул в зубы. Уэббер отдал мне документы назад.

— От людей вашей профессии всегда одни неприятности, — сказал он.

— Не обязательно, — сказал я.

Он повысил и без того громкий голос:

— Если я говорю, что одни неприятности, значит, одни неприятности. Но в Бей-Сити мы вам развернуться не дадим. Зарубите это себе на носу.

Я не ответил. Он ткнул в мою сторону указательным пальцем:

— Все вы, умники из большого города, считаете себя крепкими орешками. Не волнуйтесь. Здесь сумеют поставить вас на место. Городок у нас маленький, но дружный.

Никаких политических раздоров нет. Работаем без выкрутасов и быстро. Так что за нас, мистер, не волнуйтесь.

— Я и не волнуюсь, — сказал я. — О чем мне волноваться? Просто пытаюсь честно заработать свои деньги.

— Попридержите язык, — казал Уэббер. — Хамства я не терплю.

Дегармо отвел взгляд от потолка, согнул указательный палец и уставился на свой ноготь.

— Послушайте, шеф, — голос у него был густой, безразличный. — Парня, который там, внизу, звали Лавери. Он мертв. Я его малость знал. Типичный бабник.

— Ну и что? — обрезал его Уэббер, не спуская с меня глаз.

— Судя по всему, тут замешана женщина. А эти частные детективы промышляют в основном разводами. Сами знаете. Так может не стоит его запугивать до соплей? Пусть скажет, что знает.

— Когда я кого-то запугиваю, то хочу видеть результаты. А тут пока никаких.

Он подошел к окну и поднял жалюзи. После долгого полумрака свет нас почти ослепил. Уэббер вернулся на место и, покачавшись на каблуках, снова ткнул в меня тонким пальцем.

— Рассказывайте.

— Я работаю на одного дельца из Лос-Анджелеса. Он не хотел лишнего шума, потому и не обратился в полицию. Месяц назад от него сбежала жена, а чуть позже пришла телеграмма, что она уехала в Мексику с Лавери. Однако пару дней назад мой клиент встретил Лавери, и тот сказал, что никуда с ней не уезжал. Мой клиент поверил и забеспокоился. Жена его, судя по всему, не особенно умна и без царя в голове. Могла запросто спутаться с дурной компанией и попасть в передрагу. Я приехал поговорить с Лавери, но он опять все отрицал. Я ему уже почти поверил, но позже получил другую информацию. Вечером того дня, когда она покинула коттедж в горах, где тогда жила, Лавери с ней виделся. В гостинице, в Сан-Бернардино. Располагая доказательствами, я решил снова взяться за него. На звонок никто не ответил. Дверь была приоткрыта. Я вошел, осмотрелся и, найдя пистолет, обыскал дом. Хозяина я обнаружил мертвым в ванной.

— Обыскивать дом вы не имели права, — холодно сказал Уэббер.

— Не имел, — согласился я. — Но и упускать такую возможность не хотелось.

— Как зовут человека, который вас нанял?

— Кингсли. — Я дал ему адрес в Беверли-Хилс. — Он управляющий косметической фирмой на Олив-стрит, в здании «Трилоу». Фирма «Гиллерлейн».

Уэббер посмотрел на Дегармо. Дегармо лениво нацарапал данные на конверте.

— Что еще? — Уэббер снова перевел глаза на меня.

— Я съездил в горы. Его жена жила там в коттедже. Это рядом с Пумьей Вершиной, на Оленьем озерце. Сорок шесть миль от Сан-Бернардино.

Я глядел на Дегармо. Он медленно писал. Но тут рука его на миг замерла, словно застыла в воздухе, затем опустилась на конверт снова.

— Месяц назад, — продолжал я, — сторож на участке Кингсли поругался с женой, и она, как все считали, уехала. Вчера ее выловили из воды.

Уэббер прикрыл веками глаза и покачался на каблуках.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — почти мягко спросил он. — Намекаете, что есть связь?

— По времени есть. Да и Лавери раньше там бывал. Про другое не знаю, но думал, что надо упомянуть.

Дегармо сидел очень тихо, уставившись в пол. Лицо его казалось напряженным и еще более свирепым, чем обычно.

— А женщина, которую выловили? Это что, самоубийство? — спросил Уэббер.

— Или убийство. Она оставила прощальную записку. Мужа уже арестовали по подозрению. Фамилия — Чесс. Билл и Мьюриел Чесс.

— Не желаю впутываться, — резко сказал Уэббер. — Ограничьтесь-ка тем, что было здесь.

— Ничего не было, — сказал я, поглядывая на Дегармо. — Я приезжал сюда два раза. В первый раз говорил с Лавери и ничего не добился. Во второй раз не говорил и, само собой, тоже ничего не добился.

Уэббер медленно сказал:

— Я собираюсь задать вам вопрос и хочу получить прямой ответ. Вам, ясно, не захочется отвечать, но раньше или позже все равно придется. И ответ этот я получу. Вопрос такой. Вы сделали в доме обыск, я думаю, основательный. Была ли здесь жена этого Кингсли? Нашли ли вы что-нибудь, что указывает на ее присутствие?

— Прямо не ответишь, — сказал я. — Тут требуется подтверждение свидетелей.

— Мне нужен ответ, — сказал он мрачно. — Мы не в суде.

— Тогда ответ будет утвердительным. Внизу в гардеробе висит одежда, которая, по описанию, была на миссис Кингсли в ту ночь, когда она встретила в Сан-Бернардино с Лавери. Правда, описание не совсем точное. Это черный с белым костюм, где больше белого, и панамы с крученой черно-белой лентой.

Дегармо щелкнул пальцем по конверту, который держал в руке:

— Ну и услугу вы оказали своему клиенту! Значит, женщина, с которой Лавери предполагал уехать, была в доме, где совершено преступление? Не думаю, шеф, что нам долго придется искать убийцу.

Уэббер на слова Дегармо рассеянно кивнул. Внимательно, почти без всякого выражения на лице, если не считать настороженной недоверчивости, он всматривался в меня.

— Вы же не полные простаки, — сказал я. — Костюм сшит у портного, а найти этого портного не составит труда. Я просто сэкономил вам час времени, а может, хватило бы простого телефонного звонка.

— Что еще? — тихо спросил Уэббер.

Не успел я ответить, как у дома одна за другой затормозили еще две машины. Уэббер заторопился к двери. В комнату вошли трое. Сначала коротышка с курчавыми волосами, следом здоровенный, как буйвол, детина, оба с тяжелыми черными чемоданчиками в руках. За ними шел высокий худой человек в темно-сером костюме и черном галстуке. У него были яркие, блестящие глаза и каменное лицо.

Уэббер ткнул пальцем в курчавого:

— Внизу, в душе, Бузони. И соберите отпечатки пальцев по всему дому. Меня особенно интересуют женские. Работа предстоит долгая.

— И вся на меня, — заворчал Бузони и, пройдя вместе с буйволом через комнату, спустился вниз.

— Для вас есть труп, Гарленд, — сказал Уэббер третьему человеку. — Пошли вниз, глянем. Вы заказали карету «скорой помощи»?

Яркоглазый коротко кивнул и тоже отправился с Уэббером вниз.

Дегармо отложил в сторону конверт с карандашом и бесстрастно уставился на меня.

— Мне можно упоминать о вчерашнем разговоре? — спросил я. — Или это наша маленькая тайна?

— Сколько влезет, — ответил он. — Защита граждан входит в мои обязанности.

— А вам не угодно меня просветить? Хотелось бы знать о деле Олмора побольше.

Он медленно побагровел, глаза стали совсем колючими:

— Вы же сказали, что не знаете Олмора.

— Сказал вчера. С тех пор я выяснил, что Лавери был знаком с миссис Олмор, что она покончила самоубийством, что именно он обнаружил труп и его подозревают в шантаже доктора. Во всяком случае, возможность шантажа не исключена. К тому же оба патрульных тоже заинтересовались делом напротив. А один из них заметил, что дело ловко замаяли или что-то в этом духе.

— Я сукиного сына в должности понижу, — сказал Дегармо убийственно ровным тоном. — Только и знают, что трепаться. Пропавши они пропадом, пустоголовые идиоты!

— Значит, тут один треп? — спросил я.

— О чем вы? — Дегармо посмотрел на сигарету.

— О том, что Олмор убил жену и благодаря связям замыл дело.

Дегармо встал, подошел и наклонился надо мной:

— Ну-ка, повтори, что сказал, — мягко попросил он.

Я повторил.

Он ударил меня по щеке открытой ладонью. Голова у меня мотнулась, лицо сделалось большим и горячим.

— Повтори еще раз, — сказал он.

Я повторил. Он размахнулся, и голова у меня мотнулась снова.

— Еще разок.

— Нет уж. На третий раз мне может повезти, и вы промахнетесь. — Я поднял руку и потер лицо.

Он стоял надо мной, оскалив зубы, со звериным блеском в очень голубых глазах.

— Теперь будешь знать, как надо говорить с полицейским. В следующий раз отведаешь чего похлеще.

Я крепко сжал губы и потер щеку.

— И еще — только сунь свой длинный нос в наши дела, — сказал он, — очнешься ночью на помойке среди кошек.

Я не сказал ни слова. Дегармо, тяжело дыша, вернулся

на свое место и сел. Я бросил тереть щеку и, вытянув руку, пошевелил пальцами, чтобы снять напряжение.

— Я все запомню, — сказал я. — И первое, и второе.

21

Когда я вернулся в Голливуд к себе в контору, начинало смеркаться. Здание уже опустело. В коридорах была тишина, двери стояли нараспашку, и уборщицы возились в кабинетах с пылесосами, швабрами и тряпками.

Я отпер свою дверь, подобрал конверт, который валялся под прорезью для почты и, не читая, бросил на стол. Потом открыл окна и, приняюхиваясь к теплому запаху еды, поднимающемуся из вентиляции соседнего кафе, уставился на ранние неоновые огни.

Сняв пиджак и галстук, я сел за стол, вынул из ящика бутылку со стаканом и хлебнул виски. Лучше мне от спиртного не стало. Я хлебнул еще раз — с тем же результатом.

К этому времени Уэббер, видимо, уже встретился с Кингсли. Кристл объявили в розыск или вот-вот объявят. Дело представляется им проще пареной репы: скверная история между двумя довольно скверными людьми — слишком много любви, слишком много алкоголя, слишком много постели, а в результате — дикая ненависть, кровожадные инстинкты, смерть.

Нет, чересчур уж все это просто, подумал я.

Я взял конверт и раскрыл его. Марки на нем не было. Письмо гласило:

«Мистер Марло! Родители Флоренс Олмор, мистер и миссис Юстас Грейсон, проживают по адресу: Саут, Оксфорд-авеню, 640, здание «Россмор Армс». Я проверила и по телефону. Их номер есть в справочнике. Ваша Адриана Фромсет».

Такой же изящный почерк, как и рука, которая водила пером. Я отложил письмо в сторону и сделал еще глоток. Злость стала проходить. Я подвигал туда-сюда вещи на столе. Собственные руки казались мне опухшими, горячими, неловкими. Проведя пальцем по углу стола, я посмотрел на прочерченную в пыли полоску, посмотрел на грязный палец, вытер его, посмотрел на часы, на стену и уставился в никуда.

Убрав бутылку, я сполоснул под краном стакан, вымыл руки и побрызгал холодной водой на лицо. В зеркале было

видно, что краснота на левой щеке исчезла, но лицо все же припухло. Совсем немного припухло, но меня заколотило снова. Я причесался, разглядывая седину в волосах. Ее становилось все больше. Лицо выглядело каким-то нездоровым. Мне оно не понравилось.

Я вернулся к столу, перечел письмо мисс Фромсет, расправил его на стекле, понюхал, снова расправил, сложил и убрал в карман пиджака.

Я сидел очень тихо, слушая, как успокаивается за открытыми окнами вечер. И постепенно я успокоился тоже.

22

«Россмор Армс» оказалось мрачноватым, из бурого кирпича зданием, охватывающим крыльями огромный двор. В обитом плюшем вестибюле было тихо, стояли кадки с деревцами, а в огромной, похожей на собачью конуру клетке скучала канарейка. Пахло половиками, пылью и увядшими гардениями.

Грейсоны жили в левом крыле на пятом этаже. Они оба сидели в старомодной, тесно заставленной комнате: пузатая мебель двадцатилетней давности, бронзовые дверные ручки в форме яйца, огромное зеркало в позолоченной раме, мраморный стол у окна и темно-красные плюшевые портьеры. Пахло табачным дымом, а еще мой нюх уловил, что на обед хозяева ели бараньи котлеты со спаржей.

Жена Грейсона оказалась пухлой старушкой с вьющимися седыми волосами и светло-голубыми глазами. Теперь они выцвели и выглядели чуть выпуклыми за стеклами очков. Скрестив толстые лодыжки, еле-еле доставая ногами до пола, она сидела с большой корзинкой для шитья на коленях и штопала носки.

Сам Грейсон был высокий, с узкими сутулыми плечами, желтоватым лицом, густыми бровями и почти без подбородка. Верхняя часть его лица намекала на решительность, нижняя с ней как бы прощалась. Нацепив двухфокусные очки, он с недовольным видом читал вечернюю газету. Я успел посмотреть о нем в городском справочнике. Он там значился бухгалтером, да и выглядел бухгалтером на все сто процентов. Даже пальцы были в чернилах, а из кармана жилетки торчало четыре карандаша.

Он раз семь прочел мое удостоверение, оглядел меня с ног до головы и медленно спросил:

— По какому делу вы пришли к нам, мистер Марло?

— Меня интересует человек по имени Лавери. Он живет через дорогу от доктора Олмора. Ваша дочь была за Олмором замужем. А Лавери как раз тот, кто нашел ее в ту ночь, когда... когда она... умерла.

Я специально загнулся на последнем слове, и они замерли, словно охотничьи собаки над дичью. Грейсон посмотрел на жену, она отрицательно помотала головой.

— Мы бы не хотели говорить на эту тему, — сказал он сразу. — Она причиняет нам боль.

Я помолчал, грустно посмотрел на них и сказал:

— Не могу вас осуждать, тем более заставлять. Мне бы только связаться с человеком, которого вы наняли тогда для расследования.

Они снова посмотрели друг на друга. На этот раз миссис Грейсон головой не мотала.

— Зачем он вам? — спросил Грейсон.

— Сейчас я вам кое-что расскажу.

Не упоминая имени Кингсли, я рассказал им, какое вел дело. Рассказал и про вчерашний инцидент у дома Олмора. Они опять замерли.

— Если я правильно понял, — резко сказал Грейсон, — с мистером Олмором вы незнакомы, и ваши пути не пересекались, но он, тем не менее, вызвал полицейского лейтенанта только потому, что вы стояли у его дома. Так?

— Да. Стоял там около часа. Вернее, стояла моя машина.

— Очень странно, — сказал Грейсон.

— Доктор явно нервничал, — сказал я. — А Дегармо спросил, не наняли ли меня ее родители — имея в виду вас. Такое ощущение, что Олмор не чувствует себя в безопасности.

— В безопасности от чего? — спросил он, не глядя на меня. Он неторопливо разжег трубку, потом концом большого металлического карандаша утрамбовал табак и снова разжег.

Я пожал плечами и не ответил. Он кинул на меня быстрый взгляд и отвернулся. Миссис Грейсон не поднимала глаз, но ноздри у нее раздувались.

— Как он узнал, кто вы такой? — внезапно спросил Грейсон.

— Записал номер машины, позвонил в автоклуб, а потом посмотрел в справочнике. Во всяком случае, я бы

поступил именно так, да и он сделал то же, судя по тому, что я видел через окно.

— Значит, полиция работает на него, — сказал Грейсон.

— Не обязательно. Они могли просто допустить ошибку, а теперь не хотят, чтобы это всплыло.

— Ошибку?! — он визгливо хохотнул.

— Ладно, — сказал я. — Хоть тема и большая, но немного свежего воздуха ей не помешает. Вы же считали, что Олмор убил вашу дочь. Не так ли? Поэтому и наняли ищейку... я хочу сказать — детектива.

Миссис Грейсон подняла на меня острые глазки, потом опустила голову и свернула заштопанные носки.

Грейсон молчал.

— У вас были против него улики? Или доктор просто вам не по душе? — просил я.

— Были, — горько заметил Грейсон и продолжал внешне спокойно четким голосом, словно наконец решился выложить все начистоту. — Должны были быть. Нам о них говорили. Но достать их не удалось. Полиция об этом позаботилась.

— Я слышал, они посадили этого человека за вождение машины в пьяном виде. Верно?

— Верно.

— Он вам успел сказать, что знал?

— Нет.

— Мне это не нравится, — сказал я. — Похоже, что он сам не решил, предоставить улики вам или прижать с их помощью доктора.

Грейсон снова посмотрел на жену. Она тихо сказала:

— Мистер Талли произвел на меня хорошее впечатление. Маленький, спокойный, скромный. Я, конечно, понимаю, что могла ошибиться.

— Значит, его зовут Талли, — сказал я. — Среди прочего я надеялся узнать у вас и это имя.

— А что еще вы надеялись узнать? — спросил Грейсон.

— Как найти Талли и... что заронило в вас подозрения. Иначе вы бы его не наняли.

Губы Грейсона тронула вымученная улыбка. Длинным желтым пальцем он поскреб свой скошенный подбородок.

— Наркотики, — сказала миссис Грейсон.

— Именно, — тут же зачастил Грейсон, словно единственное слово жены дало ему зеленый свет. — Доктор специализируется на наркотиках. Нам рассказала об этом

дочь. Кстати, в его присутствии. Ему это очень не понравилось.

— Что вы имеете в виду под специализацией на наркотиках, мистер Грейсон?

— Он лечит в основном людей, которые от разгула и пьянства находятся на грани нервного срыва. Им постоянно подавай успокаивающее. Наступает пора, когда добросовестный врач должен прекратить уколы и отправить человека в больницу. Но Олмор этого не делает. Пока пациент жив, не окончательно сошел с ума и платит деньги, он его колет, а если тот станет тяжелым наркоманом, доктора не тревожит. Занятие, конечно, уголовно наказуемое, но очень прибыльное.

— Еще какое прибыльное, — сказал я. — Золотая жила. — А с неким Конди вы не знакомы?

— Нет. Но кто он такой, знаем. Флоренс считала, что как раз Конди и снабжал Олмора наркотиками.

— Скорей всего, — сказал я. — Выписывать слишком много морфия в аптеке опасно. А Лавери вы знали?

— Слышали, но лично не встречались.

— Вам не приходило в голову, что он мог шантажировать Олмора?

Идея оказалась для него новой. Он почесал макушку, потом провел ладонью по лицу и, опустив руку на острое колено, отрицательно покачал головой.

— Нет. Какие у меня могли быть основания?

— Лавери первый обнаружил тело. То, что показалось подозрительным Талли, вероятно, заметил и он.

— А он что, способен на шантаж?

— Не знаю. Но явных источников дохода у него нет, он нигде не работает, тем не менее ведет светскую жизнь, ухаживает за женщинами.

— Что ж, интересно, — сказал Грейсон. — Такие дела проворачиваются очень тонко. Их следы иногда попадают в моей работе. Скажем, ничем не обеспеченные, давно просроченные ссуды. Или кто-то, явно не растяпа, вдруг невыгодно для себя помещает капитал. Или не подает в суд за невыплаченный долг, чтобы не привлекать внимания инспекторов. Да мало ли как можно словить.

Я посмотрел на миссис Грейсон. Ее руки ни на секунду не останавливались. Она уже заштопала не менее дюжины носков. На твердых, костистых ногах мистера Грейсона носки, видно, так и горели.

— А что случилось с Талли? Обвинение, видимо, сфабриковали?

— Никакого сомнения. Его жена очень переживала. Она сказала, что он сидел в баре с полицейским, и тот подсыпал ему в стакан какую-то отраву. Да и полицейская машина уже ждала на противоположной стороне улицы. Его взяли, как только он отъехал. В участке же практически не провели никакого обследования.

— Братъ на веру объяснения Талли не стоит. Что еще он мог сказать жене после ареста? Все говорят что-то в этом роде.

— Противно думать, что полицейские бесчестны, — сказал Грейсон. — Но такие фокусы им не впервой. Все про это знают.

— Если они допустили промашку, когда расследовали смерть вашей дочери, то Талли представлял для них явную опасность. Выведи он их на чистую воду, кое-кто слетел бы с работы. Но если бы они решили, что он намерен просто шантажировать доктора, то не суетились бы так. Кстати, где он сейчас? Мне надо выяснить, были ли у него веские улики или он только предполагал, что они существуют.

— Мы не знаем, где он, — сказал Грейсон. — Ему дали шесть месяцев, но срок уже давно вышел.

— А его жена?

Он посмотрел на миссис Грейсон, и та коротко сказала:

— Бей-Сити, Уэстмор-стрит, дом 1618 $\frac{1}{2}$. Мы с Юстасом послали ей немного денег, когда она осталась на мели.

Я записал адрес и откинулся на спинку кресла.

— Сегодня утром кто-то застрелил Лавери в ванной, — сказал я.

Пухлые ручки миссис Грейсон замерли по краям корзинки. Грейсон, сидя со старой черной трубкой в руке, открыл рот. Потом тихонечко, словно на похоронах, откашлялся и очень медленно поднес ее к губам.

— Хорошо бы, — сказал он, вынув изо рта трубку и выпуская облачко бледного дыма, — если бы доктор был замешан в этом убийстве.

— Не исключено, что он и замешан, — сказал я. — Живут-то они по соседству. Полиция, правда, считает, что Лавери застрелила жена моего клиента. Когда ее найдут, улик для обвинения у них будет предостаточно. Но если доктор имеет к убийству какое-то отношение, то при-

чина тут одна — смерть вашей дочери. Поэтому я и пытаюсь разобраться в этом деле.

— Человек, совершивший одно убийство, легко пойдет и на другое, — сказал Грейсон таким тоном, будто долго размышлял над проблемой.

— Может быть, — сказал я. — А что все же послужило, по-вашему, причиной первого убийства?

— С Флоренс не было сладу, — сказал он грустно. — Она была необузданной, трудной. Сумасбродно сорила деньгами, слишком много и слишком громко говорила, все время заводила сомнительные знакомства, в общем, валяла дурака. Такие жены очень опасны для людей типа доктора Альберта С. Олмора. Но главная причина, мы считаем, не в этом. Правда, Лети?

Он посмотрел на жену, но та, не поднимая глаз, молча воткнула иглу в клубок шерсти.

Грейсон вздохнул и продолжал:

— У нас есть основания полагать, что он завел интрижку со своей медсестрой, и Флоренс пригрозила устроить ему большой скандал. Шума он и испугался. Один скандал мог легко перерасти в другой.

— И каким же способом он ее убил? — спросил я.

— С помощью морфия, конечно. Морфий он всегда носил с собой и был большим докой в этом деле. А когда она после укола заснула, он перенес ее в гараж и включил мотор. Вскрытия они не производили. Но если бы и произвели, ничего бы не изменилось — ведь было известно, что он сделал ей на ночь укол.

Я кивнул, а он удовлетворенно откинулся в кресле и снова, проведя ладонью по макушке и по лицу, медленно опустил руку на острое колено. Казалось, он долго размышлял и над этой проблемой.

Я взглянул на супругов. Два пожилых человека сидят в тишине квартиры и спустя полтора года после событий отравляют свою душу ненавистью. Им бы чертовски хотелось, чтобы убийцей Лавери оказался доктор. Они были бы на седьмом небе. Это бы их очень утешило.

Я немного помолчал и сказал:

— Вы верите во все это потому, что очень хотите верить. Ваша дочь с тем же успехом могла самостоятельно покончить с жизнью, а полиция затеяла возню, чтобы, скажем, защитить игорное заведение Конди и оградить доктора от неприятных вопросов на дознании.

— Чепуха! — резко сказал Грейсон. — Он ее явно убил. Она ведь к тому времени крепко спала.

— Вы же точно не знаете. Она могла и сама баловаться наркотиками. Тогда эффект от укола не был бы особенно сильным. Положим, она проснулась ночью, взглянула на себя в зеркало и увидела чертиков. Такое случается.

— Вы отняли у нас уже достаточно времени, — сказал Грейсон.

Я встал, поблагодарил их и, сделав пару шагов к двери, спросил:

— После ареста Талли вы больше ничего не предпринимали?

— Обращались к Личу, помощнику окружного прокурора. Ничего не вышло. Он заявил, что у него нет оснований для пересмотра дела. Даже наркотиками не заинтересовался. Однако заведение Конди через месяц прикрыли. Вероятно, благодаря нашему визиту.

— Скорей всего, полицейские из Бей-Сити прикрыли его лишь для отвода глаз. Со всем своим прежним оборудованием оно работает в другом месте. Только вы не знаете где.

Я снова направился к выходу. Грейсон встал с кресла и зашаркал за мной. Его желтое лицо порозовело.

— Извините, если нагрубил, — сказал он. — Нам с Летти не мешало бы поменьше думать о прошлом.

— Да нет, вы были со мной предельно терпеливы, — сказал я. — Кто-нибудь еще, кого мы тут не упоминали, замешан в этом деле?

Он покачал головой и взглянул на жену. Склонив голову набок, та неподвижно сидела с очередным носком, натянутым на деревянное яйцо. Казалось, она к чему-то прислушивается, но только не к нашему разговору.

— Мне рассказали, что вашу дочь укладывала в тот вечер медсестра из приемной Олмора. Это с ней у него была интрижка?

— Обождите-ка, — резко сказала миссис Грейсон. — Мы эту девушку ни разу не видели, но у нее какая-то симпатичная фамилия. Сейчас вспомню. Одну минутку. Мы дали ей эту минутку.

— Нет, помню только имя... Милдред.

Я глубоко вздохнул и спросил:

— Может быть, Хэвиленд?

Миссис Грейсон радостно улыбнулась и кивнула:

— Ну, конечно. Милдред Хэвиленд. Разве ты не помнишь, Юстас?

Он не помнил. Он выглядел сейчас, как лошадь, которую завели в чужое стойло.

— Какое это имеет значение? — спросил он, открывая дверь.

— Вы сказали, что Талли маленький, — не отставал я. — Значит, он не может быть громилой с нахальными манерами и громким голосом?

— Нет, что вы! — сказала миссис Грейсон. — Мистер Талли среднего роста, в возрасте, с каштановыми волосами и очень тихим голосом. Лицо у него было всегда грустное, озабоченное.

— Видимо, уже предчувствовал, что его ожидает, — сказал я.

Грейсон протянул мне костистую руку. Ощущение у меня было такое, будто я пожал вешалку для полотенец.

— Если вы его заарканите, возвращайтесь к нам со счетом. Я имею в виду Олмора, — сказал он и крепко закусил зубами трубку.

Я сказал, что понимаю, кого он имеет в виду, но счета представлять не буду.

Я пошел по коридору. Лифт был обит красным плюшем, и от него попахивало стариной, как от вдовушек, собравшихся за чаем.

23

На Уэстмор-стрит, на задворках дома побольше, стоял маленький каркасный коттедж. Номера на нем не было, но в двери большего дома слабо светились прорезанные цифры — 1618. К коттеджику вела узкая бетонная дорожка. Я поднялся на крошечное крыльцо, где скучал один-единственный стул, и позвонил.

Звонок забренчал совсем близко. Дверь за сеткой была отворена, но свет внутри не горел.

— В чем дело? — раздался из темноты ворчливый женский голос.

— Мистер Талли дома? — спросил я.

— А вы кто? — голос звучал теперь плоско, монотонно.

— Друг.

Женщина в темноте издала горлом странный, похожий на смешок звук. А может быть, она просто откашлялась.

— Ну? Сколько там на этот раз?

— Это не счет, миссис Талли. Вы ведь миссис Талли?

— Оставьте меня в покое. Уходите. Мистера Талли здесь нет, не было и не будет.

Я прижался носом к сетке и попытался заглянуть внутрь. В комнате смутно вырисовывалась мебель. Контуры кушетки, со стороны которой шел голос, еле-еле виднелись. На ней лежала женщина. Судя по всему, она лежала на спине и, не двигаясь, смотрела в потолок.

— Я больна, — продолжала она. — Неприятностей пришлось хлебнуть предостаточно. Так что не лезьте ко мне. Уходите.

— Я только что разговаривал с Грейсонами, — сказал я.

Наступило короткое молчание. Женщина не шевелилась. Наконец послышался глубокий вздох:

— Даже не слышала о таких.

Я прислонился к косяку и глянул вдоль узкой дорожки на улицу. У противоположного тротуара стояла машина с горящими сигнальными огнями. Кое-где виднелись и другие автомобили.

— Нет, слышали, миссис Талли, — сказал я. — Я сейчас на них работаю. Они все еще не успокоились. А вы? Вас уже ничего не трогает?

— Оставьте меня в покое.

— Мне нужна кое-какая информация. И я ее добуду. Хорошо бы обойтись без скандала. Не получится — добуду со скандалом.

— Еще один фараон? — спросила она.

— Вы же знаете, миссис Талли, что никакой я не фараон. С фараонами Грейсоны не стали бы разговаривать. Позвоните им и проверьте.

— Я же сказала, что не знаю таких. К тому же у меня нет телефона. Прошу вас, уходите. Я больна. Болею уже целый месяц.

— Меня зовут Марло. Филип Марло, частный сыщик из Лос-Анджелеса. Я беседовал с Грейсонами. У меня уже кое-что есть, но мне необходимо поговорить с вашим мужем.

Женщина на кушетке почти неслышно рассмеялась.

— Кое-что есть! Знакомая песня. Боже, до чего знакомая. У него кое-что есть! У Джорджа Талли тоже кое-что было... Когда-то.

— Он сможет вернуть все назад, — сказал я. — Если правильно поведет игру.

— Забудьте про него, — сказала она.

Я снова прислонился к косяку и поскреб подбородок. На улице, где-то рядом с моей машиной, кто-то зажег фонарик. Поди догадайся зачем. Потом свет выключили.

Бледное пятно, маячившее в изголовье кушетки, дернулось и исчезло. Женщина отвернулась лицом к стене.

— Я устала, — ее голос, бубнивший теперь в стену, звучал глуше. — Чертовски устала. Хватит, мистер. Будьте человеком, уходите.

— Малая толика денег вам не помешает?

— Чувствуете сигарный дым?

Я принюхался, но ничего не почувствовал.

— Нет, — сказал я.

— Они уже здесь были. Торчали целых два часа. Боже, до чего я от всех вас устала. Убирайтесь.

— Послушайте меня, миссис Талли...

Женщина повернулась, и ее лицо снова забелело в темноте. Мне даже показалось, что я вижу глаза.

— Это вы меня послушайте, — перебила она. — Я вас не знаю. И знать не хочу. Мне нечего вам сообщить. Да я бы все равно ничего не сообщила. Тут мой дом. Я здесь живу, если это можно назвать жизнью. Но ничего другого у меня нет. И я желаю лишь тишины и покоя. Отвяжитесь от меня.

— Откройте дверь, — попросил я. — Мы спокойно поговорим, и я покажу...

Она внезапно присела на кушетке, и ее ноги шлепнули об пол. В голосе звенела еле сдерживаемая ярость:

— Если тут же не уберетесь, я завизжу. Считаю до трех. Раз...

— Ладно, — быстро сказал я. — На всякий случай оставлю визитную карточку, чтобы вы не забыли мое имя. Вдруг передумаете.

Я вынул карточку и всунул ее в щель между косяком и сеткой:

— Спокойной ночи, миссис Талли.

Ответа я не получил. Ее глаза, слегка поблескивая во мраке, смотрели в мою сторону. Я спустился с крыльца и по узкой дорожке вышел на улицу.

На противоположной стороне тихонько работала на холостом ходу машина с зажженными сигнальными огнями. Ну и что? Тысячи машин на тысячах улиц работают сейчас на холостом ходу.

Я забрался в «крайслер» и включил зажигание.

Уэстмор-стрит тянулась с юга на север по самым бедным районам городка. Я поехал на север. За первым поворотом машину трянуло на заброшенной железнодорожной колее, и дорога пошла вдоль городской свалки. За деревянным забором замысловатыми фантастическими горами дыбились, как после боя, искореженные остовы старых автомобилей, темнели под луной высокие, разделенные проходами штабеля ржавых кузовов, дверок и крыльев.

В зеркале заднего обзора засветились фары. Их свет становился все ярче. Я нажал на газ, достал из кармана ключи и, открыв бардачок, положил на сиденье пистолет.

За свалкой вдоль дороги потянулся кирпичный завод. В дальнем его конце, за пустырем, высилась труба печи для обжига. Дым из нее не шел. Горды темного кирпича, низкое деревянное строение с вывеской и полная глушь — ни единого огонька, ни одного человека.

Машина меня нагоняла. Ночь прорезал низкий вой чуть включенной полицейской сирены. Звук разнесся над пустой площадкой для гольфа справа и дворами завода слева. Я прибавил скорость, но они шли быстрее меня. Внезапно дорогу залил яркий свет красной мигалки.

Полицейская машина вырвалась вперед и стала прижимать меня к обочине. Я резко тормознул, сделал крутой поворот, чуть не зацепив их за бампер, и понесся назад. Сзади завизжали шины, взревел мотор и мигалка снова осветила округу.

Они опять меня доставали, и я понял, что от погони не уйти. Я и не рассчитывал на успех. Просто хотелось оказаться поближе к домам, к людям, которые могли бы выйти посмотреть, что происходит, а кое-что и запомнить.

Не получилось. Полицейская машина снова поравнялась с моей, и грубый голос рявкнул:

— Остановитесь, не то будем стрелять.

Я подкатил к обочине и нажал на тормоза. Потом сунул пистолет назад в бардачок и захлопнул крышку. Их машина, дернувшись, застыла слева, у моего переднего крыла. Хлопнув дверцей, из нее вывалился какой-то толстяк и заорал:

— Вы что, глухой? Не слышали сирену? Вылезайте.

Я выбрался из «крайслера» и встал около дверцы под лунным светом. В руке у толстяка был пистолет.

— Права, — сказал он твердым, как штыковая лопата, тоном.

Я вынул и протянул права. Второй полицейский вышел из машины с другой стороны, взял права и осветил их фонариком.

— Имя — Марло, — сказал он. — Черт! Только подумай, Куни! Оказывается, нам попалась ищейка.

— Серьезно? Тогда пистолет мне ни к чему. — Куни засунул его в кобуру и застегнул ее. — Тогда я с ним справлюсь голыми руками.

— Гнал со скоростью пятьдесят пять миль в час, — сказал второй полицейский. — Наверняка пьян.

— От него небось так и несет, — сказал Куни.

Второй с вежливой ухмылкой склонился ко мне.

— А ну, дыхни, ищейка.

Я дыхнул.

— Что ж, — заметил он беспристрастно, — если и пьян, то не в стельку. Чего нет, того нет.

— Хоть сейчас и лето, но ночка холодная, — сказал Куни. — Надо бы дать человеку выпить. Как ты на этот счет, Доббс?

— Отличная мысль, — поддержал его Доббс. Он открыл машину, вынул небольшую фляжку виски и поднял ее к свету. Она была на две трети пуста. — Маловато, конечно, но ничего, — он протянул мне фляжку. — На здоровье!

— А если я не хочу? — спросил я.

— Как же так? — заныл Куни. — Неужто лучше, чтобы тебя напоили силой?

Я взял фляжку, свернул колпачок и понюхал. Пахло виски. Обычным виски.

— Не боитесь каждый раз проделывать один и тот же фокус? — спросил я.

— Время — двадцать семь минут девятого, — сказал Куни. — Запиши, Доббс.

Доббс подошел к машине и, склонившись, сделал запись в блокноте.

Я поднял фляжку и спросил у Куни:

— Значит, настаиваете?

— Если, конечно, не хочешь, чтобы я сплясал у тебя на пузе.

Я закинул голову и, замкнув горло, набрал виски в рот. Куни быстро выкинул руку и ударил меня под дых. Виски брызнуло, а я, задохнувшись, сложился пополам. Фляжка упала.

Я наклонился ее поднять и увидел, как Куни заносит жирное колено к моей голове. Я вильнул в сторону, выпрямился и со всей силы вмазал ему по носу. Он завыл и, прижав левую руку к лицу, правой схватился за кобуру. Со стороны ко мне метнулся Доббс. Его дубинка описала полукруг и ожгла меня сзади под левым коленом. Нога сразу онемела и, скрежеща зубами, выплевывая виски, я тяжело осел на землю.

Куни отнял от лица перепачканную кровью руку.

— Господи! — хрипло, с ужасом в голосе запричитал он. — Кровь! Моя кровь! — И дико крикнув, попытался захватить ногой мне в лицо.

Я успел отклониться, и сильный удар пришелся по плечу. Оно зануло.

Доббс встал между нами и сказал:

— Не стоит, Чарли. Только все испортишь.

Шаркая башмаками, Куни сделал три шага назад, сел на подножку полицейской машины и взялся рукой за нос. Потом нащупал в кармане платок и осторожно приложил.

— Подожди минутку, — забубнил он сквозь платок. — Всего минутку подожди. Одну маленькую минуточку.

— Уймись. Хватит, — сказал Доббс и покачал висевшей вдоль ноги дубинкой. Куни поднялся с подножки и пошел на меня. Доббс уперся ладонью ему в грудь и тихонько толкнул. Куни попытался отбить руку.

— Хочу посмотреть, какая у него кровь, — прохрипел он. — Только одним глазком посмотрю.

— Не пойдет, — резко произнес Доббс. — Угомонись. Мы и так добились, чего хотели.

Куни повернулся, тяжело обогнул машину и прислонился к ней, что-то бубня в платок.

— Вставай, приятель, — сказал мне Доббс.

Я встал и потер ногу под коленом. Нерв там дергался, как взбесившаяся мартышка.

— Лезь в машину. В нашу, — приказал Доббс и, когда я забрался, добавил. — А ты, Чарли, поведешь вторую.

— Я ей сейчас все крылья помну, — громко пригрозил Куни.

Доббс поднял с земли фляжку, бросил ее через забор и, сев за руль, завел мотор.

— Тебе это даром не пройдет, — сказал он. — Не стоило его бить.

— Почему? — спросил я.

— Он хороший парень, — сказал Доббс. — Только малость суматошный.

— И глупый, — сказал я. — Очень глупый.

— Только ему этого не говори, — сказал Доббс. — Еще обидится.

Полицейская машина тронулась с места.

Куни влез в мою машину и с такой силой рванул передачу, будто хотел ее сорвать. Доббс ловко развернулся и поехал назад к северу, вдоль кирпичного завода.

— Новое тюремное отделение тебе понравится, — сказал он.

— И каким будет обвинение?

Уверенно держа баранку и наблюдая в зеркальце, едет ли за нами Куни, Доббс немного подумал и сказал:

— Превышение скорости. Сопротивление при аресте и В. Н. В.

В. Н. В. на полицейском жаргоне значило «вождение в нетрезвом виде».

— А как насчет удара в живот, пинка в плечо, выпивки под угрозой расправы, размахивания пистолетом и применения дубинки к безоружному? Со всем этим как?

— Забудь, — сказал он устало. — Мне и самому, честно говоря, не по душе такие развлечения.

— А я-то думал, в городе спокойно и порядочный человек может гулять ночью без пуленепробиваемого жилета.

— Может и спокойно, да не совсем. Невыгодно, чтобы было спокойно. Где тогда разживешься парочкой левых долларов?

— Тот еще разговорчик, — сказал я. — Со службы вылететь не боитесь?

— Пропади она пропадом, — засмеялся он. — Через две недели все равно уйду в армию.

Инцидент он считал исчерпанным. Обычная работа, и чего тут переживать.

Тюремное отделение выглядело почти как с иголочки. Свеже поблескивала зеленовато-серая краска на стальных стенах и дверях, и только в двух-трех местах вид портили табачные плевки. Электрические лампочки были утоплены в потолок под толстое матовое стекло.

В камере у одной из стен стояли двухэтажные нары, и

на втором этаже, завернувшись в темно-серое одеяло, храпел какой-то человек. Поскольку он завалился спать в такую рань, да еще на верхнюю койку, чтобы никто не мешал, а сивухой от него не несло, это явно был старожил.

Я присел на нижнюю койку. Меня охлопали в поисках оружия, но карманы не выворачивали. Я вынул сигареты и потер саднящую опухоль под коленом. Боль пронзила ногу до самой лодыжки. От пиджака, залитого виски, шел кислый дух. Я снял его и стал окуривать дымом, который медленно поднимался к квадрату матового света под потолком. Тюрьма выглядела очень спокойной. Правда, где-то далеко, в другом ее конце, скандалила женщина. Здесь же все казалось мирным, как в церкви.

Женщина вдали вдруг завывала. В ее голосе звучала какая-то необычно высокая нотка, словно койот воет на луну, только в конце не было тоскливого волчьего подвывания. Через некоторое время звук затих.

Я выкурил подряд две сигареты и бросил окурки в небольшой унитаз в углу камеры. Человек на верхней полке все еще храпел. Из-под края одеяла выбивались его влажные сальные волосы. Лежал он на животе и спал крепко. Лихой парень, только позавидовать!

Я снова сел на койку, сделанную из узких стальных пластин и прикрытую тонким жестким матрасом. На матрасе лежали два аккуратно сложенных одеяла. Чудо, а не тюрьма! Чудо на двенадцатом этаже нового муниципалитета. И сам муниципалитет — чудо. И вообще, чудесный городок, этот Бей-Сити! Местные жители так и считают. Живи я в нем, я бы тоже так считал. Я бы любовался голубым заливом и скалами, пристанью для яхт и тихими улочками, старыми домами, дремлющими в тени старых деревьев, и новостройками с ярко-зеленой травой лужаек, с молодыми деревцами на тротуарах. Я знал девушку, которая жила на Двадцать пятой улице. Чудесная была улица. И девушка была чудесная. Ей нравился Бей-Сити.

Она, правда, никогда не вспоминала о негритянских и мексиканских трущобах в болотистых низинах к югу от заброшенной железнодорожной колеи. Не думала о прибрежных забегаловках на пологом берегу, о душных танцевальных зальчиках на набережной, об опиумных притонах, о лисьих мордочках, подглядывающих за вами из-за раскрытых газет в подозрительно тихих вестибюлях гостиниц, о жуликах, карманниках, мошенниках, пьянчугах, сводниках, педерастах. Не думала, и все.

Я подошел к решетчатой двери. Нигде никакого движения, лишь унылый свет и тишина. Дела у тюрьмы, видно, шли погано.

Мои часы показывали без шести десять. Как раз время прийти домой, нацепить тапочки и поломать голову над шахматной партией. Время выпить чего-нибудь вкусненького со льдом и спокойно разжечь трубку. Время задрать ноги повыше и расслабиться. Время зевнуть над страницей журнала. Время почувствовать себя хозяином своей жизни, человеком только с одной проблемой — как отдохнуть, надышаться воздухом и восстановить силы для следующего дня.

В коридоре появился тюремщик в серо-голубой форме. Он шел по проходу между камерами и читал номера. Остановившись у моей двери, он отпер ее и окинул меня суровым взглядом, который никогда не сходит у них с лица. Я — полицейский, приятель, словно говорит он, не какой-нибудь там слабак; так что поосторожнее, а не то будешь ползать на животе; и давай-ка, приятель, выкладывай всю правду, не забывай, кто перед тобой, — ведь с такими слизняками, как ты, мы сможем сделать что угодно.

— На выход, — сказал он.

Я вышел из камеры, он ее запер, махнул рукой, и мы пошли к стальным воротам, которые он тоже открыл и запер. Ключи приятно позвякивали на большом кольце. Наконец мы миновали последнюю стальную дверь, окрашенную снаружи под дерево, а изнутри той же серо-зеленой краской.

У стойки высился Дегармо, о чем-то беседовавший с дежурным сержантом. Он впился в меня своими металлическими голубыми глазами и спросил:

— Ну, как дела?

— Прекрасно — сказал я.

— Как наша тюрьма?

— Прекрасная тюрьма.

— Капитан Уэббер хочет с вами поговорить.

— Прекрасно.

— А другие слова мы знаем?

— Нет, забыли, — сказал я.

— А чего прихрамываете? — спросил он. — Споткнулись?

— Ага, — ответил я. — Споткнулся о дубинку, а она подскочила и ударила меня под левое колено.

— Не повезло, — сказал Дегармо равнодушно. — Возьмите свои вещи у дежурного.

— У меня их не отбирали, — сказал я.

— Что ж, тоже прекрасно, — заметил он.

— Точно, — сказал я. — Так прекрасно, что дальше некуда.

Сержант за стойкой поднял лохматую голову и окинул нас долгим взглядом.

— Если вы такие любители прекрасного, — сказал он, — вам стоит взглянуть на ирландский носик Куни. Его прямо размазали по лицу, как крем по вафле.

— А что случилось? — спросил Дегармо рассеянно. — Подрался?

— Откуда мне знать, — сказал сержант. — Видимо, виновата все та же дубинка, которая сама подскакивает и цапает за колени.

— Для дежурного ты чертовски много говоришь, — сказал Дегармо.

— Дежурные всегда чертовски много говорят, — сказал сержант. — Вероятно, от того и не становятся лейтенантами уголовного отдела.

— Вот так мы и живем, — сказал Дегармо, обращаясь ко мне, — одной большой, счастливой семьей.

— С сияющими улыбками на физиономиях, — добавил сержант. — Руки протянуты для приветственных объятий, и в каждой по булыжнику.

Дегармо указал на дверь, и мы вышли.

26

Капитан Уэббер поднял от стола острый, чуть свернутый набок нос и сказал:

— Садитесь.

Я сел на деревянное кресло с круглой спинкой и осторожно вытянул левую ногу, чтобы она не задевала о край сиденья. Кабинет был угловой, большой и чистый. Дегармо присел на конец письменного стола, положил ногу на ногу и, задумчиво почесав лодыжку, уставился в окно.

— Сами напросились на неприятности, — пробурчал Уэббер. — Вот и результат. Гнали по жилому району со скоростью пятьдесят пять миль в час, пытались удрать от полицейской машины, несмотря на предупреждение сире-

ной и мигалкой, а после задержания оскорбили наших сотрудников, даже ударили одного из них по лицу.

Я молчал. Уэббер взял со стола спичку, сломал пополам и кинул через плечо.

— Или патрульные, как обычно, врут? — спросил он.

— Их отчета я не видел, — сказал я. — Скорей всего, я действительно ехал со скоростью пятьдесят пять миль и действительно в жилых кварталах, во всяком случае, в черте города. Их машина караулила у дома, в который мне нужно было зайти. Когда я отъехал, она погналась за мной. Но я еще не знал, что это полицейская машина. Вины за собой я не чувствовал, и мне все это не понравилось. Я превысил скорость, поскольку хотел поскорей попасть в более светлую часть города.

Дегармо поднял на меня суровый, но пустой взгляд. Уэббер в раздражении кляцнул зубами.

— Но когда вы поняли, что это полицейская машина, — сказал он, — вы, тем не менее, сделали поворот и попытались скрыться. Правильно?

— Да, — подтвердил я. — Но чтобы объяснить свои действия, мне придется говорить начистоту.

— Если я что и люблю, так это разговоры начистоту, — кивнул Уэббер. — Можно даже сказать, что я специалист по таким разговорам.

— Полицейские, которые меня арестовали, стояли у дома, где живет жена Джорджа Талли. Они туда подъехали еще до меня. Джордж Талли был в этом городе частным сыщиком, а я хотел с ним встретиться. Дегармо знает за чем.

Дегармо вытащил из кармана спичку и, кивнув, принялся флегматично жевать кончик. Уэббер на него не смотрел.

— Вы глупый человек, Дегармо, — продолжал я. — И все делаете по-дурацки. Вчера у дома Олмора вы слишком уж яро накинулись на меня, хотя никаких причин для этого не было. Поэтому мне и стало любопытно. Вы даже подсказали, каким образом мне удовлетворить свое любопытство, если, конечно, понадобится. Но чтобы уберечь своих друзей, вам бы просто не следовало лезть ко мне, пока я не сделаю первый шаг. А я бы сроду его не сделал, и мы бы не сидели здесь.

— А какое, черт возьми, все это имеет отношение к задержанию на Уэстмор-стрит? — спросил Уэббер.

— Прямое, потому что связано с делом миссис Ол-

мор, — сказал я. — Джордж Талли, пока его не арестовали за дорожные нарушения, расследовал именно это дело, а...

— Дело миссис Олмор ко мне не попадало, — оборвал меня Уэббер. — Как и дело Юлия Цезаря. До сих пор не знаю, кто первым всадил в него кинжал. Так что не отвлекайтесь.

— Я и не отвлекаюсь. Дегармо хорошо знает о нем, об этом деле, и ему явно не хочется его обсуждать. Даже ваши патрульные знают об этом деле. А у Куни с Доббсом мог быть лишь один повод гнаться за мной, — а именно мой визит к жене человека, который расследовал его. Когда я отъехал от дома, на спидометре никаких пятидесяти пяти не было. А оторваться от них я захотел, поскольку знал, что надо мной собираются учинить расправу. Дегармо сам пригрозил.

Уэббер бросил на Дегармо быстрый взгляд. Жесткие голубые глаза лейтенанта смотрели на противоположную стену кабинета.

— И я бы не разбил Куни нос, — сказал я, — если бы тот не заставил меня набрать в рот виски и не ударил меня по животу, чтобы я забрызгал пиджак. Для запаха. Неужто, капитан, вы не слышали о таких проделках?

Уэббер сломал следующую спичку, откинулся на спинку кресла и стал рассматривать свои крепко сжатые кулаки. Потом он снова глянул на Дегармо и сказал:

— Если вас уже успели назначить шефом полиции, могли бы меня и предупредить.

— Дьявол! Малость подурачились. Подумаешь! — сказал Дегармо. — А он шуток не понимает. Если бы...

— Куни и Доббса вы посылали? — перебил Уэббер.

— Я. А что? С какой стати в нашем городе должны хозяйничать всякие шпики? Ему что, в другом месте работы не хватает? Явился, чтобы разрыть старую могилу и выцыганить у двух стариков гонорар побольше. Такому хороший урок никогда не повредит.

— Вот как вы, значит, понимаете свою работу? — спросил Уэббер.

— Именно так, — ответил Дегармо.

— Не пойму, чего вам в жизни не хватает, — сказал Уэббер. — Правда, в данном случае я знаю чего. Свежего воздуха. Прошу вас, лейтенант.

Рот у Дегармо медленно открылся:

— Вы хотите, чтобы я ушел?

Уэббер внезапно наклонился, и его острый подбородочек разрезал воздух, как крейсер воду:

— Если вы не против, лейтенант.

Дегармо медленно встал, его щеки залила густая краска. Облокотившись мощной рукой о стол, он посмотрел на Уэббера. Наступило напряженное молчание.

— Ладно, капитан, — сказал он наконец. — Но, по-моему, вы ставите не на ту карту.

Уэббер не ответил. Он подождал, пока Дегармо закроет за собой дверь, и спросил у меня:

— Вы действительно можете связать дело Олморов, законченное полтора года назад, с сегодняшней стрельбой в доме Лавери? Или просто напускаете туману, желая выгородить жену вашего клиента?

— Оба дела были связаны еще до того, как Лавери застрелили. Может, не очень крепко, всего лишь «дамским» узлом, но все же достаточно, чтобы призадуматься.

— Лично я женой Олмора не занимался, — холодно сказал Уэббер, — даже не был в то время начальником уголовного отдела. И все же сейчас я влез в эту историю куда глубже, чем вам кажется. Вы тоже до вчерашнего утра с Олмором не встречались, но теперь, судя по всему, кое-что знаете.

Я ему рассказал, что узнал от мисс Фромсет и Грейсенов.

— Значит, по вашей версии, Лавери мог шантажировать доктора? — спросил Уэббер в конце моего рассказа. — И это послужило причиной убийства. Так?

— Тут не версия, а всего лишь предположение. Но скидывать его со счетов мы не имеем права. Отношения между Лавери и Олмором могли быть и запутанными, и очень поверхностными, а то и вообще никакими. Может быть, они даже не здоровались. Никаких данных у меня нет. Но если дело Олморов чистое, зачем нервничать, когда кто-то проявляет к нему интерес? Положим, Джорджа Талли, когда он расследовал его, арестовали за вождение машины в пьяном виде по чистой случайности. Пусть Олмор случайно вызвал полицейского в то время, как я глазел на его дом. Мало ли какие бывают совпадения. Пусть и Лавери случайно застрелили именно перед тем, как я собирался поговорить с ним во второй раз. Но то, что два ваших человека следили за домом Талли и были готовы проучить меня, если я там появлюсь, — вот это уже не случайность и не совпадение.

— Согласен, — сказал Уэббер. — Я еще разберусь с этим инцидентом. Жалобу подавать будете?

— Нет, жизнь слишком коротка, чтобы рядиться с полицейскими.

Он слегка поморщился и сказал:

— Что ж, на нет и суда нет. А поскольку ваш арест даже не зарегистрирован, можете в любое время отправляться домой. Но на вашем месте я бы оставил расследование дела Лавери и всех его возможных связей с делом Олмора вашему покорному слуге, капитану Уэбберу.

— Даже связь обоих этих дел с некоей Мьюриел Чесс, которую выловили вчера в горном озере около Пумьей Вершины? — спросил я.

— А при чем тут это? — поднял свои тонкие брови Уэббер.

— А при том, что ее зовут вовсе не Мьюриел Чесс. Предположим, ее имя — Милдред Хэвиленд, и эта Милдред Хэвиленд работала медсестрой у доктора Олмора. Предположим, именно она укладывала в постель миссис Олмор накануне ее смерти в гараже. Именно она, если дело тут нечисто, могла знать, что к чему. И именно ее могли подкупить или запугать, чтобы она побыстрее убралась из города.

Уэббер взял сразу две спички и переломил их. Его маленькие холодные глазки не отрывались от моего лица. Он молчал.

— И вот тут-то, — продолжал я, — мы натываемся на действительно интересное совпадение, пожалуй, самое важное во всей картине. Милдред Хэвиленд познакомилась с Биллом Чессом в Риверсайде, затем, по каким-то своим причинам, вышла за него замуж и переехала на Оленье озеро. Принадлежит оно человеку, чья жена была любовницей Лавери, а Лавери — это тот, кто первым обнаружил труп миссис Олмор. Вот где по-настоящему значимое совпадение, все же остальное — его последствия.

Уэббер встал из-за стола, взял бумажный стаканчик и выпил воды из охладителя. Сняв стаканчик, он бросил его в коричневую металлическую корзинку, потом подошел к окну и уставился на залив. Время затемнения еще не наступило, и гавань была вся в огнях.

Он вернулся к столу, снова сел и, приподняв руку, потер нос. Какая-то мысль не давала ему покоя.

— Не возьму в толк, — сказал он медленно, — какой смысл привязывать сюда дело полуторагодичной давности?

— Как знаете, — сказал я. — Спасибо, что уделите моей персоне столько времени.

Я встал, чтобы уйти, но тут же схватился за ногу.

— Болит? — спросил он.

— Есть малость. До свадьбы заживет.

— В полиции, — почти мягко сказал он, — масса проблем. Не меньше, чем в политике. Нам нужны самые чистые люди, а привлечь их нечем. Работаем с теми, какие есть. Вот и случаются разные неприятности.

— Знаю, — сказал я. — И всегда знал. Я не в обиде. Спокойной ночи, капитан Уэббер.

— Подождите, — сказал он. — Присядьте на минутку. Если уж нам не миновать дела миссис Олмор, давайте вытаскиваем его на свет и как следует перетряхнем.

— Давно пора, — сказал я и сел.

27

— Некоторые думают, что у нас в полиции работает одно жулье, — тихо сказал Уэббер. — Человек, мол, убьет жену, позвонит мне и скажет: «Привет, капитан. Я тут не поладил со своей половиной. Труп в комнате. Но у меня завалились пятьсот зелененьких. Не представляю, куда их деть». И я, мол, сразу отвечаю: «Понятно. Молчите пока в тряпочку. Сейчас приеду и все улажу».

— Ну, это чересчур, — сказал я.

— Зачем вы искали встречи с Талли? — спросил он.

— У него были какие-то улики, связанные со смертью Флоренс Олмор. Ее родители наняли его расследовать дело, но он ничего им не рассказал.

— И вы решили, что уж вам-то он тут же все выложит, — язвительно бросил Уэббер.

— Попытка — не пытка, — сказал я.

— А может, Детармо вас так здорово задел, что вы решили ему насолить?

— В какой-то мере и это верно.

— Талли был обычным мелким вымогателем, — с презрением процедил Уэббер. — Не один раз принимался шантажировать. Так что любой способ от него избавиться был хорош. Кстати, я могу вам сказать, какая это была улика. Ему удалось украсть с ноги миссис Олмор лодочку.

— Лодочку?

— Да, всего лишь лодочку, туфельку, — Уэббер слегка

улыбнулся. — Позже ее нашли у него дома. Зеленая бархатная лодочка для танцев, расшитая бисером. Сделана на заказ одним голливудским мастером, который изготавливает обувь и все прочее для актеров. А теперь спросите меня, какого черта ему понадобилась эта лодочка.

— Так какого черта она понадобилась ему, капитан?

— У миссис Олмор их было две пары, совершенно одинаковых. Обычное дело. На случай, если одна лопнет или какой-нибудь пьяный осел оттопчет ногу. — Он замолчал и снова растянул губы в улыбке. — Судя по всему, одну из пар она ни разу не надевала.

— Кажется, начинаю понимать, — сказал я.

Он откинулся на спинку кресла и в ожидании забарабанил по подлокотникам.

— Дорожка от боковой двери к гаражу, — продолжал я, — залита бетоном. Шероховатым, грубым бетоном. Теперь предположим, она шла не сама, а ее несли. И предположим, тот, кто ее нес, нечаянно надел ей на ногу неносенную лодочку...

— Ну и?

— Пока Лавери дозванивался до доктора, который в то время мотался по визитам, Талли прикарманил ее, считая, что это доказательство убийства.

Уэббер кивнул:

— Лодочка и была бы доказательством, если бы он оставил ее на месте до приезда полиции. А так она доказывает лишь то, что Талли — подонок.

— Анализ крови ей делали?

— Да. — Он положил ладони на стол и уставился на них. — Морфий, само собой, нашли. Но, по мнению следователей, все выглядело нормально. К примеру, следов насилия на теле не было. Вот они и сделали заключение, что никого доктор не убивал. Вполне возможно, что ошиблись. Глубоко они не копали.

— И кто руководил группой?

— Думаю, вы уже догадались.

— А когда полиция подъехала, никто не заметил, что лодочки не хватает?

— Когда полиция подъехала, лодочка была на месте. Не забывайте, что благодаря Лавери доктор оказался у своего дома раньше полицейских. О пропавшей лодочке узнали только после обыска у Талли. Но эту неносенную лодочку он мог вынести и прямо из дома. Боковая дверь была не заперта, а служанки спали. Вы спросите, а откуда Талли

мог знать о туфлях? Мало ли откуда. Человек он умный и пронырливый. Но это только мои предположения.

Мы смотрели друг на друга, размышляя.

— Правда, не исключено, — медленно произнес Уэббер, — что медсестра вступила с Талли в сговор, чтобы шантажировать Олмора. Такая возможность существует. Некоторые факты ее подтверждают. Другие — и их больше — опровергают. А какие у вас основания считать, что из озера в горах вытащили именно медсестру?

— Их два. Каждое по отдельности не особенно убеждает, но вместе они практически неопровержимы. Несколько недель назад в Пумью Вершину заявился человек, по виду и поведению похожий на Дегармо, и показал кое-кому фотографию Милдред Хэвиленд. Лицо на фото напоминало лицо Мьюриел Чесс. Другая прическа, другие брови, но сходство чувствовалось. Помогать ему никто не стал. Назвался он Де Сото, полицейским из Лос-Анджелеса. Я проверил, таких полицейских в Лос-Анджелесе нет. Но когда Мьюриел Чесс услышала о нем, она явно испугалась. Был ли это Дегармо, проверить легко. Теперь второе основание. В коробке с сахарной пудрой в доме Чессов был спрятан ножной браслет с сердечком. Его нашли уже после смерти жены и ареста мужа. На обратной стороне сердечка выгравировано: «Милдред от Эла. С любовью. 28 июня 1938».

— Может быть, это другая Милдред и другой Эл, — сказал Уэббер.

— Вы и сами не верите в то, что говорите, капитан.

Он наклонился и проткнул воздух указательным пальцем:

— К чему, собственно говоря, вы ведете?

— К тому, что жена Кингсли в Лавери не стреляла. Это убийство каким-то образом связано с Флоренс Олмор и с Милдред Хэвиленд, а возможно, и с самим доктором. Миссис Кингсли, видимо, сбежала, чего-то сильно испугавшись, и может знать нечто важное. Но сама никого не убивала. Если я это докажу, то заработаю пятьсот долларов. Имею право попробовать. Ничего противозаконного тут нет.

— Конечно, нет, — кивнул Уэббер. — И если бы вы меня окончательно убедили, я бы первый стал вам помогать. Правда, жену Кингсли мы пока не нашли, но и времени у нас почти не было. Однако помогать вам подсаживать одного из моих парней я не буду.

— Я слышал, как вы назвали Дегармо Элом, — сказал

я. — Но я имел в виду Олмора. Его имя Альберт, сокращенно — тоже Эл.

Уэббер посмотрел на свой большой палец и спокойно сказал:

— Но доктор не был женат на этой девице. А Дегармо был. Она ему, кстати, устроила веселую жизнь. После ее штучек в нем и завелась вся эта дрянь.

Я замер и, помолчав, сказал:

— Я и не подозревал. Кое-что теперь яснее. Что это была за девушка?

— Стерва, правда умная и привлекательная. С мужчинами делала что хотела. Могла заставить их валяться у себя в ногах. Но скажите против нее хоть слово, и этот бешеный придурок тут же оторвет вам голову: не может ее забыть, хоть она с ним и развелась.

— Он слышал, что она мертва?

Уэббер с минуту молчал.

— Говорить он об этом не говорил. Но, видимо, слышал, если в горах погибла именно она.

— Насколько мне известно, он ее там так и не нашел.

Я поднялся на ноги и наклонился над столом:

— Вы меня не разыгрываете, капитан?

— Ни капельки. Такие мужчины тоже встречаются, и женщины выют из них веревки. Только не подумайте, будто он искал ее, чтобы убить.

— Ничего я не думаю, — сказал я. — Но чем черт не шутит. Интересно, хорошо ли он знает тамошнюю местность. Тот, кто ее убил, знал досконально.

— Все это, надеюсь, останется между нами, — сказал Уэббер.

Я кивнул, но ничего не пообещал. Затем, еще раз попрощавшись, ушел. Он смотрел мне вслед, и вид у него был недовольный и грустный.

«Крайслер» стоял на полицейской стоянке сбоку здания. Ключи были на месте, а крылья не покорежены. Слова своего Куни не сдержал. Я доехал до Голливуда и поднялся в свою квартиру в «Бристоле». Часы показывали около двенадцати.

В зеленом со слоновой костью коридоре было пусто и тихо, только в какой-то из квартир трезвонил телефон. Когда я подошел к своей двери, звук стал громче. Я ее открыл. Надрывался именно мой телефон.

Я прошел в темноте через комнату к дальней стене, где

на дубовой полочке стоял аппарат. С тех пор как я открыл дверь, он выдал не менее десяти звонков.

Я поднял трубку. Звонил Дерас Кингсли. Голос у него был напряженный, ломкий:

— Черт! Где вас носит? Который час не могу дозвониться.

— Теперь дозвонились, — сказал я. — В чем дело?

— Она объявилась.

Я крепко сжал трубку, медленно втянул в легкие воздух и так же медленно выпустил его:

— Дальше.

— Я почти рядом. Буду у вас через пять-шесть минут. Готовьтесь в дорогу, — сказал он и нажал на рычаг.

Я стоял как столб, зажав трубку в руке. Затем положил ее на место и посмотрел на свои пальцы. Они были напряжены и полусжаты, словно все еще что-то держали.

28

В дверь осторожно постучали, и я пошел открывать. Кингсли выглядел огромным, как бегемот. Он был в вязаном спортивном жакете кремового цвета и желтом с зеленым шарфе под поднятым воротником. На голове низко сидела шляпа коричневатых оттенков, глаза под мягкими полями казались больными, словно у раненого животного.

Рядом с ним, в брюках, сандалиях, темно-зеленом плаще и без шляпки стояла мисс Фромсет. Ее черные волосы зловеще поблескивали, в ушах болтались маленькие сережки в виде цветков гардении — два цветка под каждой мочкой. Вместе с ней в квартиру ворвался запах «Жемчужины Гиллерлейнов. Королевы благовоний».

Я закрыл дверь, махнул рукой в сторону кресел и сказал:

— Выпивка, думаю, никому из нас не помешает.

Мисс Фромсет села, положила ногу на ногу и осмотрелась в поисках сигарет. Найдя пачку, она закурила, размашистым, эффектным жестом потушила спичку и холодно улыбнулась в потолок.

Кингсли застыл посередине комнаты, крепко сжав губы. Я отправился на кухню, смешал три коктейля и, подав их гостям, устроился со своим бокалом на стуле у шахматного столика.

— Чем были заняты и что у вас с ногой? — спросил Кингсли.

— Меня лягнул страж закона. Подарок от полиции Бей-Сити. Такие подарки раздают там направо и налево. Что касается занятий, то я просто посетил тюрьму — за вождение машины в пьяном виде. И, судя по выражению на вашем лице, мне не миновать ее снова.

— Не понимаю, о чем вы, — резко сказал он. — Совершенно не понимаю. Нашли время шутить!

— Хорошо, не буду. Так что она сказала и где она?

Не выпуская своего бокала, он сел, пошевелил пальцами правой руки и, сунув ее во внутренний карман жакета, вытащил длинный конверт.

— Нужно ей это передать. Здесь пятьсот долларов. Она просила больше, но сейчас негде взять. И так с трудом дали по чеку в ночном клубе. Ей надо срочно уехать из города.

— Из какого? — спросил я.

— Из Бей-Сити. Где она там остановилась, не знаю. Но с вами у нее встреча в «Ленивом павлине» на бульваре Аргуеяло, около Восьмой улицы.

Я посмотрел на мисс Фромсет. Она все еще глядела в потолок, словно ее ничего не касалось.

Кингсли бросил конверт на полированный шахматный столик. Я заглянул в него. Все нормально — там действительно были деньги. Я их оставил лежать, где лежат, и в недоумении спросил:

— А почему бы ей не снять свои собственные? Чек на наличные обменяют в любом отеле. Или ей уже закрыли счет?

— Все эти разговоры ни к чему, — веско сказал Кингсли. — Она в беде. Правда, не пойму, откуда она узнала, что ей грозит опасность. Разве полиция уже объявила о розыске?

Я ответил, что не знаю, мне было недосуг слушать их сообщения. Я вел беседы с самими полицейскими, лицом к лицу.

— Ей рискованно куда-либо соваться со своими чеками. Раньше было можно, а теперь нельзя, — сказал Кингсли и, медленно подняв глаза, посмотрел на меня отсутствующим взглядом.

— Ну хорошо, пусть так. Хотя, честно говоря, не вижу тут никакой логики. Значит, она в Бей-Сити. Вы с ней сами говорили?

— Нет. Разговаривала мисс Фромсет. Кристл позвонила в контору как раз в конце рабочего дня, но у меня сидел полицейский из Бей-Сити, некий капитан Уэббер. Мисс Фромсет, естественно, попросила ее перезвонить чуть позже. Свой телефон Кристл не оставила.

Я посмотрел на мисс Фромсет. Она оторвала взор от потолка и перевела его мне на макушку. Глаза у нее были словно задернуты занавесками.

— Я и не хотел с ней говорить, — продолжал Кингсли. — А она не хотела говорить со мной. Видеть ее я тоже не хочу. Теперь нет сомнений, что именно она застрелила Лавери. Уэббер в этом уверен.

— Одни слова. Ему не обязательно говорить то, что он думает на самом деле. Но все же — откуда она узнала, что полиция ее разыскивает? Вот вопрос. Не подслушивала же она ради удовольствия их переговоры по рации. Ладно, оставим. Итак, она перезвонила позже. И что?

— Было уже полседьмого. Пришлось сидеть в конторе и ждать звонка, — сказал Кингсли и повернул голову к девушке. — Сами ему расскажите.

— Я сняла трубку в кабинете мистера Кингсли, — сказала мисс Фромсет. — Он сидел рядом со мной. Она потребовала, чтобы деньги подвезли к «Павлину», и спросила, кто их доставит.

— Испуга в голосе не было?

— Ни капельки. Он звучал совершенно спокойно. Даже показался мне каким-то ледяным. Она все до мелочей продумала. Например, догадалась, что деньги, скорее всего, привезет кто-то посторонний, не Дерри... я хотела сказать — не мистер Кингсли...

— Можете звать его Дерри. Я пойму о ком речь.

Она чуть улыбнулась и продолжала:

— В общем, миссис Кингсли будет заходить в «Ленивого павлина» каждый час, в первые десять-пятнадцать минут. Я... я подумала, что поедете вы, и описала ей именно вас. Но вы должны надеть шарф Дерри. Я ей про него сказала. Он держит кое-какие вещи у себя в конторе, а этот шарф вполне приметный.

Приметный? Не то слово. Точно в яичные желтки воткнули ярко-зеленые стручки фасоли. Я был бы менее приметен, если бы вломился туда с красно-бело-голубой тачкой.

— Не такая уж она и дура, — сказал я. — Все рассчитала.

— Сейчас не до шуток, — оборвал меня Кингсли.

— Не повторяйтесь, — сказал я. — Вы что, действительно думаете, будто я поеду и передам ей деньги на отъезд, когда у нее на хвосте полиция?

Он помял рукой колено, и его лицо исказила кривая улыбка:

— Рискованно, согласен. Ну так как, поедете?

— Мы все делаемся соучастниками преступления, ук-
рывателями. Муж и его личная секретарша еще как-нибудь
да выкрутятся. А куда они отправят отдыхать меня, никого
не волнует.

— Я готов заплатить за риск, — сказал Кингсли. — К
тому же мы не будем соучастниками, если она невиновна.

— Тут вы правы. Иначе я бы с вами и не разговаривал.
Кроме того, если я решу, что она убийца, то сдам ее в по-
лицию.

— Говорить с вами она не станет.

Я взял со стола конверт и сунул в карман.

— Станет, иначе не получит деньги. — Я посмотрел на
свои часы. — Если отправиться прямо сейчас, можно успе-
ть к пятнадцати минутам второго. В баре к этому часу
ее уже успели разглядеть с ног до головы. Чертовски при-
ятно!

— Она перекрасилась в каштановый цвет, — сказала
мисс Фромсет. — Может быть, это хоть как-то поможет...

— Считать ее невинной путешественницей? Не помо-
жет.

Я прикончил коктейль и встал. Кингсли проглотил свой
одним махом, тоже встал и, сняв с шеи шарф, протянул
мне.

— Почему к вам в Бей-Сити привязалась поли-
ция? — спросил он.

— Мисс Фромсет любезно раздобыла мне кое-какую ин-
формацию, и я взялся за поиски некоего Талли, который
расследовал дело миссис Олмор. В результате угодил в
каталажку — полицейские следили за его домом. — Я
повернулся к стройной темноволосой мисс Фром-
сет: — Сами объясните мистеру Кингсли что к чему. У
меня сейчас нет времени на подробности. Да они и не
имеют особого значения. Вы, друзья, останетесь пока
здесь?

Кингсли отрицательно помотал головой:

— Поедем ко мне и будем ждать вашего звонка.

Мисс Фромсет поднялась и зевнула:

— Я устала, Дерри. Хочу домой и спать.

— Придется поехать со мной, — сказал он, как отре-
зал. — А то я с ума сойду в одиночестве.

— Где вы живете, мисс Фромсет? — спросил я.

— Здание «Брайзон» на Сансет-плейс, квартира

716. — Она окинула меня оценивающим взглядом. — А зачем вам?

— Мало ли что понадобится.

Лицо Кингсли было раздраженным, но глаза все еще оставались печальными, как у раненого животного. Я накрутил его шарф себе на шею и отправился в кухню, чтобы выключить свет. Когда я вернулся, они оба стояли у двери. Кингсли обнимал ее одной рукой за плечи. Она казалась усталой и не особенно довольной.

— Я... я надеюсь... — начал было он, затем вдруг шагнул ко мне и протянул руку. — Вы отличный парень, Марло.

— Бросьте, — сказал я. — И катитесь отсюда.

Он как-то странно посмотрел на меня и вышел.

Я подождал, пока они вызвали лифт, захлопнули двери и уехали вниз, затем сам сбежал по лестнице в подвальный гараж и снова сел в «крайслер».

29

Узкий фасад «Ленивого павлина» выходил на бульвар рядом с магазинчиком подарков, в витрине которого поблескивали в уличных огнях маленькие хрустальные зверюшки. Облицованный черепицей вход украшал мягко подсвеченный витраж с павлином. Я зашел внутрь, обогнул китайскую ширму и, оглядев бар, сел с краю в маленькой кабинке. Янтарный свет, ярко-красная кожа кресел, пластиковые столики. В одной из кабинок, уныло, с остекленевшими от скуки глазами потягивали пиво четыре солдата. Напротив них за столиком разговаривали две девушки и двое разодетых мужчин. Никого, кто бы отвечал моим представлениям о Кристл Кингсли, я не заметил.

Худой официант с лицом, как обглоданная кость, и злыми глазками положил на мой столик салфетку с вышитым павлином и принес коктейль «бакарди». Я сделал глоток и посмотрел на янтарный циферблат часов над баром. Стрелка слегка перевалила за пятнадцать минут второго.

Один из мужчин, сидевших с девушками, внезапно встал и вышел.

— Зачем ты его обидела? — раздался голос второго мужчины.

— «Обидела»? Скажите, пожалуйста! — зазвенел женский голосок. — А знаешь, что он мне предложил?

— Но обижать-то зачем? — проворчал мужчина.

Один из солдат вдруг басисто хохотнул, но тут же загорелой рукой как бы стер с лица улыбку и запил ее пивом. Я потрогал ногу. Под коленом все еще саднило.

В бар с утренними газетами вбежал парнишка-мексиканец, маленький, с бледным лицом и огромными черными глазами. Он затрусил вдоль кабинок, надеясь продать пару номеров до того, как бармен выгонит его. Я купил газету, чтобы посмотреть, нет ли какого-нибудь интересного убийства, но ничего не нашел.

Я сложил ее и тут увидел, что в баре откуда-то появилась и, не глядя ни на кого, идет вдоль кабинок стройная шатенка в черных брючках, желтой блузке и длинном сером жакете. Я сразу не смог сообразить, знакома она мне или просто у нее одна из тех худощавых, грубовато-привлекательных мордашек, которые видишь на улице тысячами. Шатенка тем временем скрылась за ширмой у выхода. Через две минуты в зал вернулся парнишка с газетами и, стрельнув глазами в сторону бармена, подскочил к моему столику.

— Мистер, вас. — И с хитроватым блеском в огромных глазах, поманив меня пальцем, он убежал.

Я допил коктейль и вышел за ним. Девушка в сером жакете, желтой блузке и черных брюках стояла у магазина подарков и разглядывала витрину. Когда я появился в дверях, она скосила глаза в мою сторону. Я подошел.

Она повернулась и еще раз взглянула на меня. Лицо у нее было бледное, усталое, волосы казались совсем темными. Снова отвернувшись к стеклу, она сказала:

— Отдайте мне, пожалуйста, деньги.

От ее дыхания на зеркальной витрине появилось мутное пятнышко.

— Я еще не знаю, кто вы.

— Знаете, — тихо проговорила она. — Сколько вы принесли?

— Пятьсот.

— Мало, — сказала она. — Очень мало. Давайте быстрее. Я прождала вас тут целую вечность.

— Где мы можем поговорить?

— Это необязательно. Отдайте деньги, и разойдемся в разные стороны.

— Не спешите. Не все так просто. Я играю с огнем и хочу по крайней мере знать, что творится и чем я рискую.

— Черт вас подери, — зло сказала она. — Почему он не явился сам? Не желаю ни с кем разговаривать. Мне надо быстрее уехать.

— Вам же самой не хотелось его видеть. Он сказал, что вы даже не пожелали говорить с ним по телефону.

— Верно, — бросила она и тряхнула волосами.

— Но со мной поговорить придется, — сказал я. — Так просто, как он, я не отстану. Со мной или с полицией. Выбирайте. Я — частный сыщик, и некоторая предосторожность мне совсем не помешает.

— До чего он мил. — В ее голосе звучала издевка. — Без сыщиков никуда.

— Он хотел, как лучше. Самому ему трудно было решить, что предпринять.

— О чем вы хотите говорить?

— О вас. Где вы были, что делали, куда собираетесь и тому подобное. Ничего особенного, но для меня это важно.

Она дыкнула на стекло витрины и подождала пока пятно исчезнет.

— Для вас же лучше, — сказала она холодным ровным тоном, — отдать деньги и оставить меня в покое.

— Нет.

Она еще раз искоса взглянула на меня и нетерпеливо пожала плечами.

— Что же. Нет так нет. Я остановилась в «Гранаде». Это два квартала к северу по Восьмой улице. Квартира 618. Только дайте мне минут десять. Я хочу пойти одна.

— У меня машина.

— Я предпочитаю сама.

Она быстро повернулась и ушла. Дойдя до угла, она пересекла бульвар и исчезла в тени деревьев. Я сел в «крайслер» и подождал десять минут.

Некрасивое серое здание «Гранады» стояло на углу. Входная дверь без крыльца была из зеркального стекла. Я повернул машину за угол и увидел вывеску «Гараж». Съехав по спуску, я оказался в пропахшей резиной тишине среди рядов автомобилей. Из стеклянной кабинки вышел долговязый негр и оглядел «крайслер».

— Я хочу ненадолго оставить машину и подняться наверх. Сколько это будет стоить?

Он хитро посмотрел на меня.

— Уже поздно, босс. И смахнуть пыль не мешает. Доллар.

— Ничего себе!

— Доллар, — повторил он деревянным голосом.

Я выбрался из машины и протянул ему кушурю. Он дал мне взамен квитанцию и уже бесплатно добавил, что лифт находится за его кабинкой, около мужского туалета.

Я поднялся на шестой этаж и двинулся по коридору, разглядывая цифры на дверях, прислушиваясь к тишине и вдыхая морской воздух, ползущий из балконных дверей. Заведение выглядело довольно пристойно. Как и всюду, здесь, видимо, проживали несколько веселых дам, что и объясняло поборы. Крупный психолог этот долговязый!

Я подошел к двери под номером 618, постоял чуточку снаружи и тихо постучал.

На ней был тот же серый жакет. Она отступила от входа, и я прошел в квадратную комнату с двумя вделанными в стену кроватями. Маленькая лампа на столике у открытого окна тускло освещала желтым светом скудную, неинтересную мебель.

— Садитесь и спрашивайте, — она закрыла дверь, пересекла комнату и устроилась в деревянной качалке с высокой резной спинкой. Я сел на мягкую кушетку в другом углу. У ее края, на двери, ведущей, видимо, в гардеробную и ванную, висела тускло-зеленая портьера. На противоположной стороне была дверь в кухню. Вот и вся обстановка.

Она скрестила ноги, откинула голову на спинку и посмотрела на меня из-под длинных подкрашенных ресниц. Брови у нее были тонкие, изогнутые, такого же каштанового цвета, как и волосы, а лицо спокойное, скрытное. Лицо женщины, которая не станет суетиться по пустякам.

— Со слов Кингсли я представлял вас совсем другой, — сказал я.

Ее губы слегка изогнулись. Она промолчала.

— И со слов Лавери тоже, — продолжал я. — Это доказывает, что с разными людьми мы ведем себя по-разному и говорим на разных языках.

— У меня нет времени на такие беседы, — сказала она. — Что вы хотели узнать?

— Кингсли нанял меня, чтобы я вас разыскал. Я старался. Вы, видимо, в курсе.

— Да. Его подружка из конторы объяснила все по телефону. Она сказала, что вас зовут Марло, и описала шарф.

Я снял шарф, сложил его и засунул в карман.

— Кое-что о ваших скитаниях мне известно, — сказал я. — Но далеко не все. Я знаю, например, что вы бросили машину в отеле «Прескот» в Сан-Бернардино и встретились там с Лавери. Знаю о телеграмме из Эль-Пасо. А что было потом?

— Мои поездки вас не касаются. Мне сейчас нужны лишь деньги.

— Не стоит спорить. Если нужны, рассказывайте.

— Что ж, ладно. Потом мы с Крисом отправились в Эль-Пасо. Я собиралась за него замуж и послала Кингсли телеграмму. Вы ее читали?

— Да.

— Но потом передумала. Я попросила его оставить меня в покое и ехать домой. Он закатил сцену.

— Но все же уехал?

— Конечно.

— Что вы делали дальше?

— Отправилась в Санта-Барбару и какое-то время жила

там. Больше недели. Затем поехала в Пасадину. Затем в Голливуд. Наконец, приехала сюда. Вот и все.

— Вы путешествовали в одиночестве?

Она немного помялась:

— Да.

— Без Лавери?

— Естественно без, с того момента как он уехал.

— А смысл?

— Смысл чего? — ее голос прозвучал чуть резковато.

— Зачем вы мотались по всем этим местам, не сообщив никому ни слова? Вы же знали, что он будет волноваться.

— Вы имеете в виду мужа? — спросила она невозмутимо. — Мне до него нет дела. К тому же, он считал, что я в Мексике. Что до смысла в целом... что ж, мне нужно было разобраться в своей жизни. Я ее совершенно запутала и хотела побыть одна, спокойно подумать.

— До этого вы провели целый месяц на Оленьем озере и тоже пытались разобраться в своей жизни. Но безуспешно. Так?

Она поглядела на свои туфли, на меня и серьезно кивнула головой. Волнистые каштановые пряди упали при этом ей на щеки. Подняв левую руку, она убрала их и потерла пальцем висок.

— Мне хотелось перемен. Хотелось пожить в других городах. Не обязательно интересных городах. Просто незнакомых, не связанных с прошлым. Где я была бы одна, как в гостинице.

— Ну и как, получилось?

— Не очень. Но к Дерасу Кингсли я не вернусь. А он что, хочет этого?

— Не знаю. Но зачем вы приехали сюда, в город, где обосновался Лавери?

Она прикусила зубами костяшку пальца и посмотрела на меня поверх руки.

— Хотела увидеть его снова. Не все так просто. Я вроде бы не влюблена, и все же... все же по-своему влюблена. Однако замуж за него не хочу. Вам это понятно?

— Это понятно. Непонятно другое — к чему вам понадобилось жить в неудобных гостиницах? Насколько я знаю, вас и дома уже давно никто не стесняет.

— Мне нужно было побыть одной и... и подумать, — сказала она почти с отчаяньем и опять прикусила костяшку пальца, теперь покрепче. — Отдайте, пожалуйста, деньги и уходите.

— Сейчас отдам. А каких-либо других причин для отъезда из Пумфей Вершины у вас не было? Скажем, что-нибудь, связанное с Мьюриел Чесс?

Она удивилась. Удивляться, как известно, никому не запрещено.

— Господи! Что может быть общего между мной и этим ничтожеством с замороженной физиономией?

— Вы могли поссориться из-за Билла.

— Из-за Билла? Билла Чесса? — Она еще больше удивилась. Пожалуй, даже чересчур.

— Билл утверждает, что вы его соблазнили, — сказал я. Запрокинув голову, она пронзительно, несколько деланно расхохоталась:

— Господи! Соблазнять эту неумытую пьянь? — Ее лицо внезапно стало серьезным. — Что случилось? Вы явно что-то недоговариваете.

— Может, он действительно пьянь, — сказал я. — Но полиция ко всему прочему считает его еще и убийцей. Мьюриел недавно выловили из озера. Она пролежала там целый месяц.

Она провела языком по губам и, склонив голову набок, уставилась на меня. Воцарилась недолгая тишина. Комнату наполняло сырое дыхание океана.

— Вот, значит, чем все кончилось, — медленно произнесла она. — Ничего странного. Они без конца ссорились. Так вы полагаете, ее смерть как-то связана с моим отъездом?

— Такая возможность не исключена, — кивнул я.

— Никакой связи тут нет. — Она с серьезным видом потрянула головой. — Мое отношение к этой паре я уже объяснила. Добавить мне нечего.

— Мьюриел утонула в озере, — сказал я. — Вас эта смерть ни капли не трогает?

— Мы с ней почти не общались. Она была очень нелюбимой. И в конце концов...

— А вы не знали, что одно время Мьюриел работала у доктора Олмора?

Теперь она, казалось, была в полном недоумении.

— Я ни разу не заходила к нему в приемную, — медленно проговорила она. — Когда-то он несколько раз навещал меня на дому. Я... я ничего не могу понять.

— Мьюриел Чесс была медсестрой у доктора Олмора. Ее настоящее имя — Милдред Хэвиленд.

— Какое-то странное совпадение, случайность, — сказала она озадаченно. — Билл познакомился с ней в Риверсайде. При каких обстоятельствах они встретились или откуда она родом, я и знать не знаю. Выходит, тут еще замешан и доктор Олмор. Ну и что? Разве это важно?

— Пожалуй, нет. Действительно, совпадение. Бывает. Но теперь вы понимаете, зачем мне понадобился этот разговор? Вы уезжаете, Мьюриел находят в озере; затем оказывается, что это Милдред Хэвиленд, когда-то связанная с

Олмором, с которым так или иначе связан и Лавери, живущий через дорогу. Кстати, вам не показалось, что Лавери знал Мьюриел и раньше?

Она задумалась, слегка покусывая нижнюю губу, и наконец ответила:

— Думаю, они впервые встретились на Оленьем озерце. Во всяком случае, вел он себя так, будто увидел ее в первый раз.

— Не мудрено, если вспомнить, каким человеком он был.

— Мне кажется, Крис не общался с доктором Олмором. Вот жену его он знал. А доктора, скорей всего, нет. Следовательно, не был знаком и с его медсестрой.

— Жаль, но все это мне ничего не дает. Правда, вы хоть понимаете теперь, что нам было необходимо поговорить. Вот ваши деньги. Держите.

Я вынул конверт, встал, бросил его ей на колени и снова сел. Она к нему и не притронулась.

— Вы отлично сыграли роль, — продолжал я. — Этакая невинность в бедственном положении! Нотки решительности и скорби тоже удались. Нет, люди к вам явно несправедливы. Они считают вас безмозглой и не умеющей владеть собой. Очень ошибаются.

Подняв брови, она молча уставилась на меня. Ее губы тронула чуть заметная улыбка. Она взяла конверт, похлопала им себя по колену и, все еще не отрывая от меня взгляда, положила на стол.

— И роль миссис Фолбрук у вас получилась. Теперь-то я вижу, где вы слегка пережали, но в тот момент поверил полностью. Лиловая шляпка, которая подошла бы блондинке, но на плохо причесанных каштановых волосах смотрелась просто чудовищно, грубая косметика, будто ее накладывали в темноте вывихнутой рукой, суетливо-эксцентричные манеры. Но в целом прекрасно! А когда вы вдруг протянули мне пистолет, я почувствовал себя бревно-бревном.

Она сдавленно фыркнула и засунула руки в карманы жакета. Ее каблук выбивали по полу дробь.

— Но зачем вы туда вернулись? — спросил я. — Утром, да еще таким поздним. Рискованно.

— Значит, вы думаете, что это я застрелила Криса Лавери?

— Я не думаю, я уверен.

— И хотите знать, почему я вернулась?

— По правде говоря, не очень.

Она издала резкий, холодный смешок:

— У него остались мои деньги. Этот фрукт очистил мой кошелек. Даже мелочь забрал. Вот я и вернулась. А риска никакого. Я знала, как он жил. Пришла занести, к примеру, молоко или газету. Люди в подобных ситуациях теряют

голову. А я не потеряла. С какой стати? Куда безопаснее сохранять спокойствие.

— Понятно, — сказал я. — Значит, вы его застрелили накануне ночью. Мне бы следовало догадаться, хотя это и не имеет теперь значения. Он ведь в тот момент брился. А мужчины с темной щетиной, бывает, бреются и на ночь, особенно когда у них подружка.

— Бывает, — почти весело подтвердила она. — Ну и что вы собираетесь делать?

— Таких бесчувственных стервоз мне еще видеть не приходилось, — сказал я. — Что собираюсь делать? Само собой, сдам вас в полицию. При этом с удовольствием.

— Не выйдет, — она говорила отрывисто, с торжеством. — В тот раз вы удивились, почему я отдала вам незаряженный пистолет. А зачем он? У меня есть другой. Вот этот.

Она выхватила из кармана пистолет и наставила его на меня.

Я улыбнулся. Может быть, не особенно искренне, но все же улыбнулся.

— Мне никогда не нравились подобные сцены, — сказал я. — Сыщик находит убийцу. Убийца вытаскивает пистолет, направляет его на сыщика и рассказывает все мрачные подробности дела, зная, что потом выстрелит. Пустая трата времени. Выстрела, как правило, не получается. Что-нибудь обязательно да помешает. Ведь богам такие сцены тоже не по душе — они всегда их портят.

— Предположим, что на этот раз все сложится по-другому, — сказала она тихо и, встав с качалки, двинулась по ковру в мою сторону. — Предположим, мне ничто не помешает, и я не буду больше ничего вам рассказывать, а просто застрелю.

— Тогда сцена понравится мне еще меньше, — сказал я.

— Вы вроде бы не боитесь. — Она сделала еще один шаг в мою сторону, совершенно неслышный на ковре, и облизнула губы.

— Не боюсь, — соврал я. — Сейчас ночь, тишина, и при открытых окнах выстрел наделает много шума. А на улицу отсюда быстро не выскочишь. К тому же, вы паршиво стреляете. Промахнетесь. В Лавери вон три раза промахнулись.

— Встать! — приказала она.

Я встал.

— Я слишком близко, чтобы промахнуться. — Она ткнула дулом мне в грудь. — Теперь уж точно не промахнусь. Стойте спокойно. Поднимите руки и не двигайтесь. Иначе буду стрелять.

Я поднял руки и посмотрел на пистолет. Язык у меня, казалось, распух, но все же еще ворочался.

Левой ладонью она хлопала меня в поясах оружия. Потом, закусив губу, уронила руку вдоль тела.

— Теперь повернитесь, — попросила она вежливо, как закройщик на примерке.

— Вы все делаете как-то неумело, — сказал я. — И с пистолетом обращаться совсем не умеете. Во-первых, находитесь слишком близко от меня. Во-вторых... мне неловко говорить, но вы забыли про предохранитель.

Она решила сделать оба дела сразу — отступить назад и, не спуская с меня глаз, нащупать большим пальцем защелку предохранителя. На это требуется секунда. Но мои советы, видно, действовали ей на нервы. Не нравилось слушаться указаний. Это небольшое замешательство и выбило ее из колеи.

Выкинув правую руку, я крепко прижал ее лицом к себе. Она издала полуприглушенный возглас. Левой ладонью я ударил ее по правому запястью, зацепив большой палец. Пистолет упал на пол. Она судорожно пыталась освободиться и, казалось, вот-вот закричит. Затем, попытавшись меня лягнуть, совсем потеряла равновесие. Ее ногти рванулись к моему лицу. Я успел ухватить запястье и стал выкручивать ее руку за спину. Сил ей было не занимать, но я все же оказался чуточку сильнее. Тогда она поджала ноги и всем телом повисла на руке, которой я прижимал к своей груди ее голову. Удержать такую тяжесть я не мог, и пришлось согнуться.

Тяжело дыша, мы топтались у кушетки, и если бы доски пола заскрипели, я бы все равно не услышал. Мне, правда, показалось, что на карнизе звякнуло кольцо портьеры. Но уверенности не было, как не было и времени соображать. Внезапно, слева и чуть сзади возникла неясная фигура. Я понял, что это человек, очень крупный человек.

Больше я ничего не успел сообразить. Перед глазами у меня вспыхнуло, и наступил мрак. Я даже не почувствовал удара. Вспышка, мрак, а перед мраком — резкая тошнота.

31

Я пах джином. Пах совсем не так, как после четырех-пяти рюмок, выпитых натошак зимним утром, чтобы легче было встать с кровати, а так, будто сиганул с палубы в океан спиртного. Джин сох у меня на волосах, на бровях, на подбородке, под подбородком. Джином несло от рубашки. Я весь смердел им, как старый пропойца.

Лежал я спиной на ковре рядом с какой-то кушеткой, лежал без пиджака. Перед глазами у меня висела картина в раме из дешевого лакированного дерева. Изображала она

кусок очень высокого желтоватого виадук, по которому блестящий черный паровозик тащил голубые вагоны. Сквозь одну из огромных арок виднелся широкий желтый пляж, усыпанный загорающей среди полосатых грибков публикой. На переднем плане шли три девушки с летними зонтиками, первая в вишневом платье, вторая в голубеньком, третья в зеленом. За пляжем широкой дугой простирался под палящим солнцем до умопомрачения лазурный залив с полумесяцами белых парусов. От залива в три этажа поднимались цепи гор совершенно разного цвета: золотистые, терракотовые и лавандовые.

Внизу картины была надпись большими буквами: «Приезжайте на Французскую Ривьеру голубым экспрессом».

Самое время помечтать о Ривьере!

Я с трудом поднял руку и пощупал затылок. Так и есть, шишка. Боль от прикосновения пронзила меня до самых пят. Я застонал, но тут же перевел стон в ворчание — все благодаря профессиональной гордости, вернее, благодаря ее остаткам. Потом мне удалось осторожно перевернуться на живот, и я уткнулся в ножку одной из двух убирающихся в стену кроватей. Разводы на мореном дереве показались мне знакомыми. Да и картина, видимо, все время висела над кушеткой, только я не обращал на нее внимания.

Когда я перевернулся, с моей груди на пол упала квадратная бутылка из-под джина, очень прозрачная, совсем пустая. Трудно было поверить, что в одной бутылке может уместиться столько жидкости.

Подтянув под себя колени, я встал на четвереньки, фыркая, как собака, которой уже не под силу доесть мясо, но и бросать не хочется. Потом тряхнул головой. Больно! Тряхнул еще раз. Опять больно! Тогда я встал на ноги и обнаружил, что на мне нет ботинок. Они валялись у плинтуса и выглядели какими-то совсем беспутными. Я с трудом в них влез. Мне казалось, что я старик, бредущий по последнему склону к пропасти. Но зубы у меня были еще целы. Я провел по ним языком. Джина во рту не чувствовалось.

— Ты еще все вспомнишь, — сказал я сам себе. — Когда-нибудь все вспомнишь, и тебе станет противно.

На столике у окна — лампа. У стены — мягкая зеленая кушетка. Зеленые портьеры на дверях... Нельзя сидеть спиной к зеленым портьерам. Добром не кончается... А кому я это сказал? Девушке с пистолетом в руке. Девушке с опустошенным лицом и каштановыми волосами, которые раньше были светлыми. А где она?

Я повернул голову. Она была все еще здесь. Лежала на откидной кровати, абсолютно голая, если не считать бежевых чулок.

Волосы спутаны. На шее темные пятна и синяки. Рот открыт, и из него торчит раздувшийся язык. Глаза выпучены, а белки совсем не белые.

Поперек голого светлого живота ярко алеют четыре свирепые царапины. Глубокие, яростные, прокорябанные в гневе ногтями.

Спутанной кучей на кушетке валялась одежда, в основном се одежда. И мой пиджак. Я стал его вытаскивать и почувствовал, как под пальцами что-то хрустнуло. Это был длинный конверт с деньгами. Я положил его в карман и надел пиджак. Вручить: пятьсот долларов. Кому: Марло! Я надеялся, что все деньги целы. А на что еще можно надеяться в такой ситуации?

Осторожно ступая на всю ступню, словно по тонкому льду, я сделал пару шагов и наклонился, чтобы потереть под коленом. Не знаю, что болело больше — нога или голова.

В коридоре вдруг послышались тяжелые шаги и глухой рокот голосов. Шаги затихли у двери. Разнесся сильный стук кулаком.

Я стоял в комнате и, оскалив зубы, зло смотрел на дверь. Сейчас она откроется, и кто-то войдет. Ручку подергали, но никто не вошел. Опять раздался стук и рокот голосов. Шаги удалились. Долго ли привести хозяина с запасным ключом? Не очень.

Во всяком случае, добраться домой с Французской Ривьеры Марло не успеет.

Я поплелся к зеленой портъере, отодвинул ее, через небольшой темный коридорчик прошел в ванную комнату и зажег свет. Два коврика на полу, третий, резиновый, свешивается с края ванной, в углу — пупырчатое матовое окно. Я запер дверь, встал на ванну и открыл его. Оно было без сетки. Шестой этаж. Выглянув, я увидел узкую полосу улицы с деревьями. Сбоку, не более трех футов от меня находилось окно соседней ванной. Ядреной горной козе не составило бы труда перемахнуть это расстояние.

А измордованному частному сыщику? К тому же поди знай, что его там ждет.

Далекий, приглушенный голос за дверьми что-то бубнил, видимо избитую полицейскую угрозу: «Открывайте, не то вышибем дверь». Я ухмыльнулся. Как правило, они вышибают двери ногами, и ногам приходится не сладко. Поэтому полицейские очень жалеют свои ноги. Ничего на свете они не жалеют так, как ноги.

Сорвав с крюка полотенце, я открыл обе половинки окна и уселся на подоконник. Держась правой рукой за раму, дотянулся до соседнего окна. Оно оказалось закрытым. Я вытянул ногу и ударил по стеклу в том месте, где шпингалет. Звон раздался такой, что, наверно, услышали в Рино.

Обернутой полотенцем левой рукой мне удалось отомкнуть замок. Внизу по улице проехала машина, но крика никто не поднял.

Распахнув разбитое окно, я перебрался на соседний подоконник. Полотенце выскользнуло у меня из рук и упорхнуло в темноту, на далекий газон между крыльями дома.

Я пролез в чужую ванную.

32

В ней было хоть выколи глаз. На ощупь я пробрался к двери, открыл ее и прислушался. Мутный свет луны из северных окон осветил две застеленные кровати. Квартира оказалась больше соседней, и кровати в ней стояли обычные, не убирающиеся в стену. Я прошел мимо них в гостиную. В обеих комнатах окна были закрыты и отдавало затхлостью. Я нашел лампу, щелкнул выключателем и провел пальцами по краю стола. Его покрывал тонкий слой пыли, которая всегда собирается даже в чистых, но оставленных без присмотра помещениях.

Я огляделся: большой обеденный стол, кабинетный при-емник, журнальный столик, похожий на больничную каталку, огромный книжный шкаф, набитый романами в суперобложках, и высокая тумбочка из темного дерева, где стояли сифон, хрустальный графин и четыре стакана — вверх дном на медном индийском подносе. Рядом поблескивали две фотографии в одной серебряной рамке, изображавшие еще не старых мужчину и женщину со свежими круглыми лицами и доброжелательными глазами. Хозяйка смотрела на меня так, будто не имела ничего против вторжения.

Я понюхал жидкость в графине, хлебнул и почувствовал себя от виски лучше, хотя голова заболела сильнее. Потом зажег свет в спальне и раскрыл стенные шкафы. В одном из них оказалась куча пошитой на заказ мужской одежды. Ярлык на внутреннем кармане пиджака подсказал мне, что имя владельца — Х. Г. Толбот. Я залез в комод и вскоре отыскал мягкую синюю рубашку, правда, чуть меньше моего размера. Пройдя снова в ванную, я разделся, сполоснул лицо, побрызгал водой на грудь, потер сырым полотенцем волосы и напялил синюю рубашку на себя. Потом, обильно смочив голову душистой жидкостью для волос, пригладил ее щетками и расческами мистера Толбота. Джином от меня больше не несло, разве что самую малость.

Поскольку верхняя пуговица на вороте не сходилась, пришлось снова лезть в комод. Я нашел там темно-синий шелковый галстук, повязал его на шею и, надев пиджак,

глянул в зеркало. Вид у меня стал слишком аккуратным и для такого позднего часа, и даже для такого человека, как мистер Толбот, — судя по одежде, большого педанта. Не только слишком аккуратным, но и слишком трезвым.

Я слегка взъерошил волосы, распустил узел галстука и, вернувшись в гостиную, взялся за графин. Потом закурил сигарету мистера Толбота и утешил себя тем, что он с женой, где бы они ни находились, проводит время лучше. Во мне еще теплилась надежда, что я, бог даст, когда-нибудь их навещу и поблагодарю.

Я подошел к двери в коридор, открыл ее и, попыхивая сигаретой, прислонился к косяку. Я не особенно надеялся, что моя тактика сработает, но ждаль, пока полицейские обнаружат разбитое окно, и пойдут по следу, было еще опаснее.

Чуть дальше по коридору кто-то кашлянул, и я, высунув голову, поймал взгляд полицейского. Это был маленький, ладный человечек в хорошо отглаженной форме, с рыжеватыми волосами и рыжегато-желтыми глазами. Он проворно подскочил ко мне.

Я зевнул и со скукой спросил:

— Что-нибудь случилось?

Он настороженно всматривался в меня:

— Да, небольшое происшествие в соседней квартире.

Вы ничего не слышали?

— Вроде бы слышал стук. Я только пришел.

— Поздновато, — сказал он.

— Это как посмотреть, — сказал я. — А в чем дело?

— Тут жила одна дама. Вы ее знали? — спросил он.

— Вроде бы видел.

— Ну-ну. Глянули бы вы на нее сейчас. — Он взял себя рукой за горло, выпучил глаза и гнусно захрипел. — Такие вот дела. Значит, ничего не слышали?

— Ничего, кроме стука.

— Понятно. А как ваше имя?

— Толбот.

— Минуточку, мистер Толбот. Подождите. — Он прошел несколько шагов по коридору и всунул голову в соседнюю дверь, из которой падал свет. — Эй, лейтенант. Тут объявился сосед.

В дверях появился человек и посмотрел в мою сторону: высокий человек с блеклыми волосами и иссиня-голубыми глазами. Дегармо. Лучше и не придумаешь!

— Жилец из соседней квартиры, — с готовностью представил меня маленький ладный полицейский. — Зовут Толбот.

В ярких голубых глазах Дегармо не было и намека на то, что мы встречались раньше. Он подошел к моей двери, крепкой рукой уперся мне в грудь и втолкнул внутрь ком-

маты. Когда мы оказались футак в шести от двери, он бросил через плечо:

— Заходи, Малыш, и закрой дверь.

Маленький полицейский зашел.

— Норовил улизнуть, — лениво процедил Дегармо. — Возьми-ка его на мушку.

Малыш в момент расстегнул черную кобуру, выхватил пистолет тридцать восьмого калибра и смочил языком губы:

— Ну и дела! — тихо сказал он и присвистнул. — Ну и дела! А как вы догадались, лейтенант?

— О чем догадался? — спросил Дегармо, не спуская с меня глаз. — А ты, приятель, куда собрался? Вниз за газетой? Чтобы прочесть о ее смерти?

— Ну и дела! — повторил Малыш. — Сексуальный маньяк. Содрал с нее всю одежду и придушил. А как вы все же догадались, лейтенант?

Дегармо не ответил. Он стоял, покачиваясь на каблуках, лицо у него было пустое, тяжелое, как гранит.

— Точно, убийца, — внезапно сказал Малыш. — Принюхайтесь, лейтенант. Комнаты не проветривали много дней. На мебели пыль. Часы на каминной полке стоят. А как он сюда пробрался?.. Минутку, лейтенант, сейчас проверю. Можно?

Он выбежал в спальню. Потом я услышал, как он воизится в ванной. Дегармо стоял, не двигаясь.

— Пролез через окно в ванной, — сказал Малыш, вернувшись. — Там осколки стекла. И чертовски несет спиртным. Помните запах, когда мы вошли в ту квартиру? А вот рубашка, лейтенант. Воняет, словно ее выполоскали в джине.

Он поднял рубашку кверху. В воздухе сразу запахло джином. Дегармо рассеянно посмотрел на нее, сделал шаг вперед, распахнул борт моего пиджака и оглядел рубашку, которая была на мне.

— Ясное дело, — казал Малыш. — Стащил у хозяина квартиры. Верно я говорю, лейтенант?

— Да. — Дегармо дотронулся до моей груди и медленно опустил руку. Оба беседовали так, будто меня в комнате и не было.

— Обыщи его, Малыш.

Малыш ощупал меня со всех сторон.

— Ничего нет, — сказал он.

— Выведем его черным ходом, — сказал Дегармо. — Наша добыча, нам и распорядиться. Только надо успеть до приезда Уэббера. Этот петух Рид не заметит и жемчужину в куче навоза.

— Но вы, вроде, не в бригаде, — засомневался Малыш. — Я слышал, вас отстранили.

— Так чего мне терять, раз отстранили? — спросил Дегармо.

— А я могу потерять работу, — сказал Малыш.

Дегармо бросил на него презрительный взгляд. Маленький полицейский вспыхнул, и глаза у него забегали.

— Хорошо, — сказал Дегармо. — Пойди и доложи Риду. Малыш облизал губы:

— Ладно, приказывайте, лейтенант. Я могу и не знать, что вас отстранили.

— Мы отвезем его сами, ты и я.

— Слушаюсь.

Дегармо ткнул пальцем мне в подбородок.

— Сексуальный маньяк, — сказал он спокойно и скупно улыбнулся краешком широкого, жесткого рта. — Такие вот пироги.

33

Мы вышли в коридор и направились в противоположную от соседней квартиры сторону. Из ее все еще открытой двери бил свет и доносились спорящие голоса. Рядом стояли двое в штатском и курили в рукав, словно дул ветер.

Завернув за угол, мы подошли к лифту. Но Дегармо открыл дверь на пожарную лестницу, расположенную за шахтой, и, ухая по бетонной лестнице, стал спускаться этаж за этажом вниз. На первом этаже он остановился, взялся за ручку двери в вестибюль и прислушался.

— Машина есть? — спросил он меня.

— Да, стоит в гараже.

— Прекрасно.

Мы спустились еще ниже, в темный гараж. Из конторы вышел долговязый негр, и я отдал ему квитанцию. Окинув вороватым взглядом полицейскую форму Малыша, негр молча показал на «крайслер».

Дегармо уселся за руль, я — рядом с ним, а Малыш забрался на заднее сиденье. Машина выбралась в туманную прохладу ночной улицы. За два квартала от нас появился большой полицейский автомобиль с двумя красными мигалками.

Дегармо сплюнул в окно и повернул «крайслер» в противоположную сторону.

— Это Уэббер, — сказал он. — Опять опаздывает на похороны. В этот раз, Малыш, мы таки утерли ему нос.

— Не нравится мне ваша затея, лейтенант. Честное слово, не нравится.

— Держи хвост пистолетом, парень. Тебя еще, глядишь, возьмут назад в уголовный отдел.

— Пусть не возьмут, зато сохраню какую-никакую работу, — сказал Малыш. Смелость из него быстро улетучивалась.

Кварталов десять Дегармо гнал на большой скорости, затем чуть сбросил газ.

— Вам лучше знать, что вы делаете, лейтенант, — нервно сказал Малыш. — Но этой дорогой к муниципалитету не попадешь.

— Правильно, — сказал Дегармо. — А мы туда и не собираемся.

Машина совсем замедлила ход и почти вползла в улицу с маленькими аккуратными лужайками перед маленькими аккуратными домами. Дегармо плавно нажал на тормоза, остановился у обочины посреди квартала и, перекинув руку через спинку сиденья, повернул голову к Малышу:

— Так ты считаешь, ее убил он?

— Мое дело маленькое, — сдавленным голосом ответил Малыш.

— У тебя есть фонарь?

— Нет.

— Фонарь лежит в кармане у левой дверцы, — сказал я.

Малыш покопался там, щелкнул выключателем — и зажегся яркий луч.

— А теперь посмотри ему на затылок, — приказал Дегармо.

Луч скользнул по салону и застыл. За спиной у меня раздалось сопение и что-то коснулось опухоли на затылке. Я дернулся. Луч погас, и машину снова наполнила темнота улицы.

— По-моему, его оглушили, лейтенант, — сказал Малыш. — Ничего не пойму.

— И ту девушку оглушили, — сказал Дегармо. — Только шишка не очень заметная. Но она есть. Ее оглушили, чтобы сначала раздеть и расцарапать, а уж потом придушить. Иначе из царапин не пошла бы кровь. И все это тихо, без шума. И телефона в квартире нет. Как ты думаешь, кто сообщил об убийстве в полицию, Малыш?

— Откуда мне, к черту, знать? Позвонил какой-то человек и сказал, что в доме «Гранада» на Восьмой улице, в квартире 618, лежит труп. Когда вы появились, Рид все еще разыскивал фотографа. Дежурный доложил, что голос был хриплый, скорее всего измененный. Фамилии звонивший не назвал.

— То-то и оно, — сказал Дегармо. — А если бы ее убил ты сам, Малыш, как бы ты выбрался из дома?

— Взял бы и ушел, — ответил Малыш. — Проще простого! Эй! — внезапно рывкнул он на меня. — А вы какого черта остались?

Я не ответил.

— Ты бы стал лазить по окнам на шестом этаже и вламываться в чужие комнаты, где того и гляди застанешь людей? — монотонно продолжал Дегармо. — Стал бы притворяться хозяином и тратить время на телефонный звонок в полицию? А, Малыш? Труп ведь мог пролежать в квартире хоть целую неделю. А потом ищи-свищи. Так упустил бы ты свой шанс, Малыш?

— Думаю, нет, — осторожно сказал Малыш. — Я бы вообще не стал звонить. Но от сексуальных маньяков жди чего угодно, лейтенант. Они же ненормальные. К тому же у этого фрукта мог быть помощник, который его и огрел, чтобы подставить под арест.

— Последнее ты сам придумал или где вычитал? — фыркнул Дегармо. — Торчим мы тут, разговоры разговариваем, а тот, кто знает все ответы, сидит рядом, да отмалчивается. — Он повернул ко мне свою крупную голову. — Так что ты там делал, приятель?

— Сам не знаю, — сказал я. — От удара память отшибло.

— Мы поможем, — сказал Дегармо. — Отвезем сейчас за город — это недалеко, всего несколько миль. Там будет спокойно. Посидишь, полюбишься звездами и все вспомнишь. Еще как вспомнишь!

— К чему вам это, лейтенант? — спросил Малыш. — Лучше вернемся в муниципалитет. И вообще, есть у нас устав или нет?

— Плевать мне на устав, — сказал Дегармо. — Мне этот тип нравится. Хочу с ним спокойно побеседовать. Правда, он стесняется, но это ничего. Как-нибудь уговорю.

— Без меня, — сказал Малыш.

— И чего же ты собираешься делать?

— Вернусь в муниципалитет.

— Никто тебя не держит. Иди, раз уж ты любишь ходить пешком.

Малыш какое-то время молчал.

— Люблю, очень люблю, — сказал он наконец спокойным тоном и, открыв дверь, выбрался на тротуар. — Надеюсь, вам понятно, лейтенант, что мне придется доложить.

— Понятно, — сказал Дегармо. — Передай Узбберу привет. И когда он будет в следующий раз заказывать бифштекс, пусть поставит в память обо мне пустую тарелку.

— Ничего не пойму, какой-то темный лес, — сказал маленький полицейский и захлопнул дверцу.

Дегармо завел мотор и сразу, чуть ли не с места, набрал скорость в сорок миль. Через три квартала на спидометре было уже пятьдесят. У проспекта машина замедлила ход, повернула на восток и поехала уже нормально. Иногда мимо нас проносились поздние автомобили, но больше ни-

что не нарушало холодную предрассветную тишину. Через некоторое время мы выехали за город.

— Пришла пора и мне послушать, — сказал Дегармо флегматично. — Может, вместе мы в этом деле разберемся.

«Крайслер» преодолел подъем и пошел вниз, через парк при доме престарелых. Над высокими фонарями светились нимбы от ночного тумана с залива. Я начал говорить:

— Кингсли пришел ко мне сегодня вечером и сказал, что позвонила жена. Ей срочно требовались деньги. Отвезти их должен был я, а заодно и помочь, если она попала в беду. У меня, правда, на этот счет имелись свои планы. В общем, ей описали мою внешность и назначили встречу в кафе «Ленивый павлин» на перекрестке Восьмой улицы и бульвара Аргуэлло. Она должна была там появляться в первую четверть каждого следующего часа.

— Значит, хотела удрать, а удирают, как правило, по какой-то причине. К примеру, после убийства, — сказал он медленно и, слегка подняв руки, тут же снова бросил их на баранку.

— Я приехал туда спустя несколько часов. Меня предупредили, что она перекрасила волосы в каштановый цвет. Но когда в кафе мимо моего столика прошла шатенка, я ее не узнал. Я ведь ее видел только на фотографии, но даже по хорошей фотографии не всегда уловишь сходство. Затем по ее просьбе мексиканский мальчишка вызвал меня на улицу. Говорить она не хотела — требовала деньги. А мне позарез нужно было поговорить. В конце концов она поняла, что не отделается, и сообщила, что живет в «Гранаде». Только прежде чем идти туда, пришлось дать ей десять минут форы.

— Как раз достаточно, чтобы устроить засаду, — сказал Дегармо.

— Засада там, само собой, была, но я не уверен, что ее устроила она. Ей ведь не хотелось, чтобы я приходил, не хотелось этого разговора. С другой стороны, она понимала, что я не отстану и, прежде чем отдать деньги, потребую объяснений. Поэтому все ее отнекивания могли быть просто игрой. Что-что, а играть она умела. За это могу поручиться. В общем, я пришел, и мы поговорили. Ничего интересного она не сообщила. Но потом разговор зашел об убийстве Лавери, и тут она раскололась, подозрительно быстро. Я объявил, что сейчас сдам ее в полицию.

Мы проехали мимо Уэствуда. Городок был темный, светила только ночная бензозаправка, да несколько окон в отдаленных жилых домах.

— Она выхватила пистолет, — продолжал я. — Думаю, не шутила. Но подошла слишком близко, и мне удалось зажать рукой ее голову. Пока мы барахтались, кто-то выныр-

нул из-за зеленой портьеры и оглушил меня. Когда я очнулся, она была уже мертва.

— Успел заметить, кто ударил? — невозмутимо спросил Дегармо.

— Нет. Заметил только — даже скорее почувствовал, что это был мужчина и довольно крупный. А вот это я нашел на кушетке в куче одежды. — Я достал из кармана желто-зеленый шарф и положил его на колено Дегармо. — Вечером он был на Кингсли.

Дегармо взял шарф и поднял его к приборному щитку.

— Такой ни с чем не перепутаешь, — сказал он. — Прямо в глазах рябит. Значит, Кингсли? Черт! А дальше?

— Дальше я услышал стук в дверь. В себя я еще не пришел, в голове — туман, в душе — страх. Ботинок и пиджака на мне нет, да еще все облито джином. Видик и запах те еще. Поди докажи, что ты не раздевал и не душил ее. В общем, я выбрался из окна ванной, привел себя, как мог, в порядок... Остальное вам известно.

— Чего же ты... почему вы не спрятались в соседней квартире? — спросил Дегармо.

— А какой смысл? Даже у полицейских из Бей-Сити хватило бы ума обнаружить, куда я делся. Нет, у меня был только один шанс — уйти из здания, пока они не осмотрели ванную. Не попадись мне вы, могло выгореть.

— Вряд ли, — сказал Дегармо. — Но я все понимаю. А какие у него были мотивы?

— У Кингсли? Если, конечно, это он убил. Мотивов и причин тут хватает. Она доставляла ему массу неприятностей, обманывала, мешала карьере, наконец, пристрелила человека. Еще у нее была куча денег, а Кингсли хотел жениться на другой. Он мог испугаться, что с такими деньгами она уйдет от наказания и только посмеется над ним. Даже если бы ее осудили, денег ему все равно не видать. Но в случае смерти не пришлось бы и разводиться. Да мало ли тут мотивов! К тому же подвернулся случай сделать козлом отпущения вашего покорного слугу. Меня бы в конце концов оправдали, но путаница задержала бы следствие. Кстати, если бы убийцы не надеялись выкрутиться, было бы куда меньше преступлений.

— Убить ее мог и кто-то другой, кого мы не знаем, — сказал Дегармо. — Даже если Кингсли и приезжал к ней сегодня. С делом Лавери тоже не все однозначно.

— Вам видней.

— Видней-то видней, но если я расколю этот орешек, то отделаюсь простым взысканием. Не расколю — придется убираться из города на своих двоих. Вы вот сказали, что я глуп. Может, и глуп. Но если я чего и умею, так это заставлять людей говорить. Где живет Кингсли?

— Беверли-Хилс, Карсон-драйв, дом 965. Это приблизительно пятый квартал по левой стороне после поворота на север, к горам. Недалеко от Сансета. Я там не был, но нумерацию домов знаю.

Дегармо отдал мне желто-зеленый шарф.

— Суньте до поры до времени в карман.

34

Дом был двухэтажный, белый, с темной крышей. Яркая луна словно выкрасила его стены свежей краской. Окна фронтона снизу прикрывали невысокие кованые решетки. Впереди зеленела ровная лужайка, а дверь располагалась под углом, в выступе стены. Свет в окнах не горел, по крайней мере в тех, что были на виду.

Дегармо вылез из машины и пошел по дорожке, поглядывая в сторону гаража. Потом, свернув на подъездной путь, исчез за углом. Я слышал, как поднялась и со стуком опустилась дверь. Появившись из-за угла, он отрицательно помотал головой и направился по траве к входной двери. Нажав большим пальцем звонок, Дегармо другой рукой выудил из кармана сигарету и сунул ее в зубы.

Прикуривая, он отвернулся от двери, и пламя спички высветило на его лице глубокие складки. Через некоторое время над дверью загорелась лампочка, и открылся глазок. Дегармо поднес к глазку полицейский значок. Дверь медленно, как бы нехотя, отворилась, и он скрылся внутри.

Его не было около пяти минут: В разных окнах дома вспыхивал и гас свет. Наконец он вышел и направился к машине. Лампочка над дверью потухла, и дом снова погрузился в темноту.

Дегармо остановился около меня, попыхивая сигаретой и поглядывая вдоль улицы.

— В гараже только один маленький автомобиль, — сказал он. — Повариха утверждает, что это ее машина. Кингсли дома нет. Его не видели с самого утра. Я прошел по всем комнатам. Думаю, не врут. Во второй половине дня приходил Уэббер с помощником — снимать отпечатки пальцев в спальне. Кругом еще рассыпан тальк. Он собрался сравнить эти отпечатки с теми, что сняты в доме Лавери. О результатах мне не сказали. А где Кингсли может сейчас быть?

— Где угодно, — ответил я. — В дороге, в гостинице. Или успокаивает нервы в турецких банях. Но в первую очередь имеет смысл поискать его у подружки. Зовут Фромсет, живет ближе к центру, в здании «Брайзон» на Сансет-плейс.

— Чем занимается? — спросил Дегармо, садясь за руль.

— Обороняет его приемную, а после работы держит за ручку, утешает. Но вовсе не дешевая кокетка. И мозги у нее есть, и вкус.

— Все это ей скоро понадобится, — сказал Дегармо и, свернув на восток, погнал машину к центру города.

Через двадцать пять минут мы подъехали к роскошному белому зданию с лепниной. Во дворе стояли вычурные фонари и высокие финиковые пальмы, а к парадному в форме буквы «L» вела через мавританскую арку мраморная лестница. Вестибюль показался мне слишком большим, а ковер в нем слишком голубым. Еще его украшали голубые кувшины из «Али-Бабы», в которых можно было прятать слонов. За конторкой сидел ночной дежурный с крошечными, не больше ногтя, усиками.

Дегармо заспешил мимо него к открытому лифту, рядом с которым дремал на табуретке усталый старик лифтер.

— Подождите минутку, — твякнул ему вслед дежурный. — Вы к кому?

Дегармо повернулся на каблуках, и, сделав круглые глаза, спросил меня:

— Он сказал «к кому»?

— Ага, только не бейте его сразу. Это не матерные слова.

— Знаю, что не матерные. — Дегармо облизнул губы. — Только надоело их выслушивать. — Он повернулся к дежурному. — Нам нужно в квартиру 716, приятель. Есть возражения?

— Есть, — холодно заявил дежурный. — Мы не привыкли пускать гостей в... — Он поднял руку и глянул на узкие продолговатые часы. — ...В двадцать три минуты пятого.

— Я так и подумал, — сказал Дегармо, — потому и решил вас не тревожить. — Он вынул из кармана полицейский значок и повернул его так, чтобы свет заиграл на золотистой с голубым эмали. — Я лейтенант полиции.

— Что ж, — дежурный передернул плечами, — надеюсь, все обойдется без шума. Сейчас я о вас предупрежу. Ваши имена, пожалуйста.

— Лейтенант Дегармо и мистер Марло.

— В квартире 716 проживает, кажется, мисс Фромсет. Одну минутку.

Он пошел за стеклянную перегородку, к телефону, довольно долго ждал ответа и, вернувшись к нам, кивнул:

— Мисс Фромсет дома. Она вас примет.

— Прямо камень с души, — сказал Дегармо. — И, ради бога, не посылайте за нами своего детектива. У меня на этих топтунов аллергия.

Дежурный холодно улыбнулся, и мы вошли в лифт.

На седьмом этаже стояла тишина и прохлада, а коридор оказался длиной в целую милю. Наконец мы подошли к двери с позолоченными цифрами «716», окруженными венчиком из позолоченных же листьев. Рядом белела кнопка звонка. Дегармо надавил на нее, и в квартире забренчали колокольчики. Дверь открылась.

На мисс Фромсет была пижама и стеганный халат. На ногах — маленькие домашние туфли на высоких каблуках и с кисточками. Темные волосы соблазнительно падали на плечи. Ночной крем с лица она стерла и слегка подкрасилась.

Мы прошли мимо нее в довольно узкую комнату с несколькими красивыми овальными зеркалами и старинной мебелью в чехлах. Мебель явно была ее собственной.

Мисс Формсет уселась в широкое изящное кресло на двоих, откинулась и стала ждать, пока кто-то из нас не заговорит.

— Это лейтенант Дегармо из Бей-Сити, — сказал я. — Мы с ним разыскиваем Кингсли. Дома его нет. Часом не подскажете, как его найти?

— Дело такое срочное? — спросила она, не глядя на меня.

— Да. Кое-что произошло.

— Что?

— Нам просто надо выяснить, где он, сестричка, — вмешался Дегармо. — Сейчас не до светских бесед.

Она посмотрела на него без всякого выражения и снова обратилась ко мне:

— Лучше, если бы вы все же рассказали, мистер Марло.

— Я поехал с деньгами в Бей-Сити. Мы встретились, как было условлено, и я пошел к ней в квартиру, чтобы поговорить. Там меня кто-то оглушил — какой-то человек прятался за портьерой. Рассмотреть его мне не удалось. Когда я пришел в себя, она была мертва.

— Мертва?

— Да.

Ее очаровательные глаза закрылись, а уголки красивых губ поползли вниз. Затем она рывком встала, подошла к мраморному столику на гнутых ножках, вынула из серебряной чсканной табакерки сигарету и прикурила. Глядя отсутствующим взглядом на столк, она стала махать спичкой — все медленнее и медленнее. Наконец ее рука замерла, хотя спичка продолжала еще гореть. Она бросила ее в пепельницу и повернулась лицом к нам.

— Мне, видимо, полагається пустить слезу или что-то в этом духе, — сказала она. — Но я совершенно ничего не чувствую.

— Ваши чувства никого не интересуют, — сказал Дегармо. — Мы хотим лишь знать, где Кингсли. Можете сообщить, можете не сообщать. Решайте.

— Он действительно полицейский из Бей-Сити? — невозмутимо спросила она у меня.

Я кивнул.

Медленно, с очаровательным достоинством она повернулась к Дегармо и с презрением сказала:

— В таком случае по какому праву этот хам ввалился в мою квартиру?

Дегармо мрачно посмотрел на нее, ухмыльнулся и, пройдя через комнату, вытянул свои длинные ноги в глубоком мягком кресле.

— Что ж, — сказал он мне, — продолжайте с ней сами. Я могу попросить помощи у здешних ребят, но пока им объяснишь, что к чему, пройдет вечность.

— Мисс Фромсет, — сказал я, — если вам известно, где он или куда поехал, пожалуйста, говорите. Его необходимо отыскать.

— Зачем? — спросила она холодно.

Дегармо откинул голову и захохотал:

— Вот так умница! Она, видно, считает, что мы собираемся держать смерть жены от него в секрете.

— Она куда умнее, чем вам кажется, — сказал я.

Его лицо посуровело и, окинув ее нахальным взглядом, он прикусил большой палец.

— Вы его ищете только для того, чтобы сообщить новость? — спросила она.

Я вынул из кармана желто-зеленый шарф и расправил его:

— Найдено в квартире, где ее убили. Я думаю, вам знаком этот шарф.

Непроницаемыми глазами она посмотрела на шарф, потом на меня:

— Вы хотите, чтобы я вам полностью доверилась, мистер Марло? Но ведь вы оказались не таким уж умелым сыщиком.

— Хочу. Более того, прошу о доверии. А о моих профессиональных качествах судить пока еще рано.

— Цирк! — вмешался Дегармо. — Из вас бы получилась прекрасная клоунская пара. Не хватает только акробатов на заднем плане. Тем не менее...

— Как ее убили? — перебила она, словно Дегармо вообще не было в комнате.

— Раздели, распарапали и задушили, — сказал я.

— Ничего подобного Дерри совершить не мог, — сказала она спокойно.

Дегармо причмокнул губами и сказал:

— А вот это не скажите. Человек иа все способен. Ко-

му-кому, а полицейским, сестричка, это хорошо известно.

Она даже не взглянула в его сторону.

— Вам, судя по всему, не терпится узнать, куда мы пошли после визита к вам и проводил ли он меня домой?

— Да.

— Если бы он меня провожал, ему бы не хватило времени доехать до Бей-Сити и убить ее. Правильно?

— В общем, да.

— Так вот, никуда он меня не провожал, — медленно произнесла она. — Минут через пять после ухода от вас я поймала на Голливудском проспекте такси и больше его не видела. Думала, он поехал домой.

— Обычно подружки помогают своим приятелям с алиби, — сказал Дегармо. — Правда, люди, как известно, бывают разные.

— Он хотел меня проводить, — сказала мне мисс Фромсет, — но ему было не по пути, к тому же мы оба очень устали. А говорю я вам все это лишь потому, что не верю в его вину. Иначе бы ничего не сказала.

— Значит, время у него было, — сказал я.

Она помотала головой:

— Не знаю. Откуда мне знать, сколько на это требуется времени? Неизвестно мне и то, как он узнал, где ее искать. Во всяком случае, не от нее и не от меня. Мне она свой адрес не сообщала. — Ее глаза пристально, изучающе вглядывались в мои. — О таком доверии шла речь, мистер Марло?

Я сложил шарф и сунул его назад в карман:

— Нам надо выяснить, где он.

— Не имею ни малейшего представления. — Она следила, как я складываю шарф, и остановила взгляд на моем кармане. — Вы сказали, что вас оглушили. Вы что, совсем потеряли сознание?

— Да: Кто-то прятался за портьерой. А попался я, как дурак. Она размахивала у меня перед носом пистолетом, и я решил его отнять. Зато теперь ясно, что Лавери застрелила именно она.

Дегармо внезапно поднялся:

— Мы совсем упарились, приятель, — заворчал он, — а толку никакого. Пошли отсюда.

— Минутку, — сказал я. — Я еще не закончил. Предположим, мисс Фромсет, что его что-то мучило, грызло душу. Именно так он сегодня, кстати, и выглядел. Может быть, он знал куда больше, чем нам с вами казалось, может быть, понимал, что назревает нечто серьезное. Куда бы он отправился, чтобы спокойно все обдумать?

Я замолчал и стал ждать ответа, искоса поглядывая на злившегося Дегармо. Через некоторое время мисс Фромсет как-то монотонно заговорила:

— Убегать или прятаться он бы не стал, потому что вины за ним нет. Но время для размышлений понадобится ему могло.

— Куда бы он поехал? В какое-нибудь незнакомое место? — спросил я, вспомнив разговор в «Гранаде». — Или туда, где потише, поспокойнее?

Я оглянулся в поисках телефона.

— В спальне, — сказала мисс Фромсет, сразу поняв, что я ищу.

Я открыл дверь в конце комнаты. Дегармо вошел следом за мной. Спальня была цвета слоновой кости с блекло-розовым. Подушка на широкой тахте еще хранила отпечаток ее головы. На встроенном туалетном столике под зеркальными панелями поблескивала всевозможная косметика. Через открытую дверь виднелась вишневая облицовка ванной. Телефон стоял на тумбочке у тахты.

Я присел на край, погладил подушку в том месте, где была вмятина, и набрал номер междугородной. Попросив телефонистку срочно соединить меня с начальником полиции Пумьей Вершины Джимом Паттоном, я положил трубку и закурил. Дегармо, крутой, неутомимый, опасный, широко расставив ноги, смотрел на меня сверху вниз.

— Ну и что дальше? — буркнул он.

— Скоро увидите.

— Кто тут командует?

— Странный вопрос. Я, конечно, если вы не хотите, чтобы делом занялась полиция Лос-Анджелеса.

Он чиркнул спичкой по ногтю большого пальца и стал смотреть на огонек. Потом постарался издали затушить его долгим ровным дыханием, но пламя лишь трепетало. Выкинув спичку, он вынул другую, закусил ее и стал жевать. Телефон зазвонил:

— Пумью Вершину заказывали?

В трубке раздался сонный голос Паттона:

— Джим Паттон слушает.

— Говорит Марло из Лос-Анджелеса. Вы меня помните?

— Конечно, помню, сынок. Только я еще не совсем проснулся.

— Окажите мне услугу, — попросил я. — Хотя с какой стати вам для меня стараться, не знаю. В общем, будьте другом, подскочите к Оленьему озерцу или пошлите туда кого-нибудь. Надо посмотреть, нет ли в коттедже Кингсли. Но так, чтобы он вас не заметил. Может, там видна его машина или горит свет. Только сразу мне перезвоните. Идет? Я к вам приеду. Главное, не выпускайте его оттуда. Ну как, сделаете?

— Если он захочет уехать, я его не удержу. У меня нет на это никаких прав, — сказал Паттон.

— Со мной полицейский лейтенант из Бей-Сити, которому надо его допросить по поводу убийства. Не вашего местного убийства, а другого.

Телефон какое-то время молчал, слышались лишь шорохи и треск.

— Ты мне не морочишь голову, сынок? — спросил наконец Паттон.

— Нет, не морочу. Мой номер — Танбридж 2722.

— Понадобится около получаса, — сказал он.

Я положил трубку. Дегармо ослабился:

— Девушка, видимо, подала вам какой-то знак, который я не заметил?

— Нет, — сказал я, вставая с тахты. — Просто я пытаюсь влезть в его шкуру. Это не хладнокровный убийца, и пыл в нем уже давно остыл. Вот я и подумал, что ему захочется уехать в какое-нибудь далекое, очень спокойное место, чтобы прийти в себя. Через несколько часов, он, вероятно, явится с повинной. Вам надо успеть туда раньше.

— А он не пустит себе пулю в лоб? — жестко спросил Дегармо. — Таким людям это раз плюнуть.

— Сидя тут, вы его все равно не удержите.

— Что правда, то правда.

Мы вернулись в гостиную. Мисс Фромсет, выглянув из кухни, спросила, не хотим ли мы кофе. Потом мы все трое сидели и спокойно потягивали из чашек, словно провожая друзей на железнодорожном вокзале.

Паттон позвонил через двадцать пять минут. Свет у Кингсли горел, а рядом с домом стояла машина.

35

В Альгамбре мы заправились сами и заправили машину. Обгоняя грузовики, «крайслер» мчался по семидесятому шоссе мимо холмов и ферм. Вел его я. Дегармо, сунув руки в карманы, мрачно сидел в углу.

Я смотрел, как, словно спицы от велосипедного колеса, мелькали длинные ряды апельсиновых деревьев, и слушал повизгивание шин. От недосыпа и перенапряжения я чувствовал себя старым и усталым.

Мы доехали до длинного подъема к югу от Сан-Димаса. После перевала дорога спускается здесь к Помоне. В этих районах уже не бывает морских туманов и начинается полупустыня, где по утрам солнце легкое и сухое, как выдержанный херес, в полдень печет не хуже раскаленной доны, а на закате падает за горизонт, словно багровый от жара кирпич.

Дегармо сунул в зубы спичку и насмешливо проговорил:

— Уэббер устроил мне вчера нагоняй. Рассказал, кстати, о чем вы с ним говорили.

Я молчал. Он посмотрел на меня, отвернулся и махнул рукой в сторону окна:

— Не стал бы жить в этих чертовых местах, даже если бы мне их подарили. Уже на рассвете не продохнуть.

— Через минуту мы доедем до Онтарио, свернем на другое шоссе, и вы увидите лучшую в мире рощу кипарисов шириной в пять миль.

— Я в них не разбираюсь. По мне что дерево, что подъемный кран.

Мы миновали центр городка, повернули на север к Евклиду и поехали вдоль прекрасной рощи. Дегармо насмешливо разглядывал кипарисы. Через некоторое время он сказал:

— Это была моя девушка. Я про ту, что выловили из озера в горах. До сих пор не могу прийти в себя, прямо помешался. В душе одна злость. Попадись мне в руки этот Билл Чесс...

— Вы и так уже натворили дел, когда спасли ее от наказания за убийство миссис Олмор.

Я смотрел вперед через лобовое стекло и все же почувствовал, что его голова повернулась, а глаза застыли на мне. Что делают его руки, я не знал. Выражение лица тоже не видел. После долгой паузы Дегармо заговорил. Он говорил в сторону, сквозь стиснутые зубы, как-то скрипуче:

— Вы что, спятили?

— Вовсе нет. Мы с вами оба в здравом уме. Вы, как и я, прекрасно знаете, что жена Олмора пришла в гараж не сама. Ее туда принесли. Вы прекрасно знаете, почему Талли украл туфельку, у которой не было ни единой царапины на подошве. И вы знаете, что в притоне у Конди Олмор сделал жене совершенно нормальный укол с нормальным количеством морфия. Он умеет делать уколы не хуже, чем вы хватать за шкирку тех, у кого нет ни крыши над головой, ни денег. Так что Олмор не убивал жену морфием. Если бы он и хотел убить, то нашел бы другой способ. Дополнительную же дозу наркотика ей вколол кто-то еще, а Олмору лишь пришлось отнести жену в гараж. Она была уже при смерти, хотя и успела вдохнуть в легкие выхлопные газы.

— И как это вам удалось дожить до ваших лет, приятель? — тихо спросил Дегармо.

— А так, что я покупаюсь на липу только через раз и не боюсь громил, даже если они в полицейской форме. Олмор — подонок. Лишь подонок мог сделать такое. Или очень напуганный человек, который не может допустить,

чтобы на свет всплыли его темные делишки. Юридически он, вероятно, виновен. Не мне судить. Ему пришлось бы здорово попотеть, доказывая, что жену все равно было уже не спасти. Но фактически ее убила ваша подружка, и вы это знаете.

Дегармо засмеялся. Смех был скрипучий, неприятный, не только безрадостный, но и какой-то бессмысленный.

Мы снова повернули на восток. Было все еще прохладно, но с Дегармо лил пот. Снять пиджак он не мог из-за пистолета под мышкой.

— У доктора начался с Милдред Хэвиленд роман, — продолжал я. — Его жена узнала и пригрозила скандалом. Мне об этом рассказали ее родители. Милдред отлично разбиралась в наркотиках. Знала, где их взять и какая нужна доза. Уложив Флоренс Олмор в постель, она осталась с ней наедине. Набрать в шприц четыре-пять гран морфия и вколоть их туда же, куда сделал укол Олмор, не составляло труда. Флоренс могла, конечно, умереть и до прихода доктора. Но это были уже его проблемы. Кто бы поверил, что его жену до смерти накачал наркотиком другой человек? Никто, разве лишь тот, кто знал все обстоятельства. А вы их знали, не могли не знать и, выручая подружку, скрыли это преступление. Вы все еще ее любили, и она вертела вами, как хотела. Правда, вы заставили ее уехать из города, подальше от опасности, и лечь на дно. Зачем, кстати, вам понадобилось ее разыскивать?

— А как я проведал, где разыскивать? — спросил он хрипло. — Может, соизволите объяснить и это.

— С удовольствием, — сказал я. — Билл Чесс ей осточертел. Осточертели его пьянки, дурной характер, нищенское существование. Но для отъезда нужны были деньги. Чувствуя себя теперь в безопасности, она решила подоить доктора и написала ему письмо с требованием денег. Он послал на переговоры вас. Но она не сообщила ни свое новое имя, ни адрес. Мол, письмо, отправленное Милдред Хэвиленд в Пумью Вершину, найдет ее. Конечно, ей бы на почте его отдали, стоило только попросить. Но письмо так и не пришло, поэтому никто и не связал эти два имени — Мьюриел Чесс и Милдред Хэвиленд. А у вас при себе было лишь старое фото да обычное хамство, и местные дали вам от ворот поворот.

— А откуда вы узнали, что она пыталась вытянуть из Олмора деньги? — резко спросил он.

— Ниоткуда. Сам догадался, когда восстанавливал события. Если бы Лавери или миссис Кингсли знали, кто она такая, то проговорились бы, и вам тоже стало бы известно ее новое имя и адрес. Но вы ничего не знали. Следовательно, всю эту кашу мог заварить только один-единственный

человек, знающий, кто она такая, а именно — она сама. Вот я и предположил, что Олмор получил письмо.

— Ладно, — сказал он после молчания. — Забудем. Сейчас это не имеет значения. Мой грех, мне и выкручиваться. Но я бы снова так поступил.

— Ваше дело, — сказал я. — Соваться я не собираюсь и зла ни на кого не держу. Даже на вас. А говорю я все это лишь для того, чтобы вы не пытались пришить Кингсли те преступления, которые он не совершал. Ну, а что его, то его.

— Других причин у вас нет?

— Нет.

— А ненависть ко мне?

— Уже прошла, — сказал я. — Испарилась. Я могу возненавидеть, но ненадолго.

Теперь машина ехала вдоль виноградников, мимо открытых песчаных полей и делянок на изрезанных склонах.

Через некоторое время мы добрались до Сан-Бернардино. Я проскочил город, не останавливаясь.

36

В Крестлайне, на высоте в пять тысяч футов, было все еще прохладно. Мы остановились выпить пива. Когда вернулись в машину, Дегармо вытащил из кобуры под мышкой свой пистолет и осмотрел его. Это был «смит-вессон» тридцать восьмого калибра на широком ложе — страшное оружие с убойной силой, как у сорок пятого калибра, но с куда большей дальностью действия.

— Не понадобится, — сказал я. — Он крупный, сильный, но не агрессивный.

Дегармо, кмыкнув, сунул пистолет назад в кобуру. Больше мы не разговаривали. Было не о чем. Машина кружила по серпантину над отвесными склонами, огороженными побеленными рельсами, а иногда стенками из камней или тяжелыми чугунными цепями. Мы катили сначала мимо высоких дубов, потом забрались на высоту, где дубы уже не такие высокие, зато сосны поднимают свои вершины к небу все выше и выше. Наконец, подъехали к дамбе через Пумье озеро.

Я остановился. К нам подошел часовой с винтовкой наперевес:

— Перед въездом на дамбу положено поднять все стекла.

Я перегнулся, чтобы закрыть заднее окно с моей сторо-

ны, но Дегармо вытащил свою полицейскую бляху и с присутствующим ему тактом заявил:

— Не суетись, приятель. Я лейтенант полиции.

Часовой окинул Дегармо твердым взглядом. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Прошу поднять все стекла, — повторил он тем же тоном.

— Отстань, солдатик, — сказал Дегармо. — Отвяжись.

— Это приказ, — сказал часовой. Желваки на его скулах слегка заходили, неяркие сероватые глаза не отрывались от Дегармо. — И не я его выдумал. Поднимите стекла.

— Пойди и застрелись, — продолжал артачиться Дегармо.

— Сейчас застрелюсь. От перепугу. — И часовой твердой рукой взялся за затвор винтовки.

Дегармо повернулся и закрыл свое окно. Мы двинулись через дамбу. В середине и в конце стояли еще два часовых. Первый, видно, подал им какой-то сигнал, и они проводили нас настороженными, недружелюбными взглядами.

Я повел машину дальше, сначала мимо гранитных валунов, потом вдоль зеленых лугов. Как и позавчера, кругом замелькали яркие брючки, шортики, косыночки. Дул тот же легкий ветерок, на безоблачном небе светило то же солнце, и так же сладко пахло сосновыми иголками... Мягкое, нежаркое горное лето. То, что случилось позавчера, казалось далеким прошлым. Время застыло, как муха в куске янтаря.

Я свернул на проселок к Оленьему озерцу, миновал скалы, потом и маленький журчащий водопад. Ворота на участке Кингсли были распахнуты, а у дороги, носом к озеру, которое было пока скрыто, стояла машина Паттона. Пустая. За лобовым стеклом все еще виднелся плакатик: «Переизберите Джима Паттона начальником полиции. Ему уже поздно устраиваться на работу».

Рядом, но уже задом к озеру, пристроился обшарпанный двухместный автомобильчик, из окна которого торчала охотничья шапочка. Я остановился за машиной Паттона, выключил зажигание и вышел. Из автомобильчика выбрался Энди и тупо уставился на нас.

— Лейтенант Дегармо, полиция Бей-Сити, — представил я гостя.

— Джим там, на горке. Ждет вас. Даже еще не завтракал, — сказал Энди и забрался назад в свою колымагу.

Мы полезли вверх на горку, за которой начинался спуск к голубеющему озерцу. Коттедж Кингсли на том берегу казался вымершим.

— Вот и озеро, — сказал я.

Дегармо молча посмотрел на воду и тяжело передернул плечами:

— Мне бы поскорей добраться до этого сукина сына Кингсли.

Из-за скалы появился Паттон. На нем была та же мягкая ковбойская шляпа, рубашка, застегнутая на толстой шее, и защитного цвета брюки. Уголок звезды на левой стороне груди был все так же погнут, а челюсти так же мерно двигались, перемалывая табак.

— Рад вас видеть, — сказал он, глядя не на меня, а на Дегармо и, протянув руку, пожал мощную длань полицейского. — В нашу первую встречу, лейтенант, вы назвались совсем другим именем. Секретное расследование, насколько я понимаю. Я к вам отнесся в тот раз не по-божески. Прошу прощения. Я знал, кто на фотографии.

Дегармо молча кивнул.

— Не сваляй я тогда дурака, мы бы избежали многих бед, — продолжал Паттон. — Может, спасл бы и человеческую жизнь. На душе от всего этого помойка, но что сделано, то сделано. Какой смысл переживать? Давайте лучше присядем, и вы мне расскажете, что нам предстоит сейчас.

— Вчера ночью в Бей-Сити убили жену Кингсли, — сказал Дегармо. — Мне надо с ним поговорить.

— Вы его подозреваете? — спросил Паттон.

— Не то слово, — буркнул Дегармо.

Паттон потер шею и посмотрел на противоположную сторону озера.

— Он еще не показывался. Наверное, спит. На рассвете я подобрался к коттеджу. Там играл приемник и было слышно, как наливают из бутылки в стакан. Я не стал его спугивать. Правильно?

— Пошли к нему, — сказал Дегармо.

— У вас есть пистолет, лейтенант? — спросил Паттон.

Дегармо похлопал себя под левой рукой. Паттон повернулся ко мне. Я отрицательно мотнул головой. Пистолета у меня не было.

— Вероятно, у Кингсли тоже есть, — сказал Паттон. — Я бы не хотел никакой пальбы, лейтенант. Перестрелка может мне навредить. Мы тут народ смирный, а вы, похоже, в ладу с оружием.

— Если вы говорите про скорость, то да, выхватываю быстро, — сказал Дегармо. — Но мне надо лишь побеседовать с ним.

Паттон посмотрел на Дегармо, на меня, потом опять на Дегармо и плюнул в сторону длинной струей табачного сока.

— Вы мне так ничего толком и не рассказали. Даже не

знаю, с какими вопросами к нему подступиться, — пожаловался он.

Мы сели на травку и рассказали ему про случившееся. Он выслушал нас молча, не моргнув глазом, а в конце обратился ко мне:

— Какой-то странный у тебя способ защищать клиентов, сынок. И вообще, ребята, мне кажется, вы что-то напутали. Сейчас пойдем, проверим. Я войду в коттедж первым — вдруг вы правы, и от отчаяния он схватится за пистолет. Пузо у меня большое. Отличная цель.

Мы поднялись с земли и пошли к коттеджу долгой дорогой, вокруг озера. У маленького причала я спросил:

— Вскрытие уже сделали, шериф?

Паттон кивнул:

— Эксперты уверяют, что она действительно утонула. Ее не били по голове, не дырявили из пистолета, не резали. На теле, правда, есть царапины и ссадины, но их слишком много, чтобы придавать значение. Да, возиться с таким трупом — не самое приятное занятие.

Дегармо выглядел бледным и раздраженным.

— Не надо бы мне про это говорить, лейтенант, — мягко извинился Паттон, — раз вы ее хорошо знали. Нелегко такое слушать.

— Забудем. У нас сейчас другие заботы.

По берегу озера мы дошли до коттеджа и поднялись по массивным ступенькам. Паттон на цыпочках пересек крыльцо и взялся за сетку. Она была не на крючке. Отодвинув ее, он потрогал дверь. Она тоже оказалась незапертой. Он стал тихонько поворачивать ручку, но тут Дегармо решительно распахнул сетку, и все вместе мы вошли в комнату.

С закрытыми глазами Дерас Кингли полулежал в глубоком кресле у холодного камина. На столике рядом с ним стоял стакан и почти пустая бутылка виски. Воняло спиртным. Пепельница была набита окурками, поверх которых валялись две смятые сигаретные пачки.

Окна Кингли не открывал, и в комнате было душно. Лежал он в свитере и храпел. Лицо у него казалось опухшим, красным, а руки свешивались с подлокотников, так что кончики пальцев доставали до пола.

Паттон приблизился к креслу и долго смотрел на Кингли сверху вниз.

— Мистер Кингли, — сказал он наконец ровным, твердым тоном. — Нам надо с вами поговорить.

Кингсли вздрогнул, открыл глаза и, не двигая головой, обвел взглядом комнату. Посмотрел на Паттона, на Дегармо, в последнюю очередь — на меня. Глаза у него были мутные, но не бессмысленные. Потом, привстав и наклонившись вперед, он потер ладонями лицо.

— Я спал, — сказал он. — Заснул всего пару часов назад. Напился, видно, как сапожник. Во всяком случае, вылакал куда больше, чем надо. — И он снова уронил руки.

— Это лейтенант Дегармо из Бей-Сити, — сказал Паттон. — У него к вам вопросы.

Кингсли мазанул взглядом по лейтенанту и остановил его на мне:

— Вы позволили ее арестовать? — голос был трезвый, спокойный и очень усталый.

— Хотел, да не удалось, — ответил я.

Переведя взгляд снова на Дегармо, Кингсли задумался над моими словами. Входя, Паттон оставил дверь нараспашку. Теперь он поднял на двух окнах жалюзи, открыл их и, сев в кресло, скрестил руки на толстом животе. Дегармо, стоя, рассматривал Кингсли тяжелым взглядом.

— Ваша жена мертва, Кингсли, — жестко бросил он. — Если, конечно, для вас это новость.

Проведя языком по губам, Кингсли уставился на него.

— Даже глазом не моргнул, — продолжал Дегармо. — Теперь покажите ему свою находку.

Я вытащил желто-зеленый шарф и помахал им. Дегармо ткнул в него пальцем:

— Ваш?

Кингсли кивнул и снова провел языком по губам.

— Как же вы умудрились его забыть? Очень неосторожно, — Дегармо тяжело дышал. Нос у него заострился, глубокие складки от ноздрей к кончикам губ стали еще резче.

— Где я его забыл? — сдержанно спросил Кингсли. На шарф он посмотрел лишь мельком, на меня не глядел вовсе.

— В «Гранде». Восьмая улица Бей-Сити. Квартира 618. Адрес вам ни о чем не говорит?

Кингсли медленно поднял на меня глаза:

— Кристл жила там? — почти шепотом спросил он.

Я кивнул:

— Ей не хотелось, чтобы я к ней заходил. Но я не отдавал деньги. Она призналась, что убила Лавери. Потом выхватила пистолет, чтобы расправиться и со мной. Но тут кто-то оглушил меня из-за портьеры. Разглядеть этого человека я не успел. Когда очухался, она была уже мертва.

Я рассказал, как ее убили и как выглядел труп. Рассказал, что делал сам и что делали со мной.

Он слушал с неподвижным лицом. Когда я кончил, он слегка приподнял руку в сторону шарфа:

— А это тут при чем?

— Лейтенант считает шарф доказательством того, что именно вы прятались в квартире.

Кингсли задумался. Смысл моих слов до него, видимо, не доходил. Он откинул голову на спинку кресла, помолчал и сказал:

— Наверное, вам понятно, о чем идет разговор. Лично мне — нет.

— Хватит придуриваться, — сказал Дегармо. — Дело серьезное. Расскажите для начала, что вы делали вчера ночью после того, как отвезли свою подружку домой.

— Вы имеете в виду мисс Фромсет? — ровным тоном спросил Кингсли. — Никуда я ее не отвозил. Она уехала на такси. Я тоже хотел отправиться домой, но потом взял и поехал сюда. Решил, что ночное путешествие, свежий воздух и покой помогут мне прийти в себя.

— Подумать только! — язвил Дегармо. — Прийти в себя! От чего, позвольте спросить.

— От всех последних тревог и забот.

— Черт! — выпалил Дегармо. — Та еще заботка — придушить собственную жену и расцарапать ей живот!

— Несправедливо, — раздался от окна голос Паттона. — Зачем впустую бросать обвинения? Вы пока не предъявили ни одного доказательства.

— Не предъявил? — вскинулся Дегармо, повернув к нему массивную голову. — А как насчет этого шарфа, толстяк? Это что, не доказательство?

— Пока нет. Толком вы ничего еще не обосновали. Во всяком случае, по моему мнению, — мирным тоном сказал Паттон. — А потом, я вовсе не толстяк, а просто плотный.

Дегармо с отвращением отвернулся от Паттона и ткнул пальцем в сторону Кингсли.

— Вы хотите сказать, что не были в Бей-Сити? — спросил он хрипло.

— Конечно, не был. А что мне там делать? Ездил Марло. И не пойму, что вы так прицепились к этому шарфу. Его взял с собой тот же Марло.

Дегармо весь сдержанно кипел. Он повернулся и окинул меня мрачным, злым взглядом:

— Ничего не понимаю. Честное слово, ничего. Кто-то мне явно морочит голову. Не вы ли?

— Я только сказал, — начал я, — что шарф находился в ее квартире и что раньше я видел его на Кингсли. Вам этого, вроде бы, хватило. Я мог бы добавить, что позже

сам надел его, чтобы девушке было легче меня опознать.

Дегармо попятился от Кингсли и прислонился к стене рядом с камином. Большим и указательным пальцами левой руки он ухватился за свою нижнюю губу, а правую руку, чуть-чуть согнув пальцы, свободно свесил вдоль тела.

— Я уже вам говорил, — продолжал я, — что видел только фотографию миссис Кингсли. А нам нужно было, чтобы хоть один из нас мог с уверенностью узнать другого. Шарф очень помог. Но вообще-то я эту девушку уже встречал, хотя, когда шел к «Павлину», про это еще не догадывался. Тем не менее узнал я ее сразу. — Я повернулся к Кингсли. — Помните миссис Фолбрук?

— Вы же сказали, что она хозяйка дома, — медленно произнес Кингсли.

— Это она мне так сказала. Я и поверил. А собственно, почему бы и нет?

В горле у Дегармо заклокотало, глаза стали сумасшедшими. Я рассказал им о миссис Фолбрук, о ее лиловой шляпке, суетливости и о разряженном пистолете, который она в конце концов протянула мне.

Когда я остановился, Дегармо мрачно сказал:

— Что-то я не слышал, чтобы вы упомянули про это Уэбберу.

— Скрыл. Что правда, то правда. Не хотелось признаваться, что я уже успел побывать в доме, а перед звонком в полицию съездил и переговорил с Кингсли.

— Уэббер будет в восторге, — холодно умехнулся Дегармо. — Черт, каким же я оказался болваном! А вы, Кингсли? Сколько вы платите этой ищейке, чтобы она покрывала ваши преступления?

— Обычный гонорар, — сказал Кингсли без всякого выражения. — И еще пятьсот долларов, если Марло докажет, что моя жена не убивала Лавери.

— Жаль, что ему не заработать эти деньги, — с издевкой сказал Дегармо.

— Вздор! — вмешался я. — Я их уже заработал.

В комнате наступила тишина. Та напряженная, наэлектризованная тишина, которая бывает перед раскатом грома. Но только никакого грома сейчас не последовало. Тишина так и висела — тяжелая, плотная, хоть ножом режь. Кингсли поерзал в кресле и через какое-то время кивнул.

— Да, заработал, — продолжал я. — И вы, Дегармо, знаете это лучше всех.

На лице Паттона было не больше выражения, чем у деревянной чурки. Он спокойно рассматривал лейтенанта, не обращая никакого внимания на Кингсли. А Дегармо отсутствующим взглядом глядел куда-то мне в переносицу, но

так, будто я был не в комнате, а где-то далеко — на горной вершине у горизонта.

— Откуда же мне знать? — тихо спросил он после продолжительного молчания. — Я о миссис Кингсли ровным счетом ничего не знаю. Даже ни разу не видел до вчерашней ночи.

Он слегка прижмурил веки и продолжал задумчиво смотреть на меня. Он прекрасно понимал, что я сейчас скажу. И я сказал:

— Вчера ночью вы ее тоже не видели. Потому что уже месяц, как она мертва. Ее утопили в Оленьем озере. А женщину, которую вы видели в «Гранаде», зовут Милдред Хэвиленд, она же — Мьюриел Чесс. Так что миссис Кингсли не могла застрелить Лавери, поскольку погибла куда раньше.

Кингсли крепко сжал подлокотники, но не издал ни звука, ни одного.

38

В комнате снова повисла тяжелая, напряженная тишина. Ее нарушил Паттон:

— Звучит не очень-то убедительно, сынок, — сказал он нарочито неторопливым тоном. — Даже как-то дико. Неужто Билл Чесс не смог опознать собственную жену?

— После того, как она месяц пролежала в воде? Да еще переодетая в одежду Мьюриел и с ее побрякушками? У него и сомнений не возникло. Светлые, как у жены, волосы, распухшее до неузнаваемости лицо! К тому же они поссо-рились, и она оставила записку, вроде бы намекающую на самоубийство. Потом исчезла. Машина и одежда тоже исчезли. За целый месяц от нее ни слова. И вдруг из озера всплывает труп в знакомой одежде. Блондинка, приблизительно такого же роста. Конечно, какие-то отличия были, и если бы подмену заподозрили, то правду установили бы быстро. Но для подозрений не было причин. Ведь считалось, что Кристл Кингсли жива, да только сбежала с Лавери. В Сан-Бернардино оставила машину. Из Эль-Пасо отстучала мужу телеграмму. Полный, вроде бы, порядок. Мысль о миссис Кингсли Биллу Чессу и в голову бы не пришла.

— Жаль, что не пришла мне самому, — сказал Паттон. — Хотя я все равно тут же отбросил бы ее как совершенно бредовую.

— Она только кажется бредовой, — сказал я. — На самом деле здесь все продумано. Допустим, тело осталось бы в озере еще на год, а то и навсегда — ведь специально тра-

лить дно никто не собирался. Мьюриел Чесс куда-то уехала. Искать бы ее не стали. Уехала себе, и ладно. Другое дело — миссис Кингсли. У той есть деньги, знакомые, муж. Тут розысков было не миновать. Но их тоже начали бы не сразу, не случись, конечно, чего-то особо подозрительного. Могли пройти месяцы. И опять за озеро взялись бы в последнюю очередь — ведь следы вели вниз, к Сан-Бернардино, и дальше — к поезду на восток. Но если дно все же прощупали бы и труп нашли, то и тут личность погибшей, скорей всего, установили бы неверно. Смотрите — ведь Билла Чесса уже арестовали именно за убийство Мьюриел и вполне могли осудить. Вот и все дела. Больше утопленница никого не интересует. А Кристл Кингсли оказалась бы в списке пропавших без вести. Мало ли неразгаданных тайн. В конце концов, с ней могло что-то случиться. Скажем, погибла, и все. Просто никто бы не знал, как, где и когда. Так что без Лавери мы бы сейчас здесь не сидели. В нем — ключ ко всей истории. Вечером, когда Кристл Кингсли вроде бы уехала, он оказался в сан-бернардинской гостинице «Прескот», где встретил женщину, которая прикатила на машине Кристл и в ее одежде. Женщину эту Лавери знал. Но откуда ему было знать, что дело тут нечисто. Он, скорей всего, и не догадывался, что одежда на ней чужая. А машина Кристл уже стояла в гараже. Он знал лишь, что встретил Мьюриел Чесс. Об остальном она позаботилась сама.

Я замолчал, ожидая, что скажут другие. Но никто ничего не говорил. Паттон неподвижно сидел у окна, удобно сложив толстые безволосые руки на животе. Кингсли откинул голову на спинку кресла и чуть смежил веки. Дегармо стоял, прислонившись к стене у камина, крупный, умело скрывающий свои мысли, но бледный и напряженный.

Я поехал дальше:

— Раз Мьюриел Чесс выдавала себя за Кристл Кингсли, значит, она ее и убила. Тут все просто. Но если хотите, можем разобраться подробнее. Уже известно, какая это была женщина. Одно то, первое убийство, еще до встречи с Биллом Чессом, чего стоит. Работая медсестрой у Олмора и став его любовницей, она так ловко разделалась с его женой, что доктору волей-неволей пришлось спустить дело на тормозах. Прикрыл преступление и ее бывший муж, один из полицейских Бей-Сити. Вообще, мужчинами она вертеть умела — могла заставить их прыгать даже через горящий обруч. Каким образом ей это удавалось, мне неизвестно, я ее слишком мало знал, но удавалось. Взять хотя бы, как она приворожила Лавери. Людей же, которые вставляли у нее на дороге, она убивала, что и произошло с Кристл Кингсли. Кое-что мне не хотелось раньше рассказывать, но

теперь можно. Миссис Кингсли тоже имела власть над мужчинами. Например, соблазнила Билла, ее мужа. Но Милдред была не из тех, кто проглотит оскорбление и не поморщится. К тому же, ей до смерти надоели горы — должны были надоест, — и она собралась уехать. Не хватало только денег. Она попыталась достать их у Олмора, но тот прислал на переговоры Дегармо. Тут она немного испугалась. Она знала, что Дегармо непредсказуем и шутки с ним плохи. И оказалась права. Верно я говорю, Дегармо?

Дегармо переступил с ноги на ногу.

— Время работает не на вас, приятель, — мрачно процедил он. — Говорите что угодно, пока есть возможность.

— Милдред, конечно, обошлась бы без машины Кристл Кингсли, без ее одежды и документов, но они ей все же могли здорово пригодиться. Особенно деньги — Кингсли мне сказал, что его жена обычно возила с собой кучу наличности. Да еще и драгоценности, которые тоже можно при нужде обратить в деньги. Так что убийство казалось Милдред делом разумным и стоящим. Мотивов, как видите, предостаточно. Теперь перейдем к способам и возможностям.

Возможность вскоре представилась. Они с Биллом поругались, и тот уехал, чтобы напиться. Она знала Билла, знала, сколько он выпивает и как долго отсутствует. Дело в том, что ей требовалось время. Все упиралось именно в это. Иначе затея бы лопнула. Ей нужно было собрать свои вещи, отвезти их к Енотовому озеру, спрятать там вместе с машиной и вернуться пешком домой. Затем убить Кристл Кингсли, переодеть ее в свою одежду и похоронить в озере. Милдред решила, что времени хватит. Что касается самого убийства, то я думаю, она или опоила Кристл, или оглушила ее, а потом утопила в ванне прямо здесь, в коттедже. Процедура не сложная, тем более для медсестры, умеющей обращаться и с людьми и с трупами. Плавала она, кстати, прекрасно. Мы знаем это от Билла. К тому же, тело утопшего человека идет на дно само. Единственная трудность — затопить его на глубокое место. Что ж, хорошей пловчихе и это вполне по силам. Вот и все. Утопив Кристл, она переоделась в один из ее нарядов, взяла из ее вещей, что хотела, села в ее машину и уехала. А в первый переплет попала только в Сан-Бернардино, когда нарвалась на Лавери.

Лавери знал ее под именем Мьюриел Чесс. Оснований и причин считать, что он встречался с ней раньше, у нас нет. Они познакомились лишь здесь, в горах, у Кристл Кингсли, куда он, по всей видимости, сейчас и ехал. Пустить его она никак не могла. Закрытый коттедж еще не беда, но Лавери мог встретиться с Биллом, а мужу нельзя было

знать, что она уехала. Если бы труп в озере нашли, Билл, по ее планам, должен был его опознать. Поэтому она тут же принялась строить Лавери глазки. Обольстить его не составляло труда. Лавери не мог пропустить ни одной юбки — что-что, а это мы знаем наверняка. Чем больше женщин, тем лучше. Так что для ловкой и хорошенькой Милдред он оказался легкой добычей, и она его тут же увезла в Эль-Пасо, откуда дала Кингсли телеграмму, о которой Лавери и не знал. Но в конце концов они вернулись в Бей-Сити. Тут она, видимо, ничего не могла поделать. Он рвался домой, а отпускать его одного было опасно. Только он один мог разрушить ее планы, так как знал, что Кристл Кингсли никуда с ним не уезжала. И когда начались ее поиски, которые с неизбежностью привели нас к нему в дом, он уже был обречен. Поначалу ему бы, конечно, не поверили, как, собственно, и случилось. Но выложи он всю правду полностью, и принять бы ее пришлось — ведь такие показания легко проверить. В общем, только я появился у него, как она в тот же вечер его пристрелила. Вот, пожалуй, и конец. Неясно лишь одно — зачем ей понадобилось утром возвращаться в дом. Видимо, некоторых убийц тянет на место преступления. Не знаю. Она мне заявила, что Лавери ее обчистил. Вряд ли. Скорее всего, решила, что у него самого где-то спрятаны деньги, или, скажем, захотела на свежую голову удостовериться, все ли нужные улики на месте. А может, пришла убрать с крыльца газету и молоко. Тут всякое возможно. В общем, я ее там застал, но она меня одурачила.

— Все же, кто ее убил, сынок? — спросил Паттон. — Я так понимаю, не Кингсли.

Я посмотрел на Кингсли:

— Вы сказали, что не сами снимали трубку. Неужели мисс Фромсет попала на удочку и решила, что говорит с вашей женой?

— Сомневаюсь. — Кингсли покачал головой. — Ее не так легко обмануть. Голос показался ей приглушенным, каким-то другим. Но подозрений у меня тогда не возникло. Они появились только вчера, когда я приехал в горы. Я сразу почувствовал, что здесь что-то не так. Слишком все чисто и опрятно. Кристл ни разу не оставляла дом в порядке: в спальне всегда баракло, пепельницы переполнены, на кухне полно бутылок, грязной посуды, мух и муравьев. Я сначала подумал, что прибралась жена Билла, но потом вспомнил — ей ведь в тот день было не до этого. Она ссорилась с мужем и кончала счеты с жизнью — то ли сама, то ли с чьей-то помощью. Но должен признать, мысли у меня путались, и ни к какому выводу я так и не пришел.

Паттон встал со стула, вышел на крыльцо и тут же вернулся, вытирая губы желто-коричневым платком. Он снова сел, чуть откинувшись на левую сторону, так как справа ему мешала кобура, и задумчиво посмотрел на Дегармо. Дегармо все еще стоял у стены, суровый, крепкий. Его правая рука, как и раньше, висела вдоль тела, а пальцы были полусогнуты.

— И все же я не услышал, кто убил Мьюриел, — сказал Паттон. — Это что, входит в сценарий или пока еще не ясно?

— Мьюриел убил тот, — сказал я, — кто понимал, что пришла пора ее убить, кто ее любил и ненавидел, кто был как-никак полицейским и знал, что нельзя спускать все убийства подряд, но просто не мог ее арестовать и допустить, чтобы всплыла вся правда. В общем, кто-то, очень похожий на Дегармо.

39

Дегармо оторвался от стены и мрачно улыбнулся. Одно ловкое, скупое движение, и в правой руке у него появился пистолет. Держал он его свободно, дулом в пол.

— Если я не ошибаюсь, оружия у вас нет, — сказал он мне, не глядя в мою сторону. — У Паттона есть, но он вряд ли его быстро выхватит. Так что выкладывайте доказательства. Одних догадок мне мало. Или, может, вы считаете, что они не нужны и не стоит из-за них суетиться?

— Доказательств не много, — сказал я, — но они все же найдутся. А мало-помалу их станет больше. Итак, какой-то человек стоял больше получаса в «Гранате» за зеленой портьерой, притом так тихо, как умеют стоять в засаде только полицейские. У этого человека была при себе полицейская дубинка. Не осматривая мой затылок, этот человек знал, что там шишка. Помните свой разговор с Малышом? Знал он, что оглушили и Милдред, хотя возможность осмотреть тело ему вряд ли представилась. К тому же он раздел девушку и расцарапал ей живот с той садистской злобой, какую человек, вроде Дегармо, может чувствовать к женщине, превратившей его жизнь в ад. И у этого человека под ногтями засохшая кровь и остатки кожи. Могу поспорить, что не только экспертам, но и Паттону вы сейчас ни за что не покажете ногти на правой руке.

Дегармо слегка приподнял пистолет. На его бледном лице появилась широкая улыбка:

— А откуда я узнал, где Милдред остановилась?

— Олмор видел, как она входила или выходила из дома Лавери. Поэтому и нервничал, поэтому и вызвал вас, когда

там появился я. Ну, а детали слежки мне неизвестны. Ничего трудного тут нет. Вы могли спрятаться в доме Олмора и сесть ей на хвост или на хвост Лавери. Обычное дело для полицейского.

Дегармо кивнул и на какое-то время задумался. Его лицо было мрачным, зато голубые, с металлическим отблеском глаза горели почти весело. В комнате стояла жара и пахло бедой, которую уже ничем не поправишь. Но Дегармо, казалось, ощущал эту беду меньше, чем остальные.

— Я хочу уйти отсюда, — сказал он наконец, — уйду, может быть, недалеко, но прикоснуться к себе какому-то задрипанному деревенскому полицейскому не дам. Возражения будут?

— Будут, сынок, — спокойно сказал Паттон. — Ты же сам понимаешь, что мне придется тебя арестовать. Ничего еще не доказано, но дать тебе уйти я не могу.

— У тебя вон какой живот, Паттон. А стреляю я метко. Как же ты меня возьмешь?

— Да вот я и думаю, — сказал Паттон и взъерошил волосы под сдвинутой на затылок шляпой. — Пока ничего не придумал. Дырка в животе мне, конечно, не особенно нужна. Но и смешивать себя с дерьмом, да еще на своей собственной территории, тоже нельзя позволить.

— Пусть идет, — сказал я. — С гор ему все равно не спуститься. Для этого я его и привез.

— Кто-нибудь при аресте может пострадать, — трезво рассудил Паттон. — А это несправедливо. Уж если кому страдать, так мне.

— Хороший ты человек, Паттон, — ухмыльнулся Дегармо. — Давай так. Я уберу пистолет обратно в кобуру, и ни у кого из нас не будет преимущества. Надеюсь, я и тут не дам маху.

Он убрал пистолет под левую подмышку, опустил руки и, слегка выпятив подбородок, стал внимательно следить за Паттоном. Паттон тоже не сводил своих выцветших глаз с возбужденного Дегармо и мерно жевал табак.

— Ты стоишь, а я сижу, — вдруг пожаловался он. — Да и той быстроты у меня уже нет. Самому противно, но я... я трушу. — Он печально посмотрел на меня. — Какого дьявола вы его сюда привезли? Мне что, своих забот мало? Вот как влип! — Его голос звучал смущенно, обиженно, немощно.

Дегармо чуть откинул голову и захохотал. Не переставая хохотать, он вдруг быстро вскинул руку к кобуре.

Как выхватил пистолет Паттон, я даже не уловил. В комнате грохнул выстрел старого кольца.

Правую руку Дегармо отбросило в сторону, и вылетевший из нее массивный «смит-вессон» тяжело стукнул в узловатую сосновую стену сзади. Дегармо потряс онемевшей рукой и в удивлении уставился на нее.

Паттон неспешно встал, так же неспешно пересек комнату и, пихнув «смит-вессон» ногой под кресло, с печалью в глазах посмотрел на Дегармо. Дегармо обсасывал кровь с костяшек пальцев.

— Ты дал мне шанс, — печально сказал Паттон, — а таким, как я, шансов давать нельзя. Я умел стрелять, когда ты еще пешком под стол ходил.

Дегармо кивнул, выпрямил спину и направился к двери.

— Не стоит, — тихо сказал Паттон.

Дегармо не остановился. Он дошел до двери, распахнул сетку и повернул к Паттону совершенно белое лицо.

— Я ухожу. У тебя есть только один способ меня остановить. Пока, толстяк.

Паттон не шевельнулся.

Дегармо вышел. Его шаги тяжело загрохотали на крыльце. Я подошел к окну и выглянул. Паттон все еще не шевелился. Дегармо сбежал по ступенькам вниз и стал пересекать плотину.

— Он идет по плотине, — сказал я. — У Энди есть оружие?

— А если и есть, то что? — спокойно заметил Паттон. — Он же ни о чем не знает.

— Черт! И правда, — сказал я.

Паттон вздохнул:

— Зря он дал мне этот шанс. А ведь мог и не давать. Попробую отплатить добром за добро. Хотя ему все равно ничего не светит.

— Он же убийца, — сказал я.

— Не такой, как другие, — сказал Паттон. — Ты свою машину закрыл?

Я кивнул.

— Энди идет ему навстречу, — сказал я. — Дегармо остановился, они разговаривают.

— Скорее всего, он заберет автомобиль у моего помощника, — печально сказал Паттон.

— Черт! И правда, — повторил я и посмотрел на Кингсли. Тот сидел, обхватив голову руками и уставившись в пол. Я повернулся назад к окну. Дегармо уже скрылся за пригорком. Энди медленно шел где-то посередине плотины, то и дело оглядываясь через плечо. Из-за пригорка донеслось урчание мотора. Энди посмотрел на коттедж, повернулся и бросился бежать назад.

Когда шум мотора совсем затих, Паттон сказал:

— Надо вернуться в контору и кой-кому позвонить.

Кингсли внезапно встал, отправился на кухню и вернулся с бутылкой виски. Он налил себе приличную порцию, не присаживаясь, выпил и, приглашающе махнув в сторону бутылки, вышел из комнаты. Я услышал, как за скрипели пружины кровати.

Мы с Паттоном тихо покинули дом.

40

Едва Паттон кончил договариваться по телефону, чтобы перекрыли дороги, как позвонил сержант со сторожевого поста на Пумьем озере. Мы вышли, сели в машину Паттона, и Энди быстро погнал ее через поселок и дальше вдоль берега. С противоположного конца дамбы, где рядом со сторожевой будкой ждал в джипе сержант, нам помахали.

Пригласив нас следовать за собой, сержант завел джип, и мы поехали. Футов через двести у кромки каньона стояли несколько солдат и смотрели вниз. Около них уже останавливались машины и собралась кучка зевак. Мы подошли.

— Он не затормозил около часового. — В голосе сержанта слышалась горечь. — Чуть не сбил его с ног. Часовой в центре тоже еле успел отскочить. Третий часовой, который стоит у этого конца дамбы, крикнул, чтобы он остановился. Он не послушал.

Сержант жевал жвачку и смотрел вниз.

— В таких случаях у нас есть приказ стрелять, — продолжал сержант. — Часовой и выстрелил. — Он показал на рваную полосу, прочерченную в откосе каньона. — Здесь он полетел вниз.

Маленький двухместный автомобиль врезался в огромный гранитный валун футах в ста от края и стоял, наклонившись набок, почти перевернутый. Около него возились три человека. Они выровняли машину и что-то из нее вытащили.

То, что когда-то было человеком.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Анджапаридзе. Феномен Реймонда Чандлера</i>	3
<i>Вечный сон. Пер. А. Ливерганта</i>	19
<i>Высокое окно. Пер. А. Ливерганта</i>	201
<i>Блондинка в озере. Пер. М. Зинде</i>	381

Реймонд Чандлер

ВЕЧНЫЙ СОН. ВЫСОКОЕ ОКНО. БЛОНДИНКА В ОЗЕРЕ.

Редактор А. Н. Панкова

Художник Ю. А. Ноздрин

Художественный редактор В. А. Пузанков

Технический редактор В. А. Юрченко

Корректоры Г. А. Локшина, Н. И. Шарганова, В. В. Евтюхина

ИБ № 18337

Сдано в набор 03.01.91. Подписано в печать 21. 05. 91. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 29,4. Уч.-изд. л. 33,15. Тираж 300000 экз. Заказ 3. Цена 15 р. Изд. № 47905.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати.

119847. Москва, Зубовский бульвар, 17.

Типография № 2 Министерства печати и массовой информации РСФСР.
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

1000